

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

Выпуск 47

30 ноября 1977 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск 47

30 ноября 1977 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Серебровым – Суд над Рождествовым – Группы "Хельсинки" под следствием – Аресты, обыски, допросы – События в Литве – Преследования верующих – Преследования крымских татар – Право на выезд – Еврейское движение – В тюрьмах и лагерях – После освобождения – В ссылке – В психиатрических больницах – Внесудебные преследования – Разные сообщения – Письма и заявления – Обсуждение проекта Конституции – Официальные документы – Новости Самиздата – Процессы прошлых лет – Поправки и дополнения

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 47

November 30, 1977

Copyright © 1978 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Серебровым	5
Суд над Рождествовым	8
Группы "Хельсинки" под следствием	14
Дело Гинзбурга	14
Дело Орлова	19
Преследования Рабочей комиссии	22
Дело Щаранского	24
Дело Матусевича – Мариновича	31
Аресты, обыски, допросы	32
Арест Снегирева	32
Арест Валентины Пайлодзе	34
Дело № 186	35
События в Литве	41
Суд над Лапенисом, Матулионисом и Пранскунайте	41
Арест Пяткуса	43
Обыски и допросы	45
Волнения в Вильнюсе	48
Литовская группа "Хельсинки"	51
Преследования верующих	53
Католики	53
Адвентисты	55
Баптисты	55
Пятидесятники	60
Преследования крымских татар	61
Петиции	67
Право на выезд	71
Пятидесятники	78
Уехали	87
Еврейское движение	91

В тюрьмах и лагерях	95
Владимирская тюрьма	95
Мордовские лагеря	96
Пермские лагеря	102
В других лагерях и тюрьмах	107
Письма и заявления политзаключенных	114
В защиту политзаключенных	124
Освобождения	128
После освобождения	129
В ссылке	132
В психиатрических больницах	133
Казанская СПБ	133
Черняховская СПБ	134
Днепропетровская СПБ	135
Ленинградская СПБ	135
В больницах общего типа	135
Внесудебные преследования	137
Разные сообщения	138
Письма и заявления	142
Обсуждение проекта Конституции (окончание)	159
Официальные документы	162
Новости Самиздата	164
Процессы прошлых лет	168
Поправки и дополнения	170
Указатель имен	171

СУД НАД СЕРЕБРОВЫМ

12 октября народный суд Краснопресненского района г. Москвы рассмотрел дело Сереброва, обвинявшегося по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР ("использование заведомо подложного документа"). Председательствовала в судебном заседании Редькина, в качестве обвинителя выступала прокурор Кукушкина, защищала Сереброва адвокат Е.А. Резникова.

Феликс Аркадьевич Серебров (1930 г.р.) – член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (Хр. 44). С начала 70-х годов его подпись появляется под различными самиздатовскими документами: протестами, письмами в защиту политзаключенных и т.п. В 1976 г. Серебров направил ряд заявлений в советские органы здравоохранения и юстиции с требованиями изменения режима в Сычевской спецпсихбольнице. В середине 1976 г. КГБ безрезультатно пытался завербовать Феликса Сереброва и его жену Веру Павловну Сереброву в осведомители (следить за семьей П.Г. Григоренко).

22 апреля 1977 г. Ф. Сереброва вызвали в Краснопресненское РУВД г. Москвы, где старший следователь Малюта предъявил ему обвинение в том, что при поступлении на последнее место работы он представил в отдел кадров трудовую книжку, в которой были подделанные записи (подробности – ниже). С Сереброва взяли подписку о невыезде.

27 мая на квартире Сереброва произвели обыск для "изъятия документов о прежних местах работы". Изъяли документы Рабочей комиссии, инструкцию Министерства здравоохранения, стихи самого Сереброва, стихи Виктора Некипелова, переписку с Некипеловым, рецепт на лекарство от кашля (либексин), выписанный Некипеловым, и чистый бланк для рецепта.

3 июня у Некипелова провели обыск (Хр. 46); впоследствии материалы, касающиеся Некипелова, были выделены из дела Сереброва в отдельное производство.

13 июня Ф. Серебров написал:

...

Виктору Некипелову, отцу двоих малолетних детей, талантливому поэту, переводчику и публицисту, грозит опасность повторного заключения.

Шнек карательной власти затягивает Некипелова в мясорубку репрессий.

Дьявольский механизм, запущенный Сталиным, отрегулирован, смазан и продолжает перемалывать человеческие судьбы. Судьбу семьи Виктора Некипелова.

В тот же день он написал по поводу своего обвинения:

...

Властям удобнее преследование инакомыслящих облечь в форму уголовного: М. Ланда, И. Бегун, М. Штерн, художники Волков и Рыбаков...

Растут снежным комом дела уголовные. ...
А мы ждем арестов.

22 августа Серебров вызвали на допрос. Он отказался отвечать на вопросы, заявив, что истинная причина преследований – его общественная деятельность. Тогда по санкции заместителя прокурора Краснопресненского района Киракозова его арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму. При аресте Серебров объявил сухую голодовку.

24 августа четверо милиционеров, не предъявив соответствующих документов, произвели на квартире Сереброва обыск. Присутствовавшая при этом теща Сереброва Елена Ивановна Голубкова (75 лет, инвалид I группы) безуспешно протестовала против незаконного обыска.

26 августа инспектор уголовного розыска 11 отделения милиции Ланиенко изъял на квартире Сереброва его военный билет. Сделать зачисления в протоколе он присутствующим не разрешил.

28 августа Рабочая комиссия (В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинец) отправила Международному конгрессу психиатров в Генолулу телеграмму с призывом выступить в защиту Сереброва. Под письмом аналогичного содержания подписалось 40 человек.

29 августа Серебров и адвокат Резникова ознакомились с материалами законченного предварительного следствия. Резникова обратилась с ходатайствами о прекращении дела за отсутствием состава преступления и об изменении меры пресечения.

30 августа по настоянию друзей Серебров прекратил сухую голодовку. Суд проходил 12 октября.

Адвокат Резникова попросила дать ей время ознакомиться с содержанием запечатанного конверта, который оказался в деле уже после окончания предварительного следствия. В конверте оказались изъятые при обыске у Сереброва документы Рабочей комиссии и письма в защиту политзаключенных.

В начале заседания Серебров заявил отвод прокурору, "поскольку следствие велось предвзято и действия прокурора носили необъективный характер". Суд это ходатайство отклонил. В дальнейшем Серебров отказывался отвечать на вопросы прокурора, и судье, чтобы получить ответ, приходилось повторять их как бы от своего имени.

В обвинительном заключении Сереброву инкриминировалось, что в апреле 1974 г. при поступлении на работу на завод "Рассвет" он предъявил в отделе кадров трудовую книжку с тремя подделанными записями.

Первая из этих записей гласит, что в 1953 г. трудовой стаж Сереброва был 7 лет, причем в трудовой книжке указано, что эта запись сделана со слов самого Сереброва. Вторая запись гласит, что 10 апреля 1957 г. на

основании заключения медицинской комиссии Сереброва уволили. Исходя из того, что 9 апреля 1957 г. Сереброва арестовали за "превышение пределов необходимой обороны", следствие, опираясь на результаты экспертизы, считает в этой записи слова "по решению медицинской комиссии" подделанными. Наконец, третья запись гласит, что в 1963 г. Серебров работал слесарем 6 разряда. Экспертиза установила, что в этой записи на месте цифры "6" была цифра "5".

В обвинительном заключении ничего не говорится о том, кто и когда подделывал перечисленные записи и что было первоначально на месте первых двух записей.

Прокурор потребовала для Сереброва максимальной меры наказания по ч. 3 ст. 196 – 1 года лишения свободы, причем она потребовала, чтобы он отбывал наказание в лагере строгого режима, мотивируя это тем, что Серебров отрицательно характеризуется на работе ("работу выполнял, замечаний по работе не имеет, замкнут, в общественной жизни не участвует, в коммунистических субботниках участия не принимал").

Адвокат потребовала оправдания Сереброва. Она заявила, что поддельность записей не доказана. (В частности, по трудовому законодательству, действовавшему в 1957 году, увольнение в связи с арестом могло быть произведено не раньше, чем через два месяца после ареста, а медицинскую комиссию Серебров действительно проходил.) Кроме того, Резникова заявила, что даже если три указанные записи подделаны, то они не давали Сереброву никаких прав (запись, сделанная со слов владельца книжки, не является основанием для начисления стажа и зарплаты; запись о разряде не является основанием ни для начисления зарплаты, ни для установления разряда в дальнейшем), поэтому состава преступления по ст. 196 нет. Наконец, адвокат утверждала, что срок давности истек в данном случае 30 марта 1977 г., т.е. до возбуждения дела (22 апреля), поскольку 30 марта 1974 г. начальник отдела кадров завода "Рассвет" В.Д. Иванов уже решил, по его собственным словам (Иванов выступал на суде свидетелем), принять Сереброва на работу, чего, по мнению адвоката, без ознакомления с трудовой книжкой Сереброва не могло быть. (Официальный срок зачисления Сереброва на эту работу – 23 апреля.)

В последнем слове Серебров сказал, что он не считает "это слово последним, поскольку слово всегда было, есть и будет". Он сказал, что в последнее время КГБ с целью компрометации и запугивания диссидентов старается расправиться с ними, приписывая им уголовные преступления. В качестве примеров Серебров назвал дела М. Ланды, П. Рубана, свое дело и "готовящееся дело Некипелова". Серебров сказал, что угрозам и допросам со стороны КГБ он подвергался даже в Бутырской тюрьме, где его допросил следователь КГБ Капаев (дело Ю. Орлова), не скрывавший участия КГБ в его деле и высказавший сожаление, что на этот раз Серебров легко отделается. Серебров рассказал, что в 1976 г. его трудовая книжка находилась у следователя КГБ, который пытался завербовать его. Свое последнее слово Серебров закончил словами: "Ка-

кое бы решение ни принял суд, само возбуждение против меня уголовного дела я рассматриваю как нарушение Конституции и попрание моих прав и свобод”.

Последнее слово Сереброва неоднократно прерывалось судьей, запрещавшей Сереброву упоминать другие уголовные дела и говорить “мы” и “диссиденты”.

Суд был открытым, но первые скамьи были заняты сотрудниками КГБ.

В приговоре Серебров получил наказание, которого требовала прокуратура.

После суда Серебров был переведен в Краснопресненскую пересыльную тюрьму.

18 октября Серебров передал администрации тюрьмы для направления в суд заявление с просьбой, чтобы ему дали ознакомиться с протоколом судебного заседания; в суд это заявление не поступило.

20 октября Сереброву вручили копию приговора.

24 октября Сереброва этапировали в лагерь, хотя его приговор еще не вступил в законную силу. 25 октября заместитель начальника тюрьмы сказал В.П. Серебровой, что ее муж отправлен в Мордовию, поскольку по распоряжению Прокуратуры СССР и правительства московские тюрьмы перед празднованием 60-летия Октября должны быть разгружены.

27 октября, по прибытии в лагерь (11 мордовский лагерь в пос. Явас), Серебров хотел передать администрации ИТК кассационную жалобу, но ее у него не приняли, мотивировав отказ отсутствием у Сереброва конверта.

23 ноября в Московском городском суде состоялось кассационное рассмотрение. Адвокат Резникова заявила ходатайство об отложении рассмотрения ввиду нарушения права Сереброва на защиту, о восстановлении срока подачи Серебровым кассационной жалобы и об обратном этапировании Сереброва в Москву, чтобы он мог воспользоваться ее помощью и подать жалобу. Суд игнорировал ее ходатайство. Рассмотрение состоялось. Суд игнорировал также аргументы Резниковой, доказывающей необоснованность приговора. Приговор был оставлен без изменения и вошел в законную силу.

СУД НАД РОЖДЕСТВОВЫМ

23 ноября Калужский областной суд признал Владимира Рождествова, обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР, невменяемым и направил его на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

Владимир Павлович Рождествов (1937 г.р.) окончил Томский строительный институт.

6 ноября 1970 г., когда он ехал в Москву, чтобы распространять там составленные им листовки, призывающие к демократизации советской системы, его в Калинин сняли с поезда и принудительно госпитализировали в психбольницу, где ему диагностировали шизофрению. Лечили Рождествова инсулинотерапией. Из больницы он вышел в мае 1971 г.

В октябре 1971 г., когда КГБ узнал об организованной Рождествовым агитационной группе из 7 человек, его снова госпитализировали. Лечили нейролептиками и сульфозином. Выпустили в марте 1972 г. С тех пор Рождествов, как записано у него в истории болезни, "находится на особом учете в КГБ как социально опасный больной".

В ночь с 9 на 10 сентября Рождествова насильственно поместили в Калужскую областную психбольницу № 1. Там его подвергли лечению нейролептиками.

7 октября Александр Подрабинек обратился к главному психоневрологу Министерства здравоохранения СССР Чуркину:

...

Мы предлагаем Вам разобраться в этом деле и приложить все усилия для освобождения Рождествова.

Мы считаем нужным поставить Вас в известность, что, если к 12 октября Рождествов не будет освобожден, мы будем вынуждены обратиться в специальный Комитет по разбору жалоб на применение психиатрии в политических целях, созданный недавно при Международной ассоциации психиатров.

11 октября Рождествова перевели в Калужский следственный изолятор.

4 ноября прокурор областной прокуратуры Амаров сказал матери Рождествова, что против ее сына возбуждено уголовное дело по ст. 190-1 УК РСФСР и его ожидает принудительное лечение в спецпсихбольнице.

Суд состоялся 23 ноября. Председательствовал зам. председателя Калужского областного суда Кузнецов, обвинитель – прокурор Дмитриева, защитник – адвокат Н.Я. Нимирина, эксперт-психиатр – врач Калужской областной психбольницы Л.П. Тронина.

Суд был открытым, в зал были допущены все желающие. В качестве свидетелей в суд были вызваны Н.П. Гайдукова и Воронин. Гайдукова на суд не явилась – представила справку о болезни. Суд определил заслушать дело в ее отсутствие, огласив показания, данные ею на предварительном следствии. Суд определил также заслушать дело в отсутствие подсудимого "в связи с его болезненным состоянием".

Мать подсудимого Ольга Ефимовна Рождествова ходатайствовала о допуске Александра Подрабиника в качестве законного представителя ее сына. Адвокат Нимирина (в 1974 г. она защищала В. Хаустова (Хр. 32) и В. Некипелова (Хр. 32), в 1976 г. – В. Игрунова (Хр. 40)) поддержала ее ходатайство, прокурор Дмитриева возразила. Суд ходатайство Рождествовой отклонил.

В "Постановлении о направлении дела в суд для решения вопроса о применении к В.П. Рождествову принудительных мер медицинского характера" сказано:

Рождествов с 1970 года систематически распространял заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Это подтверждается показаниями свидетелей...

Свидетели Криворотов, Готовский, Рейнгардт, Некрасов, Надышев, Науменко показали, что в период 1976-1977 гг. Рождествов слушал антисоветские передачи западных радиостанций, комментировал их содержание в антисоветском духе, высказывал жалобы на якобы неправильность политики, проводимой в СССР, пытался оказать на них отрицательное влияние в политическом отношении. Интересовался лицами, выражающими политическое недовольство условиями жизни в стране, восхвалял жизнь в капиталистических странах...

В феврале-марте 1977 года передал Гайдуковой рукопись, в которой содержатся клеветнические измышления на условия материальной жизни советского народа, его экономические и политические права, а также на внутреннюю политику СССР. Предлагал Гайдуковой слушать передачи зарубежных радиостанций...

6-7 сентября 1977 г. пытался внушить Воронину антисоветские измышления. Убеждал его в необходимости борьбы за переустройство советского общества по образцу западного, распространять эти измышления среди населения, вступить в якобы существующую в СССР антисоветскую организацию. Предлагал слушать передачи антисоветских радиостанций и переписать текст сочиненного им идеологически вредного стихотворения...

По заключению судебно-психиатрической экспертизы, он высказывает бредовые идеи реформаторства и борьбы с существующим в Советском Союзе общественно-политическим строем...

По своему психическому состоянию Рождествов нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице специального типа...

Из допроса свидетеля Воронина:

Судья: Где и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Рождествовым?

Воронин: Мы жили вместе два дня в гостинице.

Судья: Расскажите все, что Вам известно по делу.

Воронин: 6 сентября я приехал в Малоярославец на военные сборы. Я работаю военруком в Огрызшевской средней школе. Я остановился в гостинице, в двухместном номере, в комнате номер четыре. Вечером 7 сентября, когда я писал конспекты, между нами – мной и Рождествовым – завязался разговор. Рождествов спросил меня, почему я не работаю по специальности (по профессии я – строитель). Я ответил, что вы-

нужден был уйти с работы из-за конфликта с директором. Тогда он сказал, что плохими бывают не только маленькие начальники, но и начальники в верхах. Вечером он слушал "Немецкую волну" и сказал, что итальянских коммунистов не пускают в СССР, что это дело пора кончать. Я спросил: "Не боишься меня агитировать?" Он ответил: "Я сначала приглядываюсь к человеку, а потом делаю выводы". После этого зашла речь о лагерях. Вечером я пошел смотреть фильм на военно-патриотическую тему. Рождествов фильм смотреть не пошел и сказал, что он такие фильмы не смотрит, потому что там все – ложь. Всю ночь я не спал и думал, как мне поступить. Утром я пошел в органы и все рассказал. Мне велели написать заявление. Дали указание, как вести разговор, на какие темы. Вечером я завел разговор о борьбе. Рождествов рассказал о подпольной организации, предложил в ней участвовать. Я спросил, чем я могу помочь. Он сказал, что надо агитировать хороших людей, вести пропагандистскую работу среди учеников старших классов. Он сказал, что можно распространять по 1000 листовок за три месяца, потом делать перерыв приблизительно на три месяца. Он говорил, что филиалы организации существуют в 130 городах, выходит журнал – какая-то "Хроника". Предлагал мне создать в Калуге кружок и с этой целью переехать сюда. Предлагал поговорить обо всем этом с моим братом. Показал мне свое стихотворение, в конспиративных целях предлагал переписать его мне самому и затем распространить среди масс. На следующее утро мы расстались, обменявшись адресами. Свою фамилию он не указал в конспиративных целях.

...

Судья: Какой разговор был дальше?

Воронин: Я спросил, какая цель стоит перед организацией. Он сказал, что надо мирным путем изменить строй, распустить армию, разделить землю приблизительно по 50 га на человека, ввести частную собственность на заводы и т.д., как на Западе.

Судья: Какая цель стоит перед организацией?

Воронин: Изменить строй.

Судья: В какие сроки?

Воронин: Максимально – за 10 лет.

Судья: К чему он призывал Вас лично?

Воронин: Призывал включиться в борьбу.

Судья: Каким образом?

Воронин: Агитировать, распространять листовки, переехать ближе к массам.

Судья: Что именно он говорил о листовках: какое содержание, кто их будет готовить, как их получать?

Воронин: Он сказал, что листовками обеспечит, что если существует журнал, то листовки – мелочь. Рассказывал о том, что в Москве разбирают листовки.

Судья: Есть ли уже подпольная организация?

Воронин: Не знаю. Рождествов говорил, что надо создать кружок.

Судья: Журнал, о котором он говорил, – "Хроника текущих событий"?

Воронин: Да.

Судья: Кем издается, какой организацией, где?

Воронин: Не знаю.

Судья: Какие радиостанции слушал Рождествов? Когда?

Воронин: В первый вечер он слушал "Немецкую волну".

Судья: Какого содержания была передача?

Воронин: Об итальянских коммунистах, которых не пустили в Советский Союз.

Судья: Какие станции предлагал слушать Рождествов? Как они называются?

Воронин: "Голос Америки", "Немецкую волну", "Би-Би-Си". Я сказал, что все, что передают эти радиостанции, – клевета. Рождествов сказал, что они говорят правду, так как сильные нации не будут клеветать на слабые.

Судья: Не возникло ли у Вас сомнений в психическом здоровье Рождествова?

Воронин: Нет. Он приводил много цитат, в том числе из Ленина, и производил впечатление умного человека.

Нар.заседатель: Выпивал ли он?

Воронин: Нет, даже пива не пил.

Нар.заседатель: Значит, по-вашему, он не больной человек, а враг народа?

Воронин: Да.

Обвинитель: Каково содержание стихотворения?

Воронин: Стихотворение призывало к борьбе и вообще было запрещенного содержания.

Обвинитель: Клеветает он там или нет?

Воронин: Клеветает.

Обвинитель: Что еще клеветнического он говорил?

Воронин: Что зарплата у рабочих маленькая, в магазинах нет мяса, молока, что нет прав, как на Западе, что снесли какую-то выставку в Москве, что выборная система недемократична.

Обвинитель: То есть опорачивал и клеветал на советский образ жизни?

Воронин: Да.

Защитник: В какие дни Вы были в гостинице?

Воронин: Седьмого, восьмого. Девятого после занятий уехал. Шестого числа занятий не было.

Защитник: Что клеветнического сообщил Вам Рождествов седьмого сентября, какие факты?

Воронин: В отношении партии и правительства, что наверху есть такие же плохие люди, как и внизу. Говорил о подпольной организации.

Защитник: Я Вас спрашиваю не об организации, а о том, что Вы считаете клеветническим.

Воронин: Например, о денежной системе – говорил, что зарплата маленькая.

Защитник: Об организации Вы говорили в этот день – 7 сентября?

Воронин: Да.

Защитник: Заявление в органы Вы написали на следующий день?

Воронин: Да.

Защитник: Почему же на нем стоит дата 9 сентября?

Воронин: Я написал восьмого, а девятого дописывал.

Защитник: Кто начал разговоры на второй день вашего знакомства?

Воронин: Рождествов записывал стихотворение. Я спросил его об этом стихотворении.

Защитник: Какие факты клеветнического характера содержались в стихотворении?

Воронин: Он писал, что народ пьет от безделия, призывал к борьбе.

Защитник: Вы переписали это стихотворение. Вы знали, что этого нельзя делать?

Воронин: Нет, не знал.

Экспертиза поставила Рождествову диагноз "параноидная шизофрения с бредом реформаторства". Эксперт – психиатр Л.П. Тренина – заявила на суде, что Рождествов "считал возможным изменить советский государственный строй мирным путем".

Судья отклонил ходатайство защиты о назначении повторной экспертизы и о вызове остальных свидетелей. Судья несколько раз грубо прерывал речь адвоката. Он запрещал присутствующим вести записи.

25 ноября Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях опубликовала "Сообщение о суде над Рождествовым".

В тот же день член этой комиссии Александр Подрабинек обратился к Международной ассоциации психиатров с открытым письмом. Письмо кончается так:

И пока еще не поздно, пока еще не начался кассационный суд, я призываю Международную ассоциацию психиатров вмешаться в это дело. Пусть резолюции, принятые в Гонолулу, не останутся на бумаге. Пусть советские психиатры почувствуют твердость своих зарубежных коллег в отстаивании гуманных принципов медицины.

ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" ПОД СЛЕДСТВИЕМ

Дело Гинзбурга

В конце февраля — начале марта в Калугу вызвали на допрос тарусского рабочего И.Л. Иванова, помогавшего А. Гинзбургу в перестройке его дома, и его жену. Иванов показал, что у него в доме лежит чемодан Гинзбурга с какими-то бумагами, и сдал этот чемодан следствию.

В августе следователь Саушкин несколько раз допросил бывшего уголовного заключенного Аркадия Градобоева — знакомого Гинзбурга по работе в Тарусском доме отдыха. Градобоев показал, что Гинзбург давал ему для чтения "Архипелаг ГУЛаг".

В конце августа следователь Саушкин дважды допросил семидесятилетнего московского литератора Н.Д. Оттена (Хр. 36), имеющего дом в Тарусе, и его жену, переводчицу Е.М. Гольшеву, — давних знакомых Гинзбурга, выступавших в его защиту еще в 1968 году. Оттен подтвердил, что у него в доме хранился чемодан Гинзбурга и что он передал этот чемодан для хранения И.Л. Иванову. Гольшева на вопрос, кому принадлежал "Континент", который она давала читать Градобоеву, сказала, что журнал ей подарил Н. Вильямс (Хр. 44), ныне проживающий в США.

Летом по делу Гинзбурга допросили жительницу Тарусы М.Р. Фогельзанг и московского режиссера Ю. Щербакова, имеющего дачу в Тарусе.

* * *

По делу Гинзбурга продолжают допрашивать бывших политзаключенных.

В августе в Калугу из Омска вызвали на допрос Владимира Поташова (Хр. 33). На вопрос, получал ли он деньги из Фонда, Поташов ответил, что один раз получил 175 рублей. "За что?" — "Считал, что полагалось, как политзаключенному." Поташову задали вопросы о положении заключенных в лагерях строгого режима.

В середине августа в Калугу вызвали на допрос Леонида Бородина (Хр. 1, 34). Бородин отказался давать показания. Тем не менее следователь зачитал ему вопросы о поведении Гинзбурга в лагере. Затем он прочитал показания некоего анонимного свидетеля, описывающего детали лагерной голодовки 1969 года, при помощи которой заключенные (и в их числе — Бородин) добивались разрешения на регистрацию брака между А. Гинзбургом и И. Жолковской. В этих показаниях рассказывается, как переправлялись из лагеря материалы о голодовке, пересказаны разговоры между участниками голодовки, в частности — между Бородиным и Виктором Калниньшем.

29 августа следователь Одинцов допросил в Калуге В.И. Гандзюка (Хр. 39), отбывающего сейчас ссылку в Томской области (Хр. 44, 46). Гандзюк подтвердил, что он получил от Гинзбурга перевод на 100 рублей и от его жены И. Жолковской – посылку. На вопрос "Считаете ли Вы себя политзаключенным?" Гандзюк ответил: "Конечно, не уголовник же я".

В конце августа – начале сентября в Калугу вызвали на допрос Сергея Мальчевского (Хр. 8,9,18), отбывающего сейчас ссылку в Коми АССР (Хр. 37). Он показал, что получил от Фонда в общей сложности около 1000 рублей. Мальчевского спрашивали также о жизни Гинзбурга в лагере.

* * *

В середине октября на допрос в Калугу вызывался Вячеслав Платонов (Хр. 1, 32).

Следователь Саушкин сказал Платонову, что именно Гинзбург "убил" Юрия Галанскова (Хр. 28). Сначала он якобы провоцировал Галанскова на деятельность, приведшую того на скамью подсудимых, а затем, находясь с ним в одном лагере, заставлял его принимать участие в голодовках протеста, что и явилось причиной его смерти.

Платонов ответил, что, находясь с Гинзбургом и Галансковым в одном лагере, видел, с какой теплотой заботился Гинзбург о своем больном друге. Он хорошо помнит, что Гинзбург отговаривал Галанскова от участия в голодовках. В частности, весной 1969 года Гинзбург сам прекратил голодать из-за тяжелого состояния здоровья поддержавшего его голодовку Галанскова. Платонов сказал, что считает виновными в смерти Галанскова лагерную администрацию, а также себя и других его лагерных товарищей, не сумевших добиться своевременной медицинской помощи для Галанскова, как добились этого для других.

Этот ответ Платонова следователь в протокол не занес.

Кроме того, Саушкин рассказал, что летом на допрос по делу Гинзбурга в Калугу был вызван бывший заключенный Мордовских лагерей художник Юрий Иванов (Хр. 10, 29). По словам Саушкина, прежде, чем войти в здание Калужского УКГБ, Иванов наклеил на него плакат "Свободу Александру Гинзбургу!"; в тот же день он был арестован и теперь находится под следствием в Калужской тюрьме. Он обвиняется по ст. 70 УК РСФСР, следствие ведет та же бригада, что и по делу Гинзбурга. Сам Иванов якобы объясняет свой поступок тем, что ему надоело жить на свободе и заботиться о куске хлеба.

* * *

В начале ноября следователь Саушкин допросил Ярослава Гасюка (Хр. 25). Гасюка спрашивали о поведении Гинзбурга в лагере. Гасюк рассказал о многочисленных достоинствах Гинзбурга. Когда ему показали материалы группы "Хельсинки" о нормах питания в лагерях, он сказал: "Вообще-то с голоду в лагерях не умрешь... посылки есть...".

11 ноября следователь Гайдельцов снова допросил Л. Бородина, 14 ноября – В. Узлова (Хр. 46). Им были еще раз предложены уже задававшиеся вопросы – они вторично отказались на них отвечать. Обоим предъявили обвинение по ст. 182 УК РСФСР (“Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний...”).

В середине ноября из Луги (Ленинградская обл.) вызвали на допрос в Калугу Сергея Хахаева (Хр. 35). Хахаев показал, что в лагерях с Гинзбургом он не пересекался и денег от Фонда не получал. Следователь утверждал, что Гинзбург через Хахаева передал 2,5 тысячи рублей Ю. Федорову (Хр. 42, 44-46) и В. Новосельцеву (Хр. 45) на создание нелегальной организации бывших политзаключенных. Хахаев не подтвердил это; вероятно, поэтому в протокол допроса это записано не было.

23 и 24 ноября Гайдельцов допросил в Калуге Сергея Пономарева (Хр. 13, 15, 32), одного из подельников В. Павленкова (Хр. 42). После того, как Пономарев уважительно отозвался о Гинзбурге, Гайдельцов заявил, что “Белую книгу” (сборник документов по делу Синявского и Даниэля) составил на самом деле Ю. Галансков, а Гинзбург был в этом деле только подстрекателем. Гайдельцов сказал, что, находясь в Мордовских лагерях, Гинзбург подкупил всю администрацию и “жил лучше, чем мы на воле – и чай, и кофе у него всегда были”. Гайдельцов утверждал, что, распоряжаясь Фондом, Гинзбург одним почти не помогал, а других одевал во все импортное и закатывал им пиры.

26 ноября жена А. Гинзбурга Ирина Жолковская направила следователю М.В. Оселкову, возглавляющему бригаду по “делу Гинзбурга”, следующее заявление:

23-24 ноября с.г. работник вашей следственной бригады, ведущей дело моего мужа А.И. Гинзбурга, следователь Гайдельцов допрашивал свидетеля С.М. Пономарева (г. Горький). Следователь Гайдельцов начал допрос с того, что до всего прочел свидетелю длинную лекцию о Гинзбурге, полную вздорных выдумок и клеветы. Так, он авторитетно сообщил свидетелю Пономареву, что книгу о процессе Синявского – Даниэля Гинзбург не делал (как это зафиксировано в приговоре по делу Гинзбурга, Галанскова и др. в 1968 г.). Делал эту книгу, по словам Гайдельцова, ныне покойный Юрий Галансков (он умер в 1972 г. в концлагере в Мордовии). Гинзбург же, по сведениям Гайдельцова, заставил Галанскова работать на себя, потом “посадил” его, хитростью получив срок меньший, чем у больного Галанскова, к которому следователь Гайдельцов относится с большой симпатией. И вообще, по заключению Гайдельцова, “смерть Галанскова” – “на совести Гинзбурга”.

Уже не в первый раз КГБ запускает этот чудовищный и циничный слух. Сначала со ссылками на КГБ его разносил провокатор Евгений Мурашов, теперь уже в открытую произносит сам следователь КГБ.

Я со всей ответственностью заявляю, что считаю эти действия

следователя Гайдельцова незаконными и аморальными, а его заявление – нагло клеветническим.

Далее следователь Гайдельцов сообщил свидетелю Пономареву, что, находясь в лагере в Мордовии, Гинзбург "купил всю администратцию" и что после возвращения из тюрьмы на деньги Фонда он покупал своим приятелям-зэкам дома (!).

Эти заявления следователя Гайдельцова я расцениваю как недальновидную безответственную ложь. Следователь Гайдельцов пользуется методами шантажа и клеветы с целью опорочить еще не осужденного человека и оказать давление на свидетеля, чтобы потом добиться от него нужных следствию показаний. Я выражаю недоверие следователю Гайдельцову и прошу отстранить его от ведения следствия. У меня есть все основания опасаться того, что следствие по делу моего мужа ведется необъективно. Поэтому я вынуждена обратиться к американскому адвокату Э.Б. Уильямсу, который представляет интересы моего мужа на Западе, и отправить ему копию этого моего заявления, чтобы он и другие западные юристы видели, как ведется следствие по делу Гинзбурга. Мне известно, что у Э.Б. Уильямса находится много свидетельских показаний о личности, жизни и деятельности моего мужа от лиц, проживающих как здесь, так и на Западе (в т.ч. от адвоката Галанскова, а впоследствии Гинзбурга – Д.И. Каминской). В связи с последними заявлениями следователя Гайдельцова я прошу адвоката Уильямса воспользоваться как уже имеющимися, так и новыми показаниями свидетелей и представить их в любую инстанцию, которую он выберет.

28 ноября в Калуге допросили Виталия Помозова (бывший студент исторического ф-та Горьковского университета; отсидел 3 года по ст. 190-1 УК РСФСР; сейчас живет около Тарусы). Его спросили, что давал ему читать Гинзбург. Помозов отказался давать показания, так как ему не разъяснили суть обвинения.

По слухам по делу Гинзбурга допросили также Л. Ладьженского (Хр. 34, 43).

В Калуге находится Михаил Садо (см. "Освобождения" в разделе "В тюрьмах и лагерях").

* * *

По делу Гинзбурга допросили жену Коровина (Хр. 34, 39) и жену М. Макаренко (Хр. 46). Жена Коровина сказала, что получала помощь от "сионистского фонда", а о Русском общественном фонде она ничего не знает.

* * *

С 17 по 22 октября следователь Гайдельцов допросил в Горьком по делу Гинзбурга Т.Л. Батаеву, Н.Н. Лепехина, одного из подельников

В. Павленкова В.И. Жильцова (Хр. 13) и жену В. Павленкова Светлану Павленкову (Хр. 42). Все вызванные некоторое время назад посылали политзаключенным деньги. На допросах их спрашивали, в основном, об этом. Батаева, Лепехин и Жильцов показали, что они посылали в лагеря свои личные деньги. Светлана Павленкова заявила, что с А. Гинзбургом она хорошо знакома и не может давать показаний о друзьях, поэтому она отказывается от дачи показаний.

На 10 ноября Гайдельцов вновь вызвал С. Павленкову на допрос – на этот раз в Калугу. Он повторил ей 3 вопроса из тех, что задавал в Горьком, – она вновь отказалась давать показания. После этого Гайдельцов предъявил ей обвинение по ст. 182 УК РСФСР. 19 ноября С. Павленкова и ее защитник Е.А. Резникова ознакомились с делом. Резникова написала ходатайство о прекращении дела, поскольку инкриминируемое деяние было совершено до вступления в силу Указа об амнистии, а на допросе 10 ноября не произошло ничего нового.

* * *

22 ноября газета "Горьковская правда" поместила статью о семье Павленковых и их друзьях. Светлана и Владлен Павленковы представлены в ней как клеветники и антиобщественные элементы, живущие на подачки Запада.

Семья Пономаревых обвиняется в статье в том, что помогает военным преступникам и ОУНовцам, отбывающим "справедливое" наказание. В статье упомянуты брат Павленковой М. Панкратов и подельник Павленкова В. Жильцов.

* * *

О допросах К. Любарского, Г. Саловой и В. Турчина – см. в разделе "Право на выезд" наст. выпуска.

* * *

1 ноября в Лефортово была вызвана на допрос И. Жолковская, жена А. Гинзбурга. Допрашивавший ее ст. следователь Ю.Ф. Сучков был подчеркнута любезен. Отвечая на первый вопрос, И. Жолковская записала в протокол, что считает своего мужа замечательным человеком и гордится им; на остальные вопросы она отвечать отказалась. Сучков сообщил И. Жолковской, что следствие заканчивается, и предложил ей искать адвоката. На слова Жолковской, что защищать ее мужа будет американский адвокат Э.Б. Уильямс (Хр. 44), Сучков ответил, что это проблема международная и решаться она будет особо. Затем Сучков 40 минут разбирал жалобы Жолковской на прием передач в Калужской тюрьме, но по существу ни на один вопрос не ответил.

Жолковская начала искать адвоката. В течение ноября взять на себя защиту А. Гинзбурга отказались 8 московских и 4 ленинградских адвоката.

* * *

4 октября более 50 человек из Москвы, Ленинграда и других городов провели однодневную голодовку в защиту Гинзбурга и Орлова.

* * *

21 ноября – в день рождения А.И. Гинзбурга – на его имя в Калужскую тюрьму пришли десятки поздравительных телеграмм от друзей и знакомых Александра Ильича. Поздравила Гинзбурга и группа американских сенаторов: они послали свою телеграмму министру внутренних дел Щелокову с просьбой передать ее адресату.

* * *

См. также "Новости Самиздата" в наст. вып.

Дело Орлова

По делу Ю. Орлова, кроме Ирины Валитовой – нынешней, третьей жены Ю. Орлова (Хр. 46), допросили также его первую и его вторую жену. У них спрашивали, помогал ли Ю. Орлов детям, откуда он брал деньги на эту помощь и что привлекало их в нем. Обе отозвались об Орлове положительно.

Следователь Московского УКГБ ст. лейтенант В.Н. Капаев допросил сына Ю. Орлова Дмитрия Орлова (25 лет). Дмитрий отказался отвечать на вопросы об отце. Он заявил:

... Мой отец обладает превосходно развитым чувством моральной и социальной ответственности. Следствие над таким человеком, как мой отец, я считаю аморальным.

Следователь Капаев и Еропа допросили другого сына Ю. Орлова Александра Орлова (23 года). Его спросили, помогал ли ему отец, в чем выражалась эта помощь, не давал ли ему отец сертификаты. Александр ответил, что отец давал ему обычные советские деньги и покупал вещи. На вопрос, не давал ли ему отец читать документы Хельсинкской группы, Александр ответил, что отец давал ему художественную литературу.

Писателя Владимира Корнилова на допросе (Хр. 46) следователь Московского УКГБ ст. лейтенант В.В. Каталиков попросил дать характеристику Ю. Орлову. Корнилов ответил, что знает Ю. Орлова как благородного, честного человека, настоящего русского интеллигента. На вопрос, не давал ли ему Орлов "Континент", Корнилов ответил, что он сам печатался в этом журнале, так что Орлову незачем это было делать. На вопрос, не Орлов ли составлял текст заявления по поводу взрывов в Московском метро (Хр. 44), подписанный среди прочих Орловым и Корниловым, Корнилов ответил, что не знает.

Следователь Каталиков допросил зав. лабораторией в ИТЭФ АН СССР доктора физ.-мат. наук Е.К. Тарасова, работавшего в ИТЭФ вместе с

Орловым до 1956 года. Тарасов охарактеризовал Орлова как талантливого ученого и прекрасного человека.

– Что Вы можете сказать о политической деятельности Орлова?

– О политической деятельности Орлова я ничего не знаю.

– Что же Вы – не слушаете радио?

– Нет, не слушаю.

– Орлов нам показал, что Вы у него брали книги. Давал ли он Вам "Континент", роман Г. Гессе "Игра в бисер", статьи Буржуадеева?

– Нет, не давал.

– На какие деньги жил Орлов?

– Давал уроки.

– На это не проживешь.

Близкий друг Ю. Орлова, давний "отказник", доктор физ.-мат. наук Ю.А. Гольфанд на допросе сказал, что Ю. Орлов – большой, талантливый ученый и замечательный человек.

– Мне стыдно, что таких людей, как Орлов, сажают за решетку.

– Что Вы можете сказать о деятельности Орлова в так называемой группе "Хельсинки"?

– Одобряю, поддерживаю.

– На какие деньги жил Орлов?

– Давал уроки школьникам.

– Не видели ли Вы у него доллары, сертификаты?

– Нет, никогда не видел.

Следователи Каталиков и Капаев допросили знакомого Ю. Орлова Игоря Вирко, работающего в издательстве "Знание". На вопрос, что он знает об антисоветской деятельности Ю. Орлова, Вирко не смог ничего ответить. Его спросили, видел ли он в доме Орлова иностранцев, кого он там встречал. Вирко вспомнил Гастева и Турчина. И на этот раз интересовались, на какие деньги жил Орлов. Вирко сказал, что видел выходящую от Орлова ученицу.

Старого знакомого Орлова поэта Михаила Каплана допросили в милиции. Просили дать характеристику Орлову, снова спрашивали, на какие деньги он живет. Каплан отозвался об Орлове в превосходных тонах и опять указал на уроки школьникам как на источник дохода.

В Киеве по делу Орлова допросили члена Украинской группы "Хельсинки" О.Я. Мешко.

В Читу на допрос по делу Орлова вызывали Мальву Ланду (Хр. 46).

2 августа следователь Одесского УКГБ Шумило допросил в Одессе Леонида Серого (Хр. 42) – по делу, как сказал Шумило, "Турчина и Орлова". На вопрос, знает ли он Турчина и Орлова, Серый ответил, что слышал об Орлове по радио. Шумило этот ответ в протокол записал так: "Серый знает Орлова, но отказывается говорить, когда с ним познакомился". После этого Серый перестал разговаривать со следователем и написал заявление об отказе от дачи показаний.

29 августа следователь Каталиков вызвал на допрос Т. Великанову. Она отказалась давать показания.

В тот же день следователь Капаев допросил Л. Терновского.

30 августа следователь Каталиков допросил А. Лавута. Лавут заявил, что уголовное преследование Ю. Орлова способствует нарушению прав человека в Советском Союзе, и отказался давать показания. Тем не менее Каталиков задал несколько вопросов по поводу ряда документов (в защиту М. Джемилева, С. Ковалева, П. Старчика, Ю. Гастева), подписанных, среди прочих, Лавутом и Орловым. Лавут повторил свой отказ от дачи показаний и отметил, что некоторые из заданных вопросов по сложившейся практике выглядят как вопросы не свидетелю, а потенциальному обвиняемому.

6 октября следователь Капаев допросил Ю. Гастева. Капаев отказался подтвердить, что Орлов обвиняется по ст.190-1 УК РСФСР. Гастева спросили о его отношении к Московской группе "Хельсинки". Вызванный его ответом вопрос "А почему Вы, так относясь к деятельности Группы, сами в нее не вошли?" в протокол включен не был. По поводу нескольких документов, под которыми, среди прочих, стоят подписи Гастева и Орлова, его спросили, когда, где и при каких обстоятельствах ему довелось подписать данный документ. На первый из этих вопросов Гастев всякий раз советовал посмотреть дату публикации, на второй отвечал – "В Москве", на третий – отвечать отказывался (Капаев писал в протокол: "Не помню"). Коллеги Капаева следователи Каталиков и Ю.С. Яковлев давали Гастеву "советы": "О содержании допроса и самом факте вызова вам не стоило бы никому рассказывать", "Держитесь, во избежание неприятностей, подальше от Сахарова и его окружения", "Если вам здесь так не нравится, то не подыскать ли вам для жительства более свободную страну?"

21 октября по делу Орлова допросили члена Московской группы "Хельсинки" А. Корчака. Допрос продолжался 7 часов. Вопросы касались не только Ю. Орлова, но и А. Гинзбурга и А. Щаранского. Корчак подтвердил свою подпись под документами группы, но отказался отвечать на другие вопросы. Следователь угрожал Корчаку арестом: "Не думайте, что попадете в политический лагерь – в уголовный. И там вам голову пробьют."

21 и 22 ноября по делу Орлова допросили В. Альбрехта.

* * *

Знакомому Ю. Орлова, мл. научному сотруднику Института твердого тела АН СССР А.Ф. Барабанову зав. лабораторией предложил письменно отмежеваться от политических взглядов Орлова. При этом он предупредил Барабанова, что его хотят сделать старшим научным сотрудником. Барабанов, сказав, что у него с Орловым сутубо личные отношения, не стал ничего писать.

Директор ИТЭФ АН СССР в присутствии секретаря партбюро и "неизвестного лица" спросил член-корреспондента АН СССР Л.Б. Окуня, не собирается ли он выступить в защиту Орлова. Окунь ответил, что не собирается.

Преследования Рабочей комиссии

10 октября сотрудниками УКГБ при СМ СССР по Москве и Московской области было проведено 7 обысков по делу № 474 (делу Ю. Орлова) : у членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Вячеслава Бахмина, Ирины Каплун и Александра Подрабинека (на его временной квартире в Москве), у брата А. Подрабинека Кирилла Подрабинека – дома (в Электростали) и на работе (на железнодорожном переезде, где он работает дежурным), у Лидии Ивановой – жены отца А. Подрабинека (в Электростали) и у Татьяны Якубовской – знакомой А. Подрабинека (в Малаховке).

Обыски у Бахмина и Каплун были проведены по постановлению капитана КГБ Яковлева, остальные обыски – по постановлению ст. лейтенанта КГБ Капаева. В постановлениях на обыск у Бахмина и Каплун было сказано, что обыск проводится "с целью изъятия документов, принадлежащих А. Подрабинеку".

У Бахмина были изъяты картотека Рабочей комиссии, стенограмма 17 съезда партии, стихи Гумилева.

У Каплун изъяли документы Рабочей комиссии и группы "Хельсинки", вырезки из советских газет, книгу Р. Конквеста "Большой террор", копию советского издания Мандельштама.

У А. Подрабинека были изъяты машинописный экземпляр его книги "Карательная медицина", документы Рабочей комиссии и "Международной Амнистии", "Архипелаг ГУЛаг", пишущая машинка. Обыск закончился в 22 часа 55 минут, после чего А. Подрабинека отвезли в Московское УКГБ (Мал. Лубянка) на допрос. Допрос вел капитан Яковлев. Подрабинека перед началом допроса отказался отвечать на любые вопросы, мотивировав отказ тем, что считает ночной допрос в данном случае недопустимым. Допрос закончился в 0 часов 30 минут.

У Ивановой изъяли альманах "XX век", материалы самиздатского научного журнала "Исследователь", фотографию Солженицына (в протоколе обыска сказано – "фотография мужчины с усами и бородой за микрофоном"), записные книжки.

У Якубовской были изъяты записные книжки А. Подрабинека, четыре мелкокалиберных патрона и один винтовочный патрон. 18 октября Якубовскую вызвали на допрос в Московское УКГБ. Она показала, что пять патронов, изъятые у нее на обыске, принадлежат А. Подрабинеку, он принес их к ней несколько лет назад, они остались у него с того времени, когда он в школьные годы занимался спортивной стрельбой.

В доме у К. Подрабинека (А. Подрабинека прописан здесь же) изъяли "Раковый корпус" и материалы журнала "Исследователь". В протоколе обыска – всего 3 пункта.

На работе у К. Подрабинека были изъяты его статья о новой Конституции, второй выпуск бюллетеня "Вокруг проекта Конституции СССР"

(Хр. 46), гарпунный пистолет для подводной охоты и 127 мелкокалиберных патронов.

14 октября на квартире у К. Подрабиника был произведен повторный обыск. Обыск проходил так: предъявив постановление об обыске, лейтенант Зотов подошел к платяному шкафу, открыл его, засунул руку в висевший там пиджак и вытащил ее, зажав в кулаке два мелкокалиберных патрона; на этом обыск закончился. Зотов не разрешил К. Подрабинику сделать замечания к протоколу и записал в нем: "Заявлений и замечаний по поводу обыска от лиц, участвовавших в обыске и присутствовавших при нем, не поступило".

23 октября К. Подрабинек сделал заявление:

...

В последний год я сблизился с некоторыми московскими диссидентами, подписывал различные воззвания и заявления. Возможность возбуждения против меня уголовного дела по обвинению в незаконном хранении оружия и боеприпасов может бросить тень на все демократическое движение и, в особенности, на моего брата, хотя совершенно очевидно, что в основе дела лежит политическое обвинение.

По ряду причин я не могу в настоящее время комментировать случившееся, подтверждать или опровергать принадлежность мне изъятых на обыске 10 октября вещей. Поэтому прошу друзей и доброжелателей также отказаться от комментариев по этим вопросам. Я сам сделаю это, когда сочту нужным.

В ночь с 27 на 28 октября, когда по графику на железнодорожном переезде должен был дежурить К. Подрабинек, там, в связи с его болезнью, дежурил другой человек. Ночью в сторожку постучались двое прилично одетых молодых людей. Для этого времени года и для этого часа это беспрецедентно (от переезда до ближайшего населенного пункта – 30 минут ходьбы). Вошедшие попросили у дежурного стакан. Когда он повернулся, чтобы выполнить их просьбу, ему каким-то тяжелым предметом нанесли удар по голове. Он упал без сознания. Очнулся он только через 7 часов. Если бы удар был нанесен в нескольких сантиметрах от того места, куда он попал, он, вероятно, был бы смертельным. Неизвестные на переезде ничего не взяли.

В заявлении от 5 ноября К. Подрабинек пишет:

...

Точных доказательств, что эти двое напавших были мои "друзья" из КГБ, – нет, но основания так считать – есть.

Однако в любом случае мои коллеги дежурить на переезде боются. И я не удивлюсь, если при следующем обыске на моей работе будет обнаружен пулемет.

К. Подрабинек уволился с этой работы.

И. Капун, П. Подрабинек и А. Подрабинек, Т. Осипова, М. Петренко (Подъяпольская), П. Григоренко и Э. Григоренко, Н. Мейман, В. Слепак, свящ. Г. Якунин, В. Капитанчук, Р. Джемилев, А. Лавут и Т. Великанова выступили с обращением

В защиту Кирилла Подрабиника

В последние годы в СССР все чаще применяются чисто уголовные методы расправы с инакомыслящими: шантаж, провокации, избияния, убийства.

Специфика этих преступлений такова, что в каждом отдельном случае прямые улики добыть очень трудно, поскольку органы правопорядка не проявляют заинтересованности в их расследовании, а частные лица лишены возможности проводить следствие.

Последний из ставших известными случаев такого рода – попытка убийства Кирилла Подрабиника. ...

...

Мы опасаемся за жизнь Кирилла Подрабиника. Мы опасаемся повторения подобных акций в отношении других неугодных властям лиц.

... Мы призываем ... требовать открытого и полного расследования, помня, что беззащитность жертвы и безнаказанность преступников развязывают им руки для новых преступлений.

Дело Щаранского

С августа по ноябрь допросы по делу Анатолия Щаранского прошли в 20 городах Советского Союза. Допросили около 100 человек, в основном – отказников; большинство о Щаранском не знакомы.

Допросы в Москве

Леонида Шабашова допрашивали 1 и 8 августа. На первый допрос его доставили приводом, обыскали сумку на предмет "ношения оружия". Записывая его ответы, их исказили. Ему сказали, что его выезд зависит от его поведения на следствии. Шабашов написал жалобу в прокуратуру. На нее ответили, что факты, изложенные в жалобе, не подтвердились.

19 августа допросили Аркадия Мая. Допрос вел следователь Скалов. Мая спрашивали, в основном, о семинаре по еврейской культуре и истории, которым он руководит. Затем предъявили несколько страниц машинописного текста – якобы список отказников, составленный А. Щаранским. На вопрос Мая "Какое отношение имеет этот список к шпионажу?" следователь ответил, что этот список, конечно, не является шпионажем, но с ним вместе могла быть передана секретная информация. А. Май указал в протоколе, что никогда и ни с кем не обсуждал место своей работы, а писал об этом только в ОВИР.

В тот же день допросили Александра Гвинтера. Получив от Гвинтера ответ, что он с Щаранским не знаком, следователь расспрашивал его о нем самом и о подписанных им коллективных письмах.

В начале сентября допросили Владимира Лазариса. Следователь Налойченко сказал Лазарису, что сейчас он свидетель, но обвинение против него – вопрос только времени. (В ноябре Лазарис уехал из СССР.)

28 и 29 сентября на допросы вызывался Захар Тескер. В основном, заданные вопросы касались его самого.

* * *

28 октября корреспондент ТАСС Виктор Владимиров передал на Запад заявление ТАСС

Антисоветчики за работой

В последние дни сионистские организации на Западе из кожи лезут вон с тем, чтобы раздуть антисоветскую кампанию вокруг дела предателя Анатолия Щаранского. В Вашингтоне, Париже, Гааге, Гамбурге, Осло устраиваются специальные сборища, где его изображают "невинной жертвой произвола". Простым "еврейским борцом за гражданские права". Об этом твердят на сборищах разного рода "свидетели". Их, как декорации на театральных гастролях, перевозят за чей-то счет из Европы в Америку и наоборот.

Что же в действительности представляет собой Анатолий Щаранский – этот якобы невинный борец за гражданские права? Как уже сообщалось, Щаранскому предъявлено обвинение в оказании помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против Советского Союза. Факты свидетельствуют, что Щаранский систематически занимался сбором и фабрикацией клеветнической информации о советской действительности и передавал ее на Запад для широкого использования в антисоветских целях. По заданию своих хозяев он поставлял на Запад данные о советских предприятиях и учреждениях, ведущих торговлю с капиталистическими странами, вместе со своими сообщниками всеми мерами способствовал кругам, заинтересованным в срыве торговли этих стран с Сов. Союзом.

О виновности Щаранского и его соратников свидетельствует, в частности, уже известное, в том числе в госдепартаменте США и ООН, заявление Сани Липавского (Хр. 44 – Хр.), советского гражданина, которого американская разведка пыталась втянуть в преступную подрывную деятельность против СССР. Работу Щаранского в интересах разведки США не считал нужным скрывать агент спецслужб, бывший корреспондент "Лос Анджелес Таймс" в Москве Роберт Тот (Хр. 46 – Хр.); последний уже после высылки из Сов. Союза заявил, что Щаранский служил ему источником информации.

Не лучше выглядит и моральный облик "еврейского борца за гражданские права". Представление о нем даст хотя бы следующая деталь. Только за последние три года Анатолий Щаранский сменил трех жен. Вторая из них – Наталия Штиглиц, которая сейчас разъезжает по разного рода сборищам под видом неутешной жены Щаранского, – должна бы знать, что ее супруг вначале намеревался выехать в Израиль по вызову "нвесты" Ершковиц, которую он, как объяснял в Отделе виз и регистраций, пылко и страстно любил. А после отъезда в Израиль самой Штиглиц не долго горевал о разлуке с ней. На ролях новой жены Щаранского Наталью Штиглиц заменила некая Лида Воронина.

Таковы факты, и их не опровергнуть никакой клеветнической шумихой. И еще одно – организаторы шумихи не скрывают: их цель оказать давление на органы советского правосудия. Напрасные потуги, господа. Изменник Родины будет наказан по всей строгости советского закона, в полном соответствии с его буквой и духом.

* * *

15 ноября допросили Елену Сиротенко и ее отца. Следователь Скалов говорил Е. Сиротенко, что Щаранский действовал не один, а в рамках разветвленной организации: "Мы их пока не судим". Он сказал, что евреи хотят делать политику в СССР, но пусть не думают, что это им удастся. Отказники, по его словам, за деньги и посылки собирают антисоветскую информацию, которую потом скупает Израиль. "Щаранский работал на антисоветские и сионистские организации, ЦРУ и американский капитал". Кроме того, он сообщил, что военная экспертиза якобы доказала, что Р. Тот – шпион. Е. Сиротенко предъявили несколько коллективных писем евреев, под которыми стоит ее подпись.

В тот же день вновь (Хр. 45) допросили Виктора Браиловского. Допрос, который вел следователь Коваль, длился 12 часов. Браиловскому было предъявлено большое количество составленных отказниками документов. Браиловский отказался отвечать на вопросы. Его пытались уговорить изменить свою позицию, ссылаясь на самиздатский очерк В. Альбрехта "Как вести себя на допросах".

16 ноября следователь Литвиновский допросил Владимира Альбрехта. Его, в частности, спросили: "Оказывали ли Вы другим отказникам какую-либо помощь в вопросе, связанном с выездом в Израиль?" Допрос продолжался 10 часов. 21 ноября Альбрехта еще раз допросили по делу Щаранского.

16 ноября на допрос вызвали также мать А. Щаранского И.П. Мильгром. Вел допрос следователь Горбунов. Мильгром заявила, что отказывается быть свидетелем на следствии, т.к. не уверена, что после этого будет допущена в суд. Она выразила недоумение по поводу заявления ТАСС от 28 октября (см. выше). Следователь Горбунов посоветовал не обращать на это внимания. Он сказал, что это какая-то провокация. Горбунов попросил Иду Петровну подробно рассказать биографию сына. Она

согласилась и рассказывала об Анатолии несколько часов. При чтении протокола выяснилось, что, записывая, Горбунов искажает ее рассказ. Например, вместо "Анатолий жил на квартире Л. Ворониной" он написал: "Анатолий жил с Л. Ворониной в ее квартире".

17 ноября к следователю Б.И. Четкинцу были вызваны отец Щаранского и его брат. Б.М. Щаранский на допрос не пошел и передал письменное заявление об отказе от участия в следствии, т.к. считает его не объективным.

Леонид Щаранский явился на допрос. На просьбу рассказать биографию брата Леонид ответил, что не будет этого делать, потому что накануне все рассказала мать. Затем пошел долгий разговор, считает ли Леонид следствие объективным. Он сказал, что разделяет мнение отца. Следователь предложил записать это и сказал, что Л. Щаранскому придется ответить за клевету. После этого он на мгновение показал кусок протокола, где рукой Анатолия Щаранского было написано, что он не имеет претензий не то к следствию, не то к следователю, не то к проведению данного допроса (Леонид не успел прочесть). Четкинц пытался убедить Леонида, что теперь он должен признать следствие объективным и непредвзятым. Леонид настоял на том, чтобы в протоколе было записано его мнение по этому поводу.

18 ноября вызвали на допрос Ларису Виленскую. Вел допрос майор Ю.Ф. Кудрявцев. Он спрашивал о подписях под коллективными письмами. Кудрявцев угрожал Виленской ответственностью за отказ от дачи показаний, хотя она отвечала на его вопросы.

* * *

23 и 25 ноября в спецприемнике № 6 УВД Мосгорисполкома допросили Льва Гендина, отбывавшего 10 суток административного ареста (он был задержан возле синагоги). Допросы проводил подполковник Четкинц. Несмотря на то, что Гендин в эти дни болел и у него была высокая температура, допросы длились по 8 часов. Четкинц спрашивал, в частности, какова роль Щаранского в организации демонстраций отказников. Предъявлялась фотография демонстрации у памятника Ю. Долгорукому, на которой засняты Гендин и Щаранский.

Гендину зачитали показания Леонида Цыпина о том, что в октябре 1974 г. А. Лунц организовал и финансировал поездки Щаранского, Гендина и Тескера по городам Советского Союза, чтобы собрать информацию об отказниках для пересылки ее в канцелярию Джексона перед голосованием его "поправки". (В среде отказников последние несколько лет бытовало мнение, что Цыпин — провокатор. 17 мая 1977 г. газета "Вечерняя Москва" напечатала "разоблачительное" заявление Цыпина о еврейских активистах.)

Допрос постоянно прерывался оскорбительными замечаниями в адрес Гендина, Щаранского и других отказников. Четкинц неоднократно угрожал Гендину большими сроками за различные уголовные преступления.

После второго допроса Гендин написал жалобу на действия следователя Генеральному Прокурору СССР Руденко.

* * *

24 ноября майор Касумов допросил Иосифа Асса. Когда Ассу дали на подпись протокол допроса, оказалось, что в протоколе его ответы "отредактированы". Асс отказался подписать такой протокол. Касумов, не согласившись зафиксировать ответы Асса дословно, стал писать, что свидетель отказывается отвечать на вопросы, и угрожал ему уголовной ответственностью по ст. 182 УК РСФСР. 27 ноября И. Асс направил жалобу в Прокуратуру СССР. Описав обстоятельства допроса, он просил приобщить эту жалобу к делу Шаранского.

* * *

На 25 ноября в КГБ были вызваны известные еврейские активисты и близкие друзья Шаранского Мария и Владимир Слепаки, Дина и Иосиф Бейлины, Юлия и Александр Лернеры, Ида Нудель, Наум Мейман.

25 ноября на допрос явились только супруги Бейлины и Ида Нудель. Их допрашивали следователи Скалов и Шерудило. В. Слепак явился на допрос 28 ноября. Его допросил Коваль. Свидетелям не дали возможности самим записать свои показания; следователи отказались внести в протокол дополнения и исправления; показания заносились в протокол в искаженном виде; заявления, сделанные свидетелями во время допросов, к делу приобщить отказались. Следователь Скалов говорил, что Шаранский совершил преступление, называл его преступником.

Все допрошенные дали Шаранскому наилучшие характеристики, изложив это в своих показаниях или заявлениях.

Супруги Лернеры, Мария Слепак и Наум Мейман на допрос не явились, заявив, что считают дело сфабрикованным, а следствие необъективным.

* * *

В середине ноября с работы на допрос доставили Льва Тальянкера. Тальянкер сообщил, что с Шаранским знаком не был. Следователи интересовались статьей Тальянкера об эмиграционной политике советских властей.

* * *

В конце ноября допросили Евгения Либермана, Марка Новикова и Михаила Членова. Им предъявили подписанные ими письма еврейских активистов. Все трое отказались давать показания, ссылаясь на то, что если эти письма считаются криминалом, то свидетели переходят в ряд подозреваемых.

В те же дни повторно допросили Г. Вигдарова (Хр. 46). Задавали те же вопросы, что и в июле. Вигдаров, как и раньше, сказал, что Шаранского не знает.

Ленинград. В конце августа – начале сентября следователь Степанов из Москвы и следователь Медведев из Ленинграда допросили многих отказников. Вопросы касались московских и ленинградских отказников, подписей под коллективными письмами евреев, мифической организации ("Шерут Алия") и каких-то "кустов отказа". Владимир Кнох отказался отвечать на вопросы, сказав, что дело Щаранского направлено против всех отказников, а значит и против него лично. Григорий Гоман не отвечал на вопросы, потому что ему не сообщили, в чем обвиняется Щаранский. Лазаря Казакевича вызвали на допрос обманом – сказали, что он нужен для уточнения выездных дел. Большинство свидетелей из Ленинграда с Щаранским знакомы не были.

Киев. 6-8 сентября следователь Коваль допросил Владимира Кислика. Первый допрос длился 12 часов. Кислика спрашивали о Щаранском, коллективных письмах евреев, но более всего – о нем самом.

Других допрошенных в Киеве свидетелей (Бедрина, Лебеда, Паргаманика, Герцберга) спрашивали о Кислике. С Щаранским все они не знакомы. (О Кислике см. также в разделе "Еврейское движение".)

Минск. 5, 6 и 8 августа допросили Л.П. Овсищера. Следователь – майор Скалов. Овсищер после допроса заявил:

Ни одного материала или вопроса, подтверждающего верность предъявленного Щаранскому обвинения, у следователя не было. Нет у него и данных о наличии в передаваемой информации сообщений о каких-то секретах и быть не может. Явно прослеживалось желание выяснить все, что можно, о нашей борьбе за выезд.

В Минске допросили еще четырех еврейских активистов: Гольдина, Хесса, Ратнера и Зубарева. Все они с Щаранским не знакомы.

Один из вопросов – кто приезжал на похороны полковника Давидовича (Хр. 40). В ответ на недоумение по поводу этого вопроса Скалов сказал, что в поезде могла состояться встреча с иностранцами и при этом могла быть передана секретная информация.

Вильнюс. Допросы проходили в начале сентября. Вызванный в качестве свидетеля член Литовской группы "Хельсинки" Эйтан Финкельштейн от участия в деле отказался, т.к. считает, что оно ведется методами, несовместимыми с законодательством. Вызвали много других отказников, в том числе – кормящих матерей, беременных женщин, больных, находящихся на бюллетене. Все они сообщили следствию, что не знакомы с Щаранским.

Рига. Допросы проводил в начале сентября следователь Кочетков. Валерию Каминскому, доставленному на допрос приводом, заявили, что из него сделают "второго Щаранского". Якова Гордина тоже привезли на допрос приводом. Аркадий Цинобер отказался участвовать в следствии. Спрашивали о том, как список отказников Риги попал в Москву. На одном из допросов следователь Кочетков заявил, что следствие ведется не в интересах правосудия, а в интересах государства.

Одесса. В конце августа по делу Щаранского допросили Лилию и Льва Ройтбурдов и Д. Скульского. Вопросы касались суда над Ройтбурдом (Хр. 37). В середине ноября допросили Л. Тымчука и Валентину Барладяну.

Харьков. В мае здесь допросили Владимира Певзнера (сейчас он уже выехал в Израиль). Спрашивали о нем самом, о том, как его жалобы попали на Запад. В августе вызывали Фактора, Пшоника и Ландера. Все они с Щаранским не знакомы. Следователь Налойченко спрашивал, как попали списки харьковских отказников в Москву и на Запад, о знакомствах в Москве.

Львов. 1, 5 и 6 октября местный следователь по поручению Московского УКГБ допросил 5 человек. Следователь рассказал им, что Щаранский был главой московской организации "Алия", за время его деятельности создано более 90 клеветнических документов, которые Щаранский через иностранцев переправлял на Запад; "Алия" направила Щаранского в качестве своего представителя в Хельсинкскую группу. Кроме того, Щаранский собирал и передавал информацию, использованную западными спецслужбами во вред Советскому государству, установил контакт с иностранными журналистами, которым давал тенденциозные материалы. Результатом его деятельности явилась поправка Джексона.

Ростов-на-Дону. В начале ноября допросили 19-летнего Л. Брусиловского. Его спрашивали, не давал ли Лазарь Любарский (ныне в Израиле) каких-нибудь заданий Щаранскому. Из-за допросов выезд Брусиловского, уже имевшего разрешение, был задержан.

Душанбе. В мае и в августе допросили Амнона Завурова и его отца (Хр. 44) и несколько других отказников, всего около 10 человек. Все они заявили, что никогда не видели Щаранского. Несмотря на то, что у большинства из них много родных в Израиле, их спрашивали, откуда о них узнали на Западе.

Кишинев. Показав фотографию Щаранского, следователь заявил, что это — преступник международного класса.

Кроме того, допросы проходили в Саратове, Туле, Виннице, Краснодаре, Фрунзе, Черновцах, Бендерах, Бельцах, Калининграде, Каунасе.

* * *

За последние месяцы коллективные письма в защиту Щаранского написаны евреями Минска, Вильнюса и Ленинграда. 17 минских отказников в письме на имя Брежнева требуют освободить Щаранского и предоставить ему право на выезд в Израиль. 11 вильнюсских евреев пишут о том, что угроза, нависшая над Щаранским, — это удар по всем еврейским активистам, отказникам, всем желающим эмигрировать, всем евреям СССР. 17 ленинградцев, вызывавшихся свидетелями по делу Щаранского, также пишут, что это дело направлено против всех активных отказников.

30 сентября куратор дела Щаранского Володин (Хр. 45) принял его мать И.П. Мильгром. В ответ на ее ходатайства о предоставлении сыну возможности пользоваться услугами адвоката во время следствия и о свидании с сыном Володин сказал, что ей разрешено взять советского адвоката с допуском только для закрытия дела и защиты в суде. Он сказал также, что услугами иностранных адвокатов Щаранскому воспользоваться не разрешат. Володин сообщил, что свидания с Щаранским родственникам не дадут, т.к. после этого по радио будут переданы искаженные сведения. Володин пытался скомпрометировать в глазах матери Щаранского его друзей.

31 октября И.П. Мильгром после многочисленных запросов о возможности участия адвоката в предварительном следствии получила из Прокуратуры СССР ответ, подписанный ст. советником юстиции С.А. Захаровым:

Поскольку нет никаких обстоятельств, препятствующих само-
му обвиняемому осуществить свое право на защиту, для удовлет-
ворения вашего ходатайства оснований не имеется.

В ноябре родителям А. Щаранского сказали, что им надо искать адвоката.

Дело Матусевича – Мариновича

2 августа Василия Овсиенко (Хр. 44, 45) допросили в Житомире по делу Матусевича и Мариновича. Интересовались приездами Матусевича к Овсиенко. Овсиенко отрицал знакомство с Матусевичем. Ему предъявили показания его племянницы Людмилы Рябухи, в которых говорилось, что весной к ее дяде приезжал человек по имени "Микола". 3 августа Овсиенко написал Людмиле письмо, где советовал ей говорить на допросах только то, что идет в протокол, и только с теми, кто ведет протокол.

26 августа с Овсиенко "беседовали" работники Житомирского УКГБ Чайковский, Шишук и Котвицкий. Они угрожали Овсиенко уголовным преследованием за "заведомо ложное показание", "понуждение свидетеля... к даче ложных показаний..." и "разглашение данных предварительного следствия..." Кроме того, они утверждали, что в письмах, которые Овсиенко написал с 3 по 17 августа, он распространял "заведомо ложные измышления".

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Арест Снегирева

22 сентября в Киеве арестовали писателя и кинематографиста Гелия Ивановича Снегирева (1927 г.р.).

В 1974 г. Снегирева исключили из партии, Союза писателей и Союза кинематографистов.

В 1974-1976 гг. у Снегирева обострилась болезнь сердца, произошли кровоизлияния в сетчатку обоих глаз, зрение упало до сотых долей нормы. Врачебная комиссия определила ему инвалидность 2 группы.

Парижское управление больниц пригласило Снегирева на лечение, однако Министерство здравоохранения СССР сообщило, что оно "не имеет соглашения об обмене больными на лечение с капиталистическими странами". 4 июля 1977 г. Снегирев обратился в ОВИР г. Киева с просьбой разрешить ему выезд в частном порядке для лечения.

После опубликования проекта Конституции Снегирев послал в Президиум Верховного Совета СССР письмо, в котором выразил категорическое несогласие с проектом и отказался от советского гражданства. Снегирев отослал свой паспорт.

За Снегиревым началась непрерывная слежка. В почтовом ящике оказывались письма от "возмущенных патриотов" с бранью и угрозами. Его внезапно вызвали на врачебную комиссию, решающую вопрос выплаты пенсии, хотя совсем недавно Снегирев проходил ее.

В июне Снегирев передал иностранным корреспондентам письмо Президенту США:

...

Я убежден в том, что настал час, решающий, одержит ли окончательно верх над Человеческим Разумом общественно-политический урод, именуемый Социалистической Сверхдержавой, или победит Человеческий Разум...

...

Наша Сверхдержава представляется мне мчащейся под уклон колымагой...

...

Похоже, г-н Президент, что народы мира тяготеют Свободой. Готовы народы мира устроить Свободе тихие похороны и с песнями отправиться в рабство.

Дай Вам Бог остановить колымагу.

В августе он опубликовал "Обращение к вождю (памфлет с оптимистическим финалом)". В этом памфлете выдвигается программа коренного переустройства нашего общества. Кончается памфлет так:

Грохочет черный шарабан. Волочатся вожжи. Совершите неимоверное усилие, дотянитесь до вожжей, схватите крепкой рукой – и останетесь Вы в веках "Леонидом благословенным". Иначе – живого или труп – вышвырнет вон на ухабе, кувыркнетесь в гнилую яму, а вслед вам понесутся проклятия.

6 октября газета "Литературная Украина" напечатала большой фельетон "Альфонс". В этом фельетоне она, не стесняясь в выражениях, обливает Снегирева грязью. 9 октября Снегирев отправил в редакцию газеты письмо (экземпляры письма разосланы им также в журналы, где он печатался, и некоторым коллегам по перу) :

Дорогая редакция!

Тронут вниманием к моей скромной персоне. Право же, не сомневался, что "Лит. Украина" не забудет о моем 50-летию в октябре сего года и достойно отметит мой юбилей.

Благодарен за яркую рекламу, устроенную на страницах "Лит. Украины" общественно-политической моей деятельности и моему произведению об украинских буржуазных националистах СВУ. Особенно приятно то, что слава разнесется не только по просторам Украины, но плеснет и за рубежи, где проживает немало почитателей вашего почтенного органа.

Благодарен также идеологическим отделам КГБ и ЦК КП Украины, которые вовремя подсказали Вам устроить эту рекламу. Очень вовремя, поскольку именно на этих днях мне сообщено, что "Патроны для расстрела (Мама моя, Мама...)" на выходе в украинских зарубежных издательствах навстречу славному 60-летию Великого Октября. (Эта повесть напечатана также в журнале "Континент" №№ 11, 12 – Хр.)

Досадно лишь, что в опубликованном панегирике не нашлось хотя бы абзаца для освещения моего отказа от советского гражданства из-за несогласия с новой Конституцией. В заявлении Президиуму Верховного Совета СССР я, в частности, писал:

– Вся ваша Конституция – ложь от начала до конца.

Надеюсь, что в последующих публикациях к моему юбилею Вы сумеете исправить эту ошибку и рассказать читателям о еще одном позорном поступке "праведного христианина".

Искренне –

Гелий Снегирев

P.S. Едва не забыл .

В последующих публикациях к моему 50-летию сообщите, пожалуйста, что в 1956-57 годах юбиляр заведовал отделом публицистики и худож. литературы в Вашем уважаемом органе. А затем, получив благословение достойных воспитателей и все выше вырастая над собой, попал в так называемую "номенклатуру ЦК": с соответ-

ствующими характеристиками и рекомендациями "Лит. Украины" и Союза писателей сел в кресло главного редактора Украинской студии хроникально-документальных фильмов и трудился на этом ответственном посту целых 7 (семь) лет.

Г.С.

Снегирев подал заявление о выезде из СССР.

22 сентября его арестовали.

12 октября члены Московской и Украинской групп "Хельсинки" опубликовали "Обращение к правительствам и демократической общественности стран-участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе" с просьбой выступить за освобождение Гелия Снегирева и арестованных ранее членов групп "Хельсинки". К Обращению присоединились еще 15 человек.

Арест Валентины Пайлодзе

7 апреля, в день ареста З. Гамсахурдиа и М. Коставы (Хр. 45), был произведен обыск и у члена Инициативной группы защиты прав человека в Грузии, религиозной деятельницы Валентины Пайлодзе (Хр. 32). У нее нашли шесть экземпляров самиздатского журнала "Вестник Грузии" (Хр. 45).

6 ноября Валентину Пайлодзе и ее подругу Тасо Берикашвили высадили из автобуса. В. Пайлодзе обвинили в том, что она украла у какой-то женщины 500 рублей. Их отвезли в 26-е отделение милиции и обыскали. У Пайлодзе "нашли" религиозную литературу. Пайлодзе и Берикашвили посадили в темный подвал. Они объявили голодовку. 8 ноября Пайлодзе куда-то увели. Затем Берикашвили освободили. На вопрос о причине ее ареста Берикашвили ответили: "Сама виновата! Зачем дружишь с такой женщиной? Иди и никому не рассказывай о происшедшем и больше не имей дела с семьей Пайлодзе."

6 ноября, когда Пайлодзе и Берикашвили были уже под арестом, домой к Берикашвили зашел человек, назвавшийся Григорием Цинцадзе (Берикашвили не знает человека с такой фамилией). В комнате была знакомая Берикашвили. Посетитель сказал, что зайдет через 20 минут, и ушел. После его ухода знакомая Берикашвили обнаружила на столе пачку листовок с русским текстом. Испугавшись, она взяла листовки и понесла их домой к Пайлодзе, чтобы показать ей. Когда она находилась в квартире Пайлодзе, туда пришли с обыском. В комнате ничего не нашли, но, обыскав гостью, нашли листовки. Составили акт, в котором было написано, что листовки дали ей Пайлодзе и Берикашвили. Угрожая ей арестом, эту женщину заставили подписать акт. Когда члены семьи Пайлодзе стали протестовать, обыскивающие ответили, что они выполняют личный приказ Шеварднадзе – арестовать Пайлодзе под любым предлогом.

Дело № 186

Хр. 46 сообщала о задержании на границе Бенгта-Гуннара Сарелда и Нильса-Эрика Энгстрема – шведов, возвращавшихся на своей машине из Советского Союза. Здесь был допущен ряд неточностей. Произошло это 5 июня. Шведы были арестованы, а не задержаны. При обыске у них были обнаружены не только письма пятидесятников с просьбами при-слать вызов для выезда, но и документы об эмиграции пятидесятников и баптистов, в частности, книга "Выходи из нее, народ Мой" (Хр. 44,45).

Арестованные шведы содержались под следствием в Минске. Вскоре они начали давать обширные показания о верующих, с которыми встречались, путешествуя по Советскому Союзу. Результатом этих показаний стали многочисленные обыски и допросы.

* * *

Москва. 8 августа по делу № 186 были проведены обыски у пятидесятника Анатолия Власова (Хр. 46) и у баптистов Александра Семченко, Натальи Варфоломеевой и Виктора Стрельникова (Раменское Москов-ской обл.). У Семченко изъято 60 Библий. В доме Стрельникова обнару-жена и изъята студия звукозаписи, в которой записывались духовные пес-ни. Находясь в Москве, Энгстром и Сарелд побывали у Стрельникова, осмотрели оборудование студии и познакомились с ее работниками, о чем и рассказали следствию.

Всего по этому делу допросили 10 членов Московской общины ЕХБ – работников студии. Семченко, Стрельникова и Варфоломееву допросили в Москве, а затем вызвали на допрос в Минск.

После пятнадцатого допроса в Минске Александра Семченко 21 сентя-бря снова допросили в Москве. Допрос вели двое следователей из Мин-ска – подполковник И.Д. Савенков и капитан Г.Т. Дорогин. Как выяс-нилось, 15 сентября Сарелд дополнительно показал, что он вместе с Сем-ченко был в магазине "Березка" и купил аппаратуру, чтобы Семченко мог демонстрировать библейские фильмы, переправленные ему из "Сла-вянской миссии". Следователи угрожали Семченко сроком.

На допросы в Минск были вызваны также пятидесятники Петр Разу-мовский из села Хотьково (Московская обл.) и Валентина Федотова из Малоярославца (Калужская обл.). Кроме того, в Москве допросили пятидесятника Николая Романюка. Шведы показали, что видели всех троих на квартире А. Власова в Москве.

В августе по показаниям шведов вслед за А. Власовым допросили его жену Валентину Власову.

В Москве по этому же делу вызывали православных Вадима и Зари-ну Щегловых.

Киев. 25 августа по делу шведов обыскали пятидесятников Я.С. Гаврышева и А.С. Прудникову и баптистов Т.А. Дубинина и В.П. Шу-портяк. У баптистов изымались документы Совета Церквей и материалы Совета родственников узников ЕХБ.

Кроме того, проведен обыск у пятидесятника Адама Озерчука. У него изъята религиозная литература.

Всего в Киеве по этому делу прошло 6 обысков.

С 26 по 29 августа приехавший из Минска старший следователь капитан Басальга допросил 8 верующих. Известно, что пятидесятники отказались подтвердить, что знакомы с Сарелдом и Энгстремом.

Старотитаровская (Краснодарский край). 31 августа по делу Энгстрема и Сарелда проведен обыск у Горетого и Бибикова. Изъята религиозная литература, книги Шелкова. 1 сентября Горетого и Бибикова допросили.

Ленинград. В сентябре по делу № 186 обыскали пресвитера Ленинградской общины ЕХБ Маховицкого. У него изъято 120 Библий.

Таллин. Здесь в сентябре проведен обыск у методиста Януса Кярнера.

Очные ставки

18 октября на допрос в Минск вызвали Анатолия Власова. Следователь Дорогин уговаривал Власова подтвердить, что он встречался со шведами и передал через них на Запад книгу "Выходи из нее, народ Мой".

После того, как Власов отказался давать показания, ему были устроены очные ставки с Энгстремом и Сарелдом.

* * *

18 октября во второй половине дня была проведена процедура опознания. Из трех сидевших рядом людей Энгстрем указал на Власова и сказал, что 2 июня 1977 г. получил от него два пакета документов.

19 октября проводилась очная ставка Власова с Бенгтом Сарелдом. Следователи – Слиндинский и Дорогин. Переводчика не было, т.к. Сарелд хорошо говорит по-русски.

Увидев Власова, Сарелд заплакал: "Ведь у него такие же дети, как у меня!". Следователи успокоили его и спросили, знает ли он Власова. Сарелд ответил, что знает и что они братья во Христе. Власов на аналогичный вопрос ответил, что таких братьев, которые предают братьев, он не знает и знать не хочет, ибо это Иуды.

Сарелду стало дурно, и ему дали воды. Оправившись, он обратился к следователям: "Вы же мне говорили, что никого вызывать не будете, никому ничего не будет".

Власов – Сарелду: "Вас обманули, вы не знаете всех приемов КГБ". Следователи запретили Власову говорить. Сарелд попросил следователя подтвердить, что Власову ничего не будет. Следователь подтвердил.

После этого Сарелд показал, что получил задание от "Славянской миссии" узнать, связан ли Власов с "группой Сахарова"; он побывал у Власова и взял у него документы об эмиграции. Содержания взятых документов он не знал, ознакомился с ними только на следствии и теперь выражает сожаление, что эти документы оказались антисоветскими и клеветническими и что Власов передал такие документы.

Власов возразил: "Разве не правда, что наши братья по 20 лет отсидели, что по вине НКВД я остался без отца и сам отсидел при Хрущеве 5 лет?" Следователь оборвал Власова, сказав, что здесь не пресс-конференция и надо молчать, раз отказался от дачи показаний.

Затем Сарелд показал, в какое время и кто из Швеции бывал у Власова, и рассказал, что в 1975 году Власову привезли множительный аппарат. Он также рассказал, что в один из своих прежних визитов в Москву предложил Власову составлять обзоры по советской прессе для "Славянской миссии" и, как ему известно, Власов хорошо справлялся с этой работой.

На прощание Сарелд сказал про себя, что он похож на евангельского человека, который хотел построить башню, но не рассчитал своих сил.

В тот же день после обеда Власову была устроена очная ставка с Энгстремом. Переводчик – Пархоменко. Энгстрем подтвердил, что он и Сарелд взяли у Власова два пакета документов, оказавшихся клеветническими и несущими вред гражданам СССР и государству.

Во время очной ставки заходили другие сотрудники КГБ и спрашивали об интервью Власова на квартире Гинзбурга 2 февраля 1977 г. Власов сказал, что дал это интервью в интересах справедливости.

* * *

На следующий день, 20 октября, Власова допрашивали в присутствии помощника прокурора БССР Шеварова.

На вопросы, знает ли Власов шведов, знает ли он А. Гинзбурга и Ю. Мнюха и где находится множительный аппарат, доставленный ему из Швеции в 1975 г., Власов отвечать отказался. На вопрос, что он знает о "Славянской миссии", Власов ответил: "То, что пишут в советской прессе". Затем его спросили, чем он мотивирует свой отказ от дачи показаний. Власов ответил: "Не могу быть Иудой". Следователь по совету прокурора записал в протоколе: "Не могу быть Иудой по отношению к кругу моих знакомых".

Власову сказали, что в Московскую прокуратуру будет передано дело на него об отказе от дачи показаний.

В беспроточной беседе полковник Савенков сказал Власову, что он может быть привлечен к ответственности по ст. 70 УК РСФСР за хранение и передачу шведам антисоветских клеветнических материалов и, поскольку он отказался давать показания, срок ему дадут максимальный.

* * *

Сарелд и Энгстрем имели одно свидание с консулом. По правилам, работники посольства "могут регулярно посещать" подследственных иностранцев. На деле обычно дается одно свидание в месяц. В данном случае в новых свиданиях посольству было отказано.

* * *

По слухам, шведов должны были выпустить в середине ноября.

Ереван. 9 июня при попытке вылететь в Москву в аэропорту обыскали члена Армянской группы "Хельсинки" дьякона Роберта Назаряна (Хр. 46). У него отобрали паспорт, поздравительное письмо президенту Картеру, обращение о сборе пожертвований на нужды семей политзаключенных, русский перевод фельетона о Назаряне "Ложный пророк" (газета "Советакан Айластак" за 5 мая 1977 г.) и еще ряд документов. Копию акта об изъятых документах Назаряну не дали.

Тбилиси-Ереван. 11 июня при попытке вылететь в Москву в Тбилиском аэропорту обыскали Шагена Арутюняна. (Год назад Ш. Арутюнян отказался от советского гражданства и обратился в посольство ФРГ с просьбой предоставить ему политическое убежище.) У него отобрали паспорт, заявление в посольство ФРГ, обращение в Комитет прав человека ФРГ и другие документы. После этого Ш. Арутюняна арестовали и перевезли в Ереван. Там он еще в течение суток находился в подвале милиции. Сотрудники КГБ, обнаружив у Ш. Арутюняна номера телефонов иностранных корреспондентов, сказали ему, что члены Армянской группы "Хельсинки" будут арестованы и с каждым из них расправятся по-своему; например, Эдуард Арутюнян – сумасшедший и, следовательно, ясно, как с ним поступят; Роберта Назаряна ожидает трехлетний срок заключения за распространение клеветы. Ш. Арутюняну заявили, что иностранные корреспонденты – это шпионы, а американское посольство – шпионский центр. Ему предложили отказаться от выезда в ФРГ и забрать из ОВИРА свои 500 рублей.

Москва. 13 июня здесь задержали и обыскали Бениамина Овакимяна. У него отобрали, в частности, отчет Армянской группы "Хельсинки" Белградскому совещанию. Копию акта об изъятии ему не выдали.

Калужская обл. 16 августа Виталий Помозов (см. о нем "Дело Гинзбурга" в наст. вып.) был вызван в качестве свидетеля в Серпуховский райотдел КГБ. Там с ним провели беседу начальник отдела В.А. Шиповский и капитан В.В. Рудакин. Выяснилось, что на Помозова есть показания его горьковского знакомого Вячеслава Уланова о том, что он "распространял произведения Солженицына".

Помозов отказался отвечать на конкретные вопросы следователей.

Ему зачитали предупреждение о том, что он будет привлечен к уголовной ответственности "в случае продолжения антигосударственной деятельности, выражающейся в распространении политически вредной литературы".

Рига. 23 августа, в день ареста В. Пяткуса (см. "События в Литве"), здесь был проведен обыск у бывшего политзаключенного Инса Цалитиса, формально – по делу Гаяускаса (Хр. 45), ведущемуся Литовским КГБ. На обыске были изъяты документы "Главного комитета национального движения Эстонии, Латвии, Литвы". В этот день на вокзале был задержан Виктор Калниньш (Хр. 41, 46).

Цалитиса и Калниньша несколько раз вызывали на допросы по делу Пяткуса, допрашивали, главным образом, о Комитете. Калниньш показал, что по просьбе Пяткуса, приезжавшего в Ригу, он сделал перевод до-

кументов Комитета с русского на латышский (документы Комитета, изъятые на обыске у Цалитиса, были написаны рукой Калниньша).

Тарту. 25 августа Марта Никлуса (Хр. 42, 43) сняли с поезда Таллин—Москва и отвезли на обыск. На обыске, который проводил следователь КГБ Отс, изъяты фотоаппарат, пустые кассеты и несколько экземпляров автобиографии. После обыска Никлуса допросили о Комитете.

Никлус написал в Литовский КГБ — потребовал вернуть изъятые вещи. В ответе, подписанном следователем Лазаревичусом, сказано, что они нужны по делу Пяткуса.

(См. также ниже, в конце раздела.)

Тбилиси. 12 сентября в 8 часов вечера возле здания филармонии арестовали иностранного гражданина, распространявшего листовки. В листовках от имени "Комитета молодых фламандцев" на грузинском языке излагалась программа НТС. На следующий день в газете "Вечерний Тбилиси" было опубликовано следующее сообщение:

12 сентября сего года в момент распространения в г. Тбилиси антисоветских листовок подрывного характера задержан турист из Франции — Жан-Жак Поли, 1954 г.р.

Ведется расследование.

Воронеж. В мае-июне в КГБ шесть раз вызывали "на беседу" учителя истории Валерия Семеновича Герасимова. В ходе "бесед" его обвиняли в "дурном влиянии" на молодежь, в прослушивании иностранных радиопередач и чтении "Архипелага ГУЛаг". От Герасимова требовали, чтобы он "покаялся" и рассказал о своей "деятельности". Герасимов ответил, что не считает себя ни в чем виноватым.

В.С. Герасимов (1946 г.р.) в 1970 г. был уволен с работы в школе (он был тогда "освобожденным комсоргом") за "разлагающие разговоры". Потом он долго работал сторожем и т.п.

На "беседы" вызывали также знакомых Герасимова: студента 2 курса филологического факультета Воронежского университета Виктора Гончарука, студента 2 курса исторического факультета ВГУ Георгия Ольхова и студента 3 курса филологического факультета Московского университета Михаила Жеребятьева.

19 сентября Герасимова вызвали на переосвидетельствование в военкомат и положили на обследование в неврологическое отделение военного госпиталя. Через 10 дней его выписали с диагнозом "паранояльная психопатия" и направили на стационарное обследование в областную психбольницу.

Кировоградская обл. В августе Кузьму Матвиюка (Хр. 42, 44) допросили в КГБ по делу английского туриста Андрея Климчука, арестованного во Львове. В республиканской газете "Радянська Україна" было написано, что Климчук вез на Украину пленки с зашифрованными указаниями по подрывной деятельности, крупную сумму денег и адреса. Матвиюку задавали вопросы: "Не приезжал ли к Вам кто-нибудь от Клим-

чука?"; "Были бы Вы обрадованы, если бы у Климчука оказался Ваш адрес?"

Рязань. 13 сентября Ивана Данилюка (Хр. 45) схватили на улице и отвезли в РОВД Советского района. Ему показали заявление, подписанное "соседи", и сказали, что он подозревается в скупке краденого, пьянках и аморальном образе жизни. Затем его обыскали и отобрали 17 экземпляров открытого письма главному редактору газеты "Правда" (в этом письме юрист Данилюк перечисляет 22 нарушения закона, допущенные в 1974 г. в его "деле"), 7 экземпляров письма в Комиссию по правам человека ООН (в нем он предлагает привлечь к международному суду виновников массовых убийств иностранных граждан в сталинские времена) и 8 экземпляров письма министру здравоохранения СССР по поводу Сергея Пуртова (Хр. 26). У Данилюка забрали также приговор по его делу и копию обвинительного заключения. Протокол об изъятии Данилюк не подписал.

Накануне в его квартире в его отсутствие был произведен негласный обыск.

Умань (Черкасская обл.). 28 сентября 1977 г. милиция произвела обыск у Н.В. Суровцевой. Поводом послужило поступившее якобы заявление, что Н.В. Суровцева занимается изготовлением фальшивых денег. На обыске изъятые материалы из архива Н.В. Суровцевой, рукописи ее воспоминаний.

Надежда Витальевна Суровцева — украинская писательница, историк, искусствовед. Ей 81 год. В период с 1922 по 1956 гг. Н.В. Суровцева подвергалась непрерывным репрессиям по обвинению в антисоветской деятельности; в тюрьмах, лагерях и ссылке она провела свыше 30 лет. Н.В. Суровцева часто упоминается в "Архипелаге ГУЛаг" А. Солженицына, где используются фрагменты из ее воспоминаний.

В 1972-74 гг. у Н.В. Суровцевой и проживающей вместе с нею ее родственницы, ныне покойной Е.Л. Олицкой (Хр. 34) неоднократно производились обыски — в связи с арестами Л. Плюща, К. Матвиюка, Б. Черномаза, В. Некишелова.

Ленинград. 6 октября работники КГБ провели обыск в комнате общежития, в которой проживает студент филологического факультета Ленинградского университета Петр Драга. Изъяты "Вестник РХД", книга А.Д. Сахарова "О стране и мире" и сборник статей по поводу письма А.И. Солженицына "К вождям Советского Союза". После обыска Драгу отвезли в райисполком и в течение нескольких часов "беседовали" с ним. Ему угрожают исключением из университета.

Москва. В октябре на квартире Р.Г. Боннэр, тещи А.Д. Сахарова, и на квартире, в которой прописаны А.Д. Сахаров и его жена Е.Г. Боннэр (Хр. 44), были проведены негласные обыски. На второй из этих квартир обыскивающие и не пытались скрыть следы своего посещения.

Таллин. 16 ноября по постановлению, подписанному майором Лазаревичусом (Литовский КГБ), здесь провели обыск по делу № 47 (делу Пяткуса) у Эрика Удама (Хр. 46). Забрали записную книжку, сказав, что в ней записан адрес Пяткуса.

Тарту. В тот же день по тому же делу провели обыск у Марта Никлуса. Накануне вечером ему принесли повестку с вызовом на допрос в КГБ на утро 16-го. Когда Никлус явился в КГБ, его попросили подождать. Подождав два часа, Никлус начал протестовать. В это время в его квартире проводили обыск. Обнаружив, что комната Никлуса заперта, следователь, проводивший обыск, вернулся в КГБ и отвез Никлуса на обыск. Во время обыска, продолжавшегося около 7 часов, Никлус фотографировал работников КГБ, но они отобрали и засветили пленку. На обыске были изъяты 3 пишущие машинки и несколько статей.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

Суд над Лапенисом, Матулионисом и Пранскунайте

Владас Лапенис (в предыдущих выпусках "Хроники" – Лапиенис) и Ионас Матулионис были арестованы в Вильнюсе 20 октября 1976 г. (в Хр. 44 здесь неточность). В тот же день в Паневежисе был проведен обыск (Хр. 44) у Оны Пранскунайте (в Хр. 45, 46 – Пранцкунайте). В январе 1977 г. ее арестовали (Хр. 45).

Лапенис (1906 г.р.), Матулионис (1921 г.р.) и Пранскунайте (1936г.р.) содержались в следственном изоляторе КГБ в Вильнюсе. Следствие сначала шло по делу № 345, начатому в июне 1972 г. (дело о "Хронике ЛКЦ"). К суду оно было выделено в отдельное производство.

Она Пранскунайте в тюрьме продолжала отказываться давать показания, в частности – назвать людей, работавших на "Эре", найденной в ее квартире вместе с размноженными молитвенниками (Хр. 44), и тех, кто давал ей для перепечатки "Хронику ЛКЦ". Следователи за недачу показаний угрожали ей психбольницей.

Лапенису из тюрьмы разрешали писать письма жене. Он сообщал в них о своем здоровье (которое сильно ухудшилось) и о том, что, несмотря на недомогания, духом он крепок, передавал свои размышления о религии.

Дело слушалось в Верховном суде Лит. ССР 20, 22 и 25 июля. Лапенис обвинялся по ст. 68 УК Лит. ССР (=ст. 70 УК РСФСР), Матулионис и Пранскунайте – по ст. 199-1 (=ст. 190-1).

Дата начала суда скрывалась (жена Лапениса Елена Лапенене, проходившая свидетелем, получила повестку только накануне суда), но публику в зал пускали, не разрешая только садиться в первые ряды, из-за чего многое нельзя было расслышать.

В. Лапенис обвинялся в том, что писал антисоветские статьи и заявления и помещал их в "Хронику ЛКЦ", а также распространял "Хронику ЛКЦ". Ему инкриминировалось также распространение "Архипелага ГУЛаг" в литовском переводе. По показаниям свидетельницы Рузгене из г. Утена (она подтвердила их в суде) Лапенис дал ей машинку и попросил перепечатать книгу. Еще один эпизод обвинения – "хранение

клеветнической статьи об одном государственном деятеле". (Так в судебных материалах названа распространенная в литовском самиздате статья "Михаил Суслов – вешатель второй", в которой описывается карательная деятельность Суслова в должности председателя бюро ЦК ВКП (б) по Литве в сопоставлении с деятельностью Михаила Муравьева, прозванного "вешателем" за подавление восстания 1863 г.)

И. Матулионису инкриминировалось редактирование текстов "Хроники ЛКЦ", причем, согласно обвинению, втянут он был в эту работу Лапенисом, передававшим ему эти тексты.

О. Пранскунайте инкриминировалась перепечатка на пишущей машинке нескольких номеров "Хроники ЛКЦ" и распространение их в Паневежисе и др. городах. ("Эра" в обвинении упомянута, но размножение молитвенников не инкриминировалось.)

Во время одного из перерывов всех удалили из зала, а когда разрешено было снова войти, оказалось, что Лапенис уже сказал последнее слово. Тем не менее текст его последнего слова (10 стр.) распространился в литовском самиздате и опубликован полностью в "Хронике ЛКЦ" 29.

Лапенис говорил: "Меня обвиняют в том, что я ... изготовлял статьи, заявления, которые содержат клеветнические измышления, порочащие советский строй". ... Никаких статей я никогда не писал.... Действительно, после незаконных действий некоторых работников госбезопасности, после обыска 20 ноября 1973 г. и допросов я писал заявления... В этих заявлениях я указывал, что чекисты отняли у меня пишущую машинку, рукописи, религиозные книги, ничего общего не имеющие с уголовным делом, а большую их часть не записали ни в протокол обыска, ни в прилагаемый список... Потом на допросах у меня пытались угрозами, ложью, хитростью и другими незаконными действиями добыть показания". Лапенис сказал, что, многократно беседуя с ним об этих заявлениях (и вернув ему часть изъятого – по материалам своего дела он узнал, что остальная часть сожжена), работники КГБ и прокуратуры никогда не находили в них ничего клеветнического. "... Каким образом эти заявления, пролежав три года или больше в архивах, внезапно стали клеветническими в 1977 г.?"

Лапенис сказал, что не может нести ответственность и за то, что его разоблачительные заявления публиковались "Хроникой ЛКЦ"; – они не были секретными. Лапенис отверг при этом обвинение "Хроники ЛКЦ" в "нелегальности". Он сказал, что это издание осуществляет законную самозащиту верующих от преследований, от злобных выпадов антирелигиозной пропаганды (яркие примеры которых он привел), от произвола чиновников.

Лапенис говорил также о предвзятости следствия, наклеивающего ярлык "антисоветский" на любое проявление инакомыслия и не занимающегося фактическим исследованием того, что правда, и что ложь, и где клевета в тех или иных текстах.

Он сказал:

Защищать Церковь и верующих не есть политика, а священный долг каждого католика..., подвергнуться за исполнение своих обязанностей осуждению для меня не позор, а слава...

Свою речь Лапенис закончил словами:

Очень не хотелось бы, чтобы и в настоящее время повторялись ошибки, совершавшиеся в период культа Сталина. Это только углубило бы общий кризис социализма, что в конце концов окончилось бы катастрофой.

Невеликим украшением для страны являются переполненные заключенными тюрьмы и лагеря. Много доброго удалось бы сделать для общества, если бы власти позаботились не о мести, а о правде.

Суд приговорил Лапениса к 3 годам заключения в ИТК строгого режима и 2 годам ссылки, Матулиониса – к 2 годам лишения свободы условно и Пранскунайте – к 2 годам заключения в ИТК общего режима.

* * *

В газете "Теса" была напечатана статья о процессе, в которой название "Хроника ЛКЦ" заменено на "антисоветское издание". В статье говорится:

Советский суд гуманен... Учитывая, что И. Матулионис понял свои ошибки и пообещал не заниматься подрывной деятельностью, суд решил осудить его лишь условно. ... Суд, учитывая, что Пранскунайте малограмотна (у нее начальное образование – Хр.) и была втянута в преступную деятельность, а также то, что она на суде сожалела о необдуманности своих поступков, назначил Пранскунайте довольно мягкое наказание... В этой связи не лишне вспомнить, что радио Ватикана и другие центры западной пропаганды в этом году усилили свою деятельность...

* * *

В. Лапенис в октябре был доставлен в 3 Мордовский лагерь. О. Пранскунайте отправлена в лагерь в пос. Козловка (Чувашия).

Арест Пяткуса

23 августа в Вильнюсе был арестован член Литовской группы "Хельсинки" Викторас Пяткус (Хр. 40, 43). Его задержали на автовокзале вместе с Альгирдасом Масюлионисом. Обоих отвезли на квартиру Пяткуса для обыска. Обыск проводился по делу № 38 (дело Б. Гаяускаса – Хр. 45), вели его следователь майор Пилялис, сотрудник оперативной

службы майор Тракимас и лейтенант Бирбилис. При обыске были изъяты 2 пишущих машинки (русская и литовская), 4 номера самиздатского журнала "Девас ир Тевине" ("Бог и родина" – Хр. 43, 46), документы Литовской группы "Хельсинки" №№ 3-12 (см. ниже), "Постановление Главного комитета национального движения Эстонии, Латвии, Литвы" (3 экз. на литовском языке и по 1 экз. на русском, латышском, эстонском языках), заявление М. Никлуса в Литовскую группу "Хельсинки" (на русском и эстонском языках), рукописный текст на латышском языке, подписанный "Калниньш", заявление священника Шешкявичюса архиепископу (кроме машинок, все было изъято из портфеля Пяткуса, с которым он был на автостанции). Личному обыску были подвергнуты и Пяткус, и Масюлионис. Пяткус заявил протест против задержания и обыска Масюлиониса, как непредусмотренных постановлением на обыск. После обыска обоих отвезли в КГБ, где Масюлиониса после допроса отпустили.

В. Пяткусу предъявлено обвинение по ст. 68 УК Лит. ССР (= ст. 70 УК РСФСР). В послевоенные годы он отбыл 14-летнее заключение – по ст. 58 старого УК и за побег из лагеря.

В "Постановлении", изъятом у Пяткуса, говорится об организационных вопросах – избрании трех председателей Комитета (фамилии не указаны), передаче, в случае невозможности для Комитета вести свою работу, его функций зарубежным организациям литовцев, латышей и эстонцев, избрании почетных членов (при условии их согласия: П. Григоренко, Ю. Орлова, А. Сахарова и ряда зарубежных деятелей), изданий бюллетеня "Эстония, Латвия, Литва".

* * *

В конце августа член Литовской группы "Хельсинки" Она Лукаускайте-Пошкене направила прокурору Лит. ССР заявление протеста против ареста В. Пяткуса. В своем заявлении она протестует также против ареста Б. Гаяускаса. Заявление поддержал 81 человек.

* * *

14 ноября бывшие политзаключенные эстонцы М. Никлус, Э. Тарто, Э. Удам и латыши В. Калниньш, И. Цалитис, Г. Роде, Ю. Зиемелис, У. Офкантс обратились к организации "Международная Амнистия" с просьбой оказать поддержку в борьбе за освобождение "литовского борца за гражданские и национальные права, члена Литовской группы по наблюдению за выполнением решений Хельсинкского совещания и одного из председателей Главного комитета национального движения Эстонии, Латвии, Литвы" В. Пяткуса.

* * *

(См. также "Обыски и допросы" в данном разделе и раздел "Аресты, обыски, допросы".)

Обыски и допросы

16 и 17 августа в Вильнюсе по делу Гаяускаса допрашивали жителя Шауляя Ионаса Петкявичюса. Подполковник Кажис, ведший допрос в очень грубой форме, грозился арестовать Петкявичюса за передачу в "Хронику ЛКЦ" "клеветнических антисоветских материалов". На 23 августа в Вильнюс вызвали Ядвигу Петкявичене. Два дня ее допрашивал тот же Кажис, который снова кричал, дойдя до нецензурной брани. После этого Петкявичене категорически отказалась разговаривать с Кажисом, и на третий день его сменил майор Пилялис. Петкявичене обвиняли, среди прочего, в "связях с Москвой". На допросах супругам Петкявичюсам "советовали" уехать из СССР.

И. Петкявичюс после обыска, проведенного в его квартире 7 февраля 1977 г. (Хр. 44), много раз обращался к властям, в частности — к Прокурору Литвы, с требованием вернуть ему изъятое. В конце концов Петкявичюсу вернули все вещи (фотоаппарат, книгу "История Христа" и др.), кроме изображения "Витис" (всадник, литовский герб) и подшивки журнала "Тримитае" за 1938-39 гг.

* * *

23 августа, одновременно с арестом Пяткуса, были начаты обыски у А. Терляцкаса (Хр. 38, 40, 43) и Ю. Саснаускаса (Хр. 44), оба обыска — по постановлению следователя Пилялиса.

Обыск у Терляцкаса продолжался более суток (с перерывом на ночь). Изъяты пишущая машинка, 6 номеров "Хроники ЛКЦ", 2 номера "Аушры", 3 номера "Лайсвес Шауклис", фотокопии русских текстов "Открытое письмо редактору "Литературной газеты" Чаковскому" и "Документы дела Марченко", брошюра "Дело Ковалева" (изд. "Хроника", Нью Йорк), машинописные копии большого числа статей на общественно-политические темы, номер парижского телефона Синявского, копии заявлений, посланных Терляцкасом Подгорному и Андропову (Хр. 40, 43). Часть изъятого была выкопана на участке возле дома (Терляцкас живет в пригороде Вильнюса). После обыска Терляцкаса три дня продержали в тюрьме.

Терляцкас отказался давать показания о документах, изъятых у него на обыске. Работники КГБ уверяли Терляцкаса, что ему не будут препятствовать устраиваться на работу, если он откажется от борьбы против советской власти. Терляцкас заявил, что может повторить то, что он уже писал в письме Подгорному (Хр. 43), т.е. что он не собирается бороться против советского строя. В конце концов КГБ согласился на это, и Терляцкаса отпустили.

В течение сентября Терляцкаса несколько раз вызывали на допросы. Показаний он не давал и после одного из допросов вообще отказался являться на допросы.

На допросы вызывали также жену, дочь и тещу Терляцкаса. Их спрашивали о его знакомствах, связях с Москвой, об интервью, данном им

корреспонденту "Файнэншл Таймс", о материалах, изъятых у него на обыске.

* * *

У Ю. Саснаускаса изъяли литовский самиздат (в том числе – журнал "Айдай" ("Эхо") № 2) и несколько книг на русском языке: "Дневники Эдуарда Кузнецова", "О стране и мире" и "Мир, прогресс и права человека" (нобелевская лекция) А. Сахарова, 135 открыток с изображением "Витис", заявление Саснаускаса и трех его товарищей об исключении их из школы в 1976 г. (Хр. 42, 43). В последующие дни Саснаускаса несколько раз допрашивали.

* * *

Днем 23 августа на автовокзале в Вильнюсе (где часом позже арестовали Пяткуса) майор Тракимас из оперативной службы КГБ и его сотрудники задержали Ионаса Волунгявичюса. Его насильно отвезли в КГБ и там устроили личный обыск без ордера и непротокольный допрос, продолжавшийся 5 часов (изъято ничего не было). Во время допроса от него требовали, чтобы он не ездил в Москву: "Для тебя это – запретный город". Когда его выпустили из здания КГБ, несколько агентов пошли вслед за ним, крича (по-русски): "Мы тебе ноги повыдергиваем, если будешь бегать! Иди домой и сиди!" и сопровождая эти угрозы нецензурной бранью. Волунгявичюс обратился за защитой к милиционеру; тогда один из агентов предъявил служебное удостоверение и сказал: "Это опасный уголовный преступник. Ведите его в милицию". Этот же агент грубо требовал, чтобы Волунгявичюс разговаривал с милиционером по-русски. 28 августа Волунгявичюс написал прокурору Лит. ССР заявление. В этом заявлении он протестует против незаконного задержания и обыска и требует предания суду работников КГБ за угрозы, оскорбления, клевету.

* * *

В октябре были допрошены все три члена Литовской группы "Хельсинки".

7 октября майор Лазарявичюс допросил Эйтана Финкельштейна. В заявлении, сделанном им на следующий день, говорится:

Не разъяснив конкретного обвинения, выдвинутого против Пяткуса, следователь предъявил мне 19 различных материалов, которые, по его утверждению, были изъяты у Пяткуса при обыске и являются документами Литовской группы "Хельсинки" (ЛГХ).

...

Большая часть вопросов, задаваемых мне следователем, относилась не к делу В. Пяткуса, а касалась деятельности ЛГХ, других ее членов и меня лично. На все эти вопросы я отказался давать ответ.

После допроса по делу В. Пяткуса тот же следователь приступил к допросу меня по делу Юрия Орлова и Александра Гинзбурга. Вопросы касались деятельности Московской группы "Хельсинки" и ее связей с ЛГХ. На эти вопросы я также отказался отвечать.

Таким образом, как представленный мне материал следствия, так и характер допроса убедили меня в том, что следствие не располагает сколь-нибудь убедительными доказательствами того, что деятельность В. Пяткуса в ЛГХ носит клеветнический, антисоветский характер. Напротив, все это убедило меня, что дело Пяткуса — это в сущности дело ЛГХ, тесно связанное с делами других Хельсинкских групп в СССР.

В связи с этим я должен заявить, что Викторас Пяткус, как и другие члены ЛГХ, действовал и действует исключительно в рамках советской законности, стремился и стремится как можно тщательнее проверять факты нарушений положений Заключительного Акта, о которых сообщают Группе различные граждане.

Как член ЛГХ я несу равную с В. Пяткусом ответственность за деятельность ЛГХ и готов предстать перед судом вместе с ним. Однако для меня абсолютно очевидна невиновность В. Пяткуса как члена ЛГХ. Именно поэтому я обращаюсь ко всем правительствам стран, подписавших Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, ко всем организациям и частным лицам, борющимся за гражданские права во всем мире —

Сделайте все от вас зависящее, чтобы не допустить судебной расправы над Викторасом Пяткусом!

* * *

10 октября в Вильнюсе был допрошен о. Каролис Гаруцкас. Допрос длился 7 часов.

18 октября следователь капитан Даугалас допросил в Шауляе в качестве свидетеля по делу Пяткуса Ону Лукаускайте-Пошкене. Вопросы касались создания группы, контактов между ее членами, знакомства с Гинзбургом и Орловым, с латышами, с Гаяускасом и Волунгявичюсом, расхождений во взглядах с упоминаемыми людьми. Лукаускайте ответила, что ни с кем из названных кроме членов Группы не знакома, контактов с Москвой не имеет, предъявленные ей документы Литовской группы "Хельсинки" она действительно подписывала и подтверждает свое согласие с их содержанием. Лукаускайте повторила свою просьбу освободить Пяткуса. Она сказала, что нет логики в том, что Венцлову, уже после создания Группы, отпустили за границу, где он еще более плодотворно выполняет возложенную на него миссию, а В. Пяткус за ту же деятельность лишен свободы. Допрос длился около 6 часов.

* * *

В середине ноября по делу Пяткуса были проведены обыски у Эрика Удама и Марта Никлуса (см. "Аресты, обыски, допросы").

* * *

Об обыске у Бируты Пашилене под Клайпедой 22 апреля 1977 г. (Хр. 45) стало известно подробнее. Обыск проводил майор Р. Бяртулис по делу Гаяускаса. В саду в улье были найдены "Хроника" 43 и рукопись

"Проект". Пашилене объяснила, что эту литературу она нашла и, не читая, спрятала от детей. Были изъяты также две пишущие машинки, литовская и русская. Пашилене требует их возврата.

Волнения в Вильнюсе

7 октября, после футбольного матча на Вильнюсском стадионе "Жальгирис", толпа зрителей в несколько сот человек, в основном — молодежь, двинулась по улицам, выкрикивая как возгласы в честь спортивной победы, так и политические призывы: "Долой Конституцию!", "Свободу Литве!", "Русские — убирайтесь!". Когда милиция попыталась разогнать шествие, возникли стычки. Кое-где пошли в ход литовские (советские) флаги, которые были у тех, кто взял их, чтобы приветствовать на трибунах свою команду. Демонстрация вышла на площадь Ленина, где против памятника Ленину расположено здание КГБ (тюрьма — в подвалах, кабинеты — наверху). Здесь демонстранты продолжали выкрикивать лозунги. По некоторым сведениям, демонстранты били стекла в здании КГБ.

10 октября события такого же характера развернулись в большем масштабе. К стадиону, все 25 тысяч мест которого были заполнены, заранее были стянуты войска (большинство солдат — из азиатских республик), много милиции. "Жальгирис" играл со смоленской "Искрой". Антирусские выкрики начались еще во время матча (их слышали и телезрители, пока показ матча не прекратили "по техническим причинам"). Попытки милиции и дружинников забрать кричавших большей частью не удавались — те, кого хотели забрать, уходили по скамьям при содействии сидевших вокруг. Со стадиона публика выходила по "коридору", образованному из солдат. Тем не менее снова возникло шествие, но на этот раз в центр двинулось 10-15 тысяч человек. Бесперывно завязывались стычки с милицией, отдельные группы опрокидывали милицейские машины.

У моста Жалясис (сейчас — мост Дзержинского) к шедшим со стадиона присоединилось еще человек 500. Стали слышны призывы: "Идем к КГБ!", "Свободу политзаключенным!", часто кричали: "Свободу Пяткусу!".

Где-то в ответ на очередной выкрик против русских раздалось: "Здесь с вами и русские", "За вашу и нашу свободу". Демонстранты прорвали заслон из плотно взявшихся под руки милиционеров и солдат войск КГБ на пл. Гедимина и вышли на проспект Ленина. И только второй заслон — на пл. Черняховского (недалеко от здания КГБ) — остановил их. В толпе шныряли агенты, показывали, кого брать, но арестованных часто отбивали. В разных местах, иногда прямо из-под ног милиционеров, с шумом вылетали и ярко вспыхивали над толпой самодельные петарды. Демонстрацию разогнали только поздно ночью.

И 7, и 10 октября демонстранты срывали плакаты о Конституции, о 60-летию Октября и пр. Были разбиты некоторые витрины с такими плакатами. 11 октября все плакаты, висевшие на пр. Ленина, были убраны.

Число задержанных и пострадавших неизвестно. Несколько милиционеров попали в больницу. По некоторым сведениям, прокуратура одного из районов Вильнюса – Советского – в середине ноября вела дела 17 человек, арестованных 7 октября.

Уже 12 октября в вузах начались исключения, некоторых исключили только из комсомола. Особенно много исключенных в Инженерно-строительном институте. Репрессивные меры были предприняты и на некоторых предприятиях.

В местной газете "Вечерние новости" появилась статья, где говорилось только о хулиганских выходках на стадионе и было опубликовано высказывание футболиста, возмущающегося бестактностью и хулиганством болельщиков. Все матчи в октябре были отменены. Матч, назначенный на 4 ноября, был перенесен на 8 ноября. Билетов на него в свободной продаже не было, их распределяли на предприятиях под наблюдением парткомов. 8 ноября на стадионе было огромное число милиционеров, часть милицейских автобусов была с минскими номерами.

* * *

В г. Тельшяй в ночь на 7 ноября на улицах появились надписи (в основном, на плакатах к 60-летию Октября): "Русские – вон из Жемайтии" (Жемайтия – область Литвы) и т.п. В г. Шальгинингай на здании Горисполкома на 4 этаже большими буквами написали: "Да здравствует свободная Литва!", "Долой русских!".

* * *

"Хроника ЛКЦ" 29 сообщает о продолжающихся притеснениях священников и верующих:

27 июля, когда в церкви Видукле собрались 25 детей для подготовки к первому причастию, председатель местного совета, милиционер и 4 учительницы вошли в церковь и стали переписывать детей. На настоятеля церкви А. Сваринскаса был составлен акт.

Настоятель церкви в Кирдейкяй П. Кражанскас призвал прихожан привести в порядок кладбище и украсить могилы. Местные власти обвинили священника в попытке разорить могилы советских активистов и потребовали от него письменного объяснения.

Священник из Кибартай С. Тамкявичюс не смог добиться разрешения на выезд в соседний район для помощи тамошнему настоятелю – председателю исполкома кивал на начальника милиции, тот на представителя КГБ и т.д.

В июне 1977 г. уполномоченный Совета по делам религий Туменас посетил местечко Жалёйи и пообещал местным жителям благожелательно рассмотреть их просьбу об открытии местной церкви. После его отъезда многих прихожан подвергли различным административным карам, а в церкви устроили мельницу.

* * *

В "Хронике ЛКЦ" 29 опубликована жалоба, которую В. Яутялис (Хр. 34, 36) направил в Комитет прав человека ООН (копии – республиканскому и Генеральному прокурорам) по поводу инцидента, происшедшего 23 июня 1976 г., когда его задержали на улице в г.Расейняй, без предъявления каких-либо документов обыскали и отобрали у него книгу "Христианство в мире". Яутялис добивается возвращения книги.

* * *

О. К.Гаруцкас получил этим летом письмо от "литовцев", которые упрекают его в том, что в Литовскую группу "Хельсинки" входит Э. Финкельштейн и что Литовская группа поддерживает контакты с московскими диссидентами, большинство которых еврейского происхождения.

* * *

18 октября поздно вечером, когда Альгирдас Масюлионис и Андриус Тучкус шли по одной из площадей Вильнюса, какие-то люди остановили их, подозвали милицейский патруль и сказали, что они и еще двое, которые скрылись, хулиганили. Масюлиониса и Тучкуса отвезли в милицию и потребовали там от них письменного объяснения, что они делали на площади. Тучкуса, не желавшего писать и говорить по-русски, милиционер, ведший дознание, сильно ударил сапогом пониже спины; продолжая бить, его отволокли в камеру. Масюлионис хотя и написал объяснение, но, видимо, не такое, как требовалось, и его тоже избили. Их продержали в милиции с 12 часов ночи до 4 часов утра.

* * *

Витаутас Богушес, Альгирдас Масюлионис, Юлюс Саснаускас и Андриус Тучкус 8 ноября написали председателю ПВС Лит.ССР Барнаускасу (копия – военному комиссару Лит.ССР) заявление по поводу призыва их на военную службу. Сначала они сообщают, что весной 1976 г. они были "за свои религиозные и национальные убеждения исключены из Вильнюсской средней школы им. Венолиса" (Хр. 42, 43) и с тех пор не раз слышали от сотрудников КГБ и милиции, что путь в вузы для них закрыт, что их возьмут в армию и пошлют на Шпицберген или к китайской границе. Двое из подписавших заявление все же попытались поступить в вуз. Масюлионис не прошел по конкурсу, а Тучкус, хотя и набрал проходной балл (на мат-мех Вильнюсского университета), но все равно не был принят – согласно "информации сверху", как откровенно объяснил ректор ВГУ. Всем им при окончании школы (вечерней) выдали характеристики с формулировками: "нездоровые взгляды", "несвободен от религиозных предрассудков" и т.п. Далее в заявлении говорится (цитируется в переводе):

Мы советскими гражданами стали не по своей воле, а только потому, что родились в Литве. Советская печать утверждает, что служба в советской армии есть дело чести и внушает каждому юноше

чувство гордости за оказанное доверие. Ничего подобного мы не испытываем, потому что и в КГБ, и в милиции нас уверяли, что армия будет нам наказанием за наши убеждения. Несмотря на это, мы не отказываемся от службы в армии. Мы только просим, чтобы нас оставили служить в Литве...

Народный писатель Ю. Балтушис с гордостью провозглашает, что Литва сегодня "свободна и независима". Граждан независимого государства, как ясно каждому, должны служить в своей стране.

Литовская группа "Хельсинки"

Ниже – обзор документов, изданных Группой с момента ее образования в ноябре 1976 г. (Хр. 43) и до июля 1977 г.

Все документы подписаны: о. Каролис Гаруцкас, Эйтан Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

В "Хронике" 43 уже излагалось содержание документа № 1 ("О двух литовских католических епископах"), документа № 2 (о "Положении о религиозных объединениях") и некоторых других заявлений Группы.

Документ № 3 (23.12.76). Рассказ о судьбе Марта Никулуса (Хр. 42, 43).

Документ № 4 (25.2.77). Марии Юргутене с несовершеннолетней дочерью не разрешают выехать к мужу на постоянное жительство в США (Хр. 36, 44). Не разрешают выехать к отцу на постоянное жительство в ФРГ Вале Белопятравичене (Хр. 45).

Документ № 5 (28.2.77). Сообщение об обыске, проведенном 22 декабря 1976 г. у Генрикаса Яшкунаса, после чего Яшкунас был арестован (Хр. 44).

Документ № 6 (19.3.77). Рассказывается об обращении 49 немецких семей, ныне живущих в Радвилишском районе Литвы. Немцы отказываются от советского гражданства и просят разрешить им выезд на историческую родину – в ФРГ.

Документ № 7 (26.5.77). Об истории таллинца Эрика Удама, которому КГБ в апреле этого года предлагал организовать подконтрольную ему группу диссидентов, связанную с США (Хр. 46).

Документ № 8 (2.6.77). Рассказывается о судьбе живущего в Вильнюсе пятидесятника Виктора Васильева, постоянно подвергающегося преследованиям. Васильевы просят разрешить им выезд за границу.

Документ № 9 (14.6.77). О положении политзаключенных, вышедших на свободу. Большинству (исключений – единицы) отбывших пятнадцати-двадцатипятилетние сроки не позволяют вернуться в Литву. Часть освободившихся самовольно приезжает в Литву и отказывается выехать за ее пределы. Иногда им удается "переупрямить" КГБ и милицию и остаться в Литве. Но и в этом случае властям ничего не стоит отобрать паспорт, выписать человека и судить его за нарушение паспортного режима.

Документ № 10 (16.6.77). Сообщение об аресте Балиса Гаяускаса (20 апреля 1977 г.), краткие сведения о его первом аресте в 1948 г. и суде, приговорившем его по 58 статье к 25 годам лагерей. Сообщается также об обысках у Бируте Пашилене, Леонардаса Ставскиса и Оны Григальюнайте по делу Гаяускаса (Хр. 45).

Документ № 11 (26.6.77). Эстонец Энн Тарто (1938 г.р.), дважды судимый (1956 и 1962 гг.) по политическим статьям и отсидевший 9 лет, сообщает, что КГБ до сих пор не оставляет его в покое (несколько раз допрошен, в частности, "из-за связи с Горбаневской"). В этом году его дом уже четыре раза пытались поджечь.

Документ № 12 (1.7.77). Рассказывается о судьбе Альгирдаса Жипре (Хр. 32, 34). В октябре 1973 г. он был переведен в лагерную "психушку" (так в тексте), находящуюся в 3-м Мордовском лагере. По сообщению авторов документа, условия там много хуже, чем в лагере. Окна всегда наглухо закрыты, никакие связи с внешним миром не допускаются, прогулок не бывает, заключенных избивают, насильно дают немаркированные лекарства. Альгирдас Жипре дважды был избит. Два раза его возили в Москву в Институт Сербского. В этом году увезли неизвестно куда.

Заявление о современном положении в Литве (8 стр., 7 июля 1977 г.).

Заявление касается в основном следующих вопросов:

Положение литовцев, высланных из республики в предвоенный и первые послевоенные годы. Указывается, что многие литовцы до сих пор находятся в ссылке "без суда и срока": Бубулас Стяпас, Букнис Костас, Дякснис Антанас, Гайдис Альфонсас, Гасюнас Альгирдас, Индрикас Робертас, Янкаускас Антанас, Каралюс Йонас, Лябеда Леонас, Лякшас Костас, Михайленис Юозас, Мостейка Алексас, Палтарокас Пятрас, Пячюлайтис Повилас, Пятрушайтис Витаутас, Рашигинис Альбинас, Сялекас Винцас, Слашшинскас Витаутас, Шарканас Йонас, Тракимас Бенюс, Вайтекунас Владас.

Состояние литовского языка. Число русских, живущих в Литве, за последние тридцать лет увеличилось в пять раз, особенно много русских в Вильнюсе и Клайпеде.

Положение литовцев в Латвии и Белоруссии. В Латвии, где накануне войны было 18 литовских школ, сейчас не осталось ни одной. Примерно таково же положение и в Белоруссии, где давно закрыты литовские школы, закрываются церкви, и власти препятствуют литовцам приглашать к себе священников из Литвы.

Положение поляков. Указывается, что по данным последней переписи в Литве живет примерно столько же поляков, сколько и русских. Однако нигде нельзя встретить объявлений на польском языке, у поляков нет своего театра, нет возможности получить высшее образование на польском языке. (Только одна польская группа в Пединституте.)

Положение иных нац. меньшинств в Литве. Сейчас в республике нет ни одной еврейской школы, а перед войной было – 122 начальные, 3 неполные средние (прогимназии) и 14 средних школ (гимназий); по переписи 1970 г. в Вильнюсе – 16 тысяч, в Каунасе – 4 тысячи евреев. Бело-

руссов в Вильнюсе – 24 тысячи, но в городе нет ни одной белорусской школы, не выходит ни одна белорусская газета. Так же живут татары и караимы.

В выпускных классах литовских школ 4 часа в неделю отданы литовскому языку и 5 – русскому. Невозможно достать почти ни одной книги, выпущенной до 1940 г. (находится в спецхране даже сочинение бывшего председателя Президиума Верховного Совета Литвы, председателя Совета Национальностей СССР Палецкиса "СССР – нашими глазами"). Украдены у читателя многие классические книги, исторические и экономические работы. На обысках часто изымаются довоенные издания. В первые послевоенные годы были уничтожены многие архивы и библиотеки.

Разрушаются многие исторические памятники. Напр., Вильнюсский костел св. Казимира (1604 г.) на десять лет был превращен в склад винных бутылок.

В заключение авторы заявления указывают, что коснулись лишь малой части проблем, и просят правительства стран, подписавших Хельсинкскую декларацию, обратить внимание на то, что соглашения, которые не выполняются или выполняются только одной стороной, не имеют смысла и являются обманом.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

186 жителей Киева послали советскому правительству петицию с просьбой вновь открыть монастырь в Киево-Печерской Лавре.

Формально монастырь, открытый после войны, не закрывался – его здания и помещения в пещерах поставили на ремонт.

После фактического закрытия монастыря в 1961 г. монахи оказались кто где. Некоторые обосновались в Почаевском монастыре. Группа монахов стала, как в старину, жить "в пустыне". Они поселились на Кавказе, в труднодоступном месте. В 1965 году их вывезли оттуда силой, с помощью вертолетного десанта.

Один из "пустынников", иеромонах о. Ахилла, рассказал об этом на пресс-конференции, состоявшейся 11 ноября на квартире Григоренко.

(См. также интервью Шафаревича в разделе "Письма и заявления".)

Католики

Сейчас на территории Молдавии закрыты все костелы (было около 10). Работает только маленькая часовня на кладбище в Кишиневе, куда съезжаются католики со всей республики. Настоятель этой часовни, Владислав Завальнюк, направленный в Кишинев в 1974 году после окончания Рижской духовной семинарии, – единственный католический священник в Молдавии.

Поскольку в часовне тесно и добраться туда нелегко, пожилые или больные люди не могут присутствовать на богослужениях. По воскре-

сеньям после службы к ксендзу стоит очередь тех, кто хочет пригласить его оказать духовную помощь умирающим и больным на дому.

Местные власти, заметив выезды Завальнюка, стали препятствовать ему.

* * *

Два года назад католики Рашкова добились разрешения ксендзу два раза в месяц проводить богослужения в пожертвованном верующими доме.

В этом году в Великую Среду перед Пасхой машина, на которой ксендз Завальнюк возвращался из Рашкова, была остановлена милицией г. Рыбница. Машину обыскали на дороге, подогнали к отделению милиции и снова обыскали. Вернули машину лишь на следующее утро, после третьего обыска. Таким образом, богослужение в Кишиневе в Великую Среду было сорвано.

29 июля в Рашкове праздновался престольный праздник св. Марты. Милиция остановила машину с Завальнюком по дороге в Рашков и потребовала под предлогом карантина справку с санэпидстанции. Ксендз был вынужден идти несколько километров пешком.

2 августа католики собрались в Кишиневе на престольный праздник "Порциункуля", но служба не состоялась – милиция снова задержала Завальнюка на дороге из Рашкова, требуя от водителя путевку.

В последнее время в Рашкове активные католики несколько раз получали по 15 суток. Так, 24 октября были осуждены Валентина Олейник и Владислава Погребная. На суде В. Олейник указала на милиционера, который ее избил.

Католики Рашкова хотели расширить свой молебельный дом, но секретарь Каменского райисполкома Хожухор пригрозил им, что пустит в ход бульдозеры и тракторы.

* * *

Сельсовет села Ивановка Рыбницкого р-на, где живут католики-поляки, в письменной форме запретил Завальнюку въезд в село.

В другом конце Молдавии католики-немцы из села Андрияшевка Слободзейского р-на получили от исполкома справку о том, что ксендз из Кишинева может совершать для католиков этого села службу один раз в месяц. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ Молдавской ССР А. Виконский принял от верующих Андрияшевки эту справку, но не дал ксендзу разрешения ехать в село.

* * *

Ксендзу для поездки к больному необходимо иметь 5 справок: от врача, от местных властей, от райисполкома, от горисполкома и от Уполномоченного. Уполномоченный Виконский шутит: "Чтобы успеть получить все справки, пока больной не умер, начинайте хлопотать заранее, пока человек еще здоров".

* * *

8 апреля 1977 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ Грузинской ССР пришел в католический костел в Тбилиси. Он зашел в закрестиво и, не говоря ни слова, взял со стола и унес книгу записей, список молодых людей, принимающих таинство, и какую-то религиозную книгу.

Адвентисты

А.Р. Миллер (1958 г.р.) был арестован в Душанбе 30 декабря 1976 г. за отказ от службы в армии. По ст. 78 УК Тадж. ССР (= ст. 80 УК РСФСР) он получил 2 года ИТК. Наказание отбывает в Джанатас (Джамбульская обл.).

Житель Днепропетровска П.П. Ковальчук был арестован 12 сентября 1977 г. за отказ от военной присяги и ношения оружия. Под стражей содержался в Талды-Кургане.

* * *

Глава Всесоюзной церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня В.А. Шелков (82 года) в тюрьмах, лагерях и ссылке отбыл 3 срока (в общей сложности – 23 года). С 1969 г. он – на нелегальном положении.

Баптисты

(В основном по материалам Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ №№ 44, 45.)

* * *

5 июня 1977 г. в поселке Кант Фрунзенской области состоялся суд над баптистами Я.Г. Янценом и И.Г. Шлехтом. Их обвиняли по ч. 2 ст. 141 УК Кирг. ССР (= ст. 142 УК РСФСР).

До суда обвиняемых под стражу не брали.

Из показаний свидетелей и обвиняемых выяснилось, что по воскресеньям верующие собирались в чьем-нибудь доме для богослужения, приходили с детьми. После службы обедали, а потом занимались с ребятами: читали им из Библии, показывали картинки, пели и разучивали с ними стихи.

30 января в дом к Шлехту пришла административная комиссия райисполкома и застала там около 20 детей и примерно столько же взрослых, в основном – женщин. С детьми занимался Янцен.

Эксперт Галперин заявил суду, что считает такие занятия воскресной религиозной школой и что, как бы их ни называли, они все равно запрещены законом.

Суд приговорил подсудимых к трем годам лагерей общего режима.

События в Ростове-на-Дону

Ростовская община ЕХБ насчитывает более 300 членов. Община подавала заявление на регистрацию, оговорив в нем, что члены ее не согласны с тем, чтобы уполномоченный по делам религий и КГБ заняли в церкви место Иисуса Христа. Местные власти отказались зарегистрировать общину.

Верующие собирались в доме, принадлежащем двум пожилым женщинам: Тереховой и Хмаре. В январе 1977 года этот дом конфисковали. Члены общины стали собираться в других местах. Собрания разгоняли.

Так, 8 февраля милиция и дружинники не пустили в дом семьи Захаровых собиравшихся туда баптистов. При этом многих избивали.

Затем на некоторое время власти оставили общину в покое.

Верующие построили в приусадебном участке Захаровых "палатку" размером 7 x 9 и устраивали молитвенные собрания в ней. Райисполком постановил снести эту палатку, баптисты не подчинились.

8 августа милиция снесла палатку. Вместе со стройматериалом, из которого была сделана палатка, с участка увезли 7 кубометров дров, сварочный аппарат, 2 баллона с газом, электролампы, стол и скамейки.

Баптисты продолжали собираться на участке Захаровых и вскоре построили там новую палатку.

23 августа поздно вечером милиция и рабочие по приказу райисполкома снова снесли палатку и вывезли стройматериалы.

26 августа во дворе Захаровых вновь проводится молитвенное собрание. Наряды милиции, работники КГБ и дружинники заполнили ближайшие улицы. Когда на участке началась служба, включили мощный динамик-глушилку. Верующих стали разгонять, толкая и выкручивая им руки. Служителя церкви П. Петерса увезли. Тогда члены общины собрались возле отделения милиции и стали требовать его освобождения. Одних забрали в отделение, других затолкали в автобусы и отвезли в дальние районы города. При этом снова применялась физическая сила.

На 27-28 августа община назначила "молодежное общение". На этот раз собрались в лесу. Едва верующие добрались до места, появилась милиция, дружинники, автобусы с рабочими, специально снятыми с производства. Заработали громкоговорители, началась давка. Служба прекратилась. Нескольких человек забрали в милицию. Там после переговоров верующим разрешили пойти на участок Захаровых.

Однако 2 и 4 сентября молитвенные собрания у Захаровых снова разгонялись.

14 сентября у членов Ростовской общины провели массовые обыски. Изъяли религиозную литературу.

По городу пустили слухи, что баптисты принесли в жертву ребенка, убили милиционера.

Первомайский райисполком города постановил конфисковать дом у семьи Захаровых. Нину Захарову лишили опекуна над младшей сест-

рой Леной. (Захаровы – дети священника-баптиста. Их три сестры – 24, 19 и 11 лет и брат 22 лет. Родители их умерли в 1971 г. Вырастила детей старшая сестра – Нина.)

На П. Петерса заведено уголовное дело. Ему 34 года, он уже трижды отбывал срок как баптист-инициативник. В 1969 г. его пытались под угрозой тюрьмы склонить к сотрудничеству с КГБ.

* * *

Праздник жатвы в Горловке

Горловская община ЕХБ назначила на 9 часов утра 28 августа собрание в честь Праздника жатвы. Об этом был предварительно поставлен в известность секретарь райисполкома. Праздновать собирались в доме баптистки Ф.М. Кинаш.

В 8 часов утра милиция и штатские оцепили дом и блокировали все подходы к нему. На ближних улицах вывесили дорожные знаки, запрещающие проезд, поперек улиц поставили автомобили.

В это время во дворе Кинашей пришедшие пораньше, чтобы помочь хозяевам, готовились к празднику. Часть прибывших тем временем гостей зарегистрировали и пропустили в дом. После этого к дому никого не подпускали, разделив таким образом собравшихся на несколько групп. Оказавшиеся во дворе Кинашей баптисты начали молиться.

Группа милиционеров во главе с капитаном Добровольским вошли во двор и потребовали прекратить молитву и разойтись. Затем стали разгонять верующих силой. Поднимали молящихся с колен, выхватывали у них из рук молитвенники, отбирали сумки и портфели, заодно вытаскивая из них деньги. Верующим заламывали руки, рвали на них одежду, детей бросали на землю. Отнимали магнитофоны и фотоаппараты. Сломали столы, стулья, скамейки, привезенные гостями музыкальные инструменты и радиоаппаратуру. Добровольский обзывал верующих, пользуясь мегафоном.

Собравшиеся снаружи пытались пойти в райисполком, но их стали сажать в машины. Одних развезли по опорным пунктам народных дружин, других выгрузили на улице в противоположном конце города, третьих отвезли за город.

Некоторых верующих вытащили из городского транспорта, останавливая трамваи и автобусы на дороге.

Привезенных в милицию продолжали бить и обирать. Досталось и детям, попавшим в детскую комнату милиции. Тех, кто пришел в милицию получить отобранные вещи, немедленно отправляли в камеры.

Капитан Добровольский с нарядом милиции прогнал по городу группу верующих, объявляя в мегафон, что это баптисты, что они не работают, не подчиняются советским законам, занимаются антисоветской пропагандой и т.д.

Вызванный в отделение прокурор лично материл и бил задержанных.

Первоначально задержали около 60 человек. 15 из них арестовали и на следующий день дали им по 10 и 15 суток. После того, как члены об-

щины телеграфировали о случившемся в Верховный Совет и прокурору области, 12 человек отпустили.

* * *

Зарегистрированная Бежицкая община баптистов г. Брянска построила своими силами кирпичный молитвенный дом. На постройку ушло 50 тысяч рублей, пожертвованных верующими. В августе члены общины заканчивали уже отделочные работы.

28 августа на место постройки явились представители власти. Они предъявили постановление о конфискации молитвенного дома и приказали прекратить работу. Верующие отказались подчиниться, считая постановление незаконным. Все они — 62 человека — были заперты в этом доме. Их не выпускали в уборную, не кормили. Так прошло 2 дня.

30 августа к дому собрались баптисты. Сотрудники КГБ, милиция и дружинники стали разгонять их. При этом избили около 150 человек. Верующих волокли по земле, били головой об асфальт и о стены, топтали ногами, вырывали им волосы, поливали из шлангов, находящихся внутри дома выкуривали дымом.

Особенно сильно пострадали пресвитеры П. Козорезов и В. Серликов, регент Кравчук, дьякон В. Васнягин, Василий Высоцкий. Среди избитых были пожилые и беременные женщины.

В операции принимали участие около 300 милиционеров и дружинников, использовались пожарные машины. Руководили — начальник УВД Брянской обл., майоры КГБ Зернов и Коршунов, подполковник МВД Ноздрачев, секретарь райкома партии Хохлов, председатель горисполкома Евдокимов, председатель райисполкома Фомиченко.

* * *

30 октября в Брянске в доме Сенюшенкова разогнано молитвенное собрание Бежицкой общины ЕХБ, праздновавшей Жатву. Верующие избиты, некоторые оштрафованы, другие получили по 15 суток.

* * *

В июле 1977 г. в аэропорту Ростова был задержан член Совета Церквей ЕХБ Д.В. Миняков. Его допросили и предупредили по Указу от 25 декабря 1972 г.

* * *

14 сентября был проведен обыск в доме пресвитера Шахтинской общины ЕХБ (Ростовская обл.) Н.Г. Батурина. При обыске в доме находились жена Батурина и его дети. Изъяты Евангелие, Библия и другая религиозная литература.

* * *

11 сентября с поезда Одесса — Харьков был снят член Совета Церквей ЕХБ И.Я. Антонов. Его обыскали и отобрали Библию, трехтомник библейского курса, церковные документы и личные записи (Библию и записи потом вернули). Утром следующего дня Антонова доставили во 2 отделение милиции г. Кировограда и в присутствии прокурора преду-

предили об уголовной ответственности за бродяжничество и тунеядство. (Антонов, как пресвитер, взят на материальное обеспечение Кировоградской общиной ЕХБ, ему выплачивают 80 рублей в месяц.)

Затем уполномоченный КГБ УССР Фесуненко и сотрудник Кировоградского УКГБ Крючек, пригласив еще трех членов местной общины ЕХБ, провели с ними беседу. Они советовали зарегистрировать общину без указания принадлежности к Совету Церквей, не настраивать баптистов против регистрации, изменить работу ЦС и Совета Родственников Узников в отношении информации о гонениях, не передавать эту информацию за рубеж. Антонову советовали устроиться на официальную работу.

В ответ верующие просили прекратить преследования ЕХБ и не вмешиваться во внутрицерковную жизнь.

* * *

2 мая 1977 г. в областной газете "Кировоградская правда" была опубликована статья "Апостол от баптизма", обвиняющая Антонова в тунеядстве, присвоении денег верующих, распространении ложной информации. В статье упоминаются также члены Совета Церквей Крючков, Винс, Голев, Миняков. Они представлены как клеветники, тунеядцы, уголовники, имеющие по несколько судимостей.

* * *

В г. Иссык-Алма-Атинской области конфликт между местными властями и общиной ЕХБ продолжается (Хр. 44, 46). Члены общины ставят условием регистрации освобождение из заключения и реабилитацию своего пресвитера Штеффена. Работники горсовета, милиция и дружинники постоянно разгоняют молитвенные собрания и штрафуют владельцев домов, где они происходят, и тех, кто проводит собрание.

Летом председатель горсовета Шабалдин вызвал на административную комиссию двадцатку общины. Верующим заявили, что не допустят больше ни одного молитвенного собрания; за собрание будут штрафовать на 50 рублей каждого члена двадцатки, независимо от того, были они сами на нем или нет. Угрожали выселением баптистов за то, что живут без паспорта (Хр. 46).

3 июля был арестован член общины Яков Петрович Вольф. Он был отправлен в Алма-Ату, где начали вести следствие по его делу.

* * *

6 мая в с. Глухи Старовыжевского р-на Вольнской обл. верующие-баптисты справляли свадьбу. Во время обряда бракосочетания пришло около 30 посторонних: начальник ГБ, представители местной власти, милиция. Они снимали кинокамерой и записывали на магнитофон службу, старались помешать выполнению обрядов, расталкивали гостей, угрожали пустить слезоточивые газы. Председатель сельсовета кричал верующим: "Прекратите, я уже их повенчал".

В лесу, по дороге домой, были арестованы возвращающиеся со свадьбы Цапук и Яцюк. Им дали по 15 суток.

* * *

В той же Вольнской области в городах Ковеле, Рожищи и Киверцы на свадьбы к баптистам приходила "общественность" с духовым оркестром, игравшим и шумевшим во время исполнения обрядов. Нескольких верующих после свадьбы оштрафовали.

* * *

Хр. 46 сообщала об избении в воинской части Николая Кравченко – баптиста-инициативника, отказавшегося принять воинскую присягу. После лечения в нескольких госпиталях он был комиссован и в середине сентября вернулся из армии домой. Вылечить поврежденные при избении челюсти ему не удалось.

* * *

Джамбул. В школах № 20, 28 учителя раздали детям анкету, на которую нужно было ответить в обязательном порядке. Ниже приводятся некоторые вопросы из этой анкеты:

1. Веришь ли ты в Бога?
2. Посещаешь ли молитвенный дом?
3. Посещаешь ли юношеские и детские собрания?
4. Кто руководит ими?
5. Крещен ли?
6. Религия – это большое зло для государства. Как ты объяснишь это?

Пятидесятники

В Ялте оштрафован на 50 рублей пресвитер общины христиан-пятидесятников А.М. Тупиков. У него на иждивении 9 детей школьного и дошкольного возраста.

Осенью было оштрафовано несколько пятидесятников из Симферопольской общины.

Пятидесятников штрафуют теперь новым способом – постановления административной комиссии о штрафе и квитанции об уплате на руки больше не выдаются. Представитель предприятия, где работает верующий, ведет его в горисполком. Там административная комиссия объявляет о наложении штрафа. Деньги удерживают из зарплаты по месту работы.

Видимо, это вызвано тем, что документы, свидетельствующие о штрафах, попадали на Запад.

В Донецке у оштрафованных по-старому отобрали паспорта до тех пор, пока они не сдадут квитанции о штрафах.

* * *

14 августа в с. Прутки Брянской обл. праздновали свадьбу в семье христиан-пятидесятников. Из города Жданова на свадьбу приехали единоверцы и пресвитер В.С. Прудников, который совершал обряд бракосочетания.

Село Прутки находится в 17 км от райцентра Комаричи. Это расстояние гостям пришлось проделать пешком, т.к. районные власти высажи-

вали едущих на свадьбу из автобуса, на дороге милиция выгоняла их из попуток.

Во время свадебного богослужения работники райисполкома и милиции вошли в дом и велели прекратить службу в течение 15 минут. Через полтора часа они приехали снова, попав уже на обед. На этот раз они потребовали прекратить читать стихи и петь, приказали разойтись.

Разогнав верующих, милиция обыскивала их поодиночке. Отнимали Библии и песенники.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Массовая прописка крымских татар, которую представители власти обещали в феврале 1977 г. (Хр. 44), оказалась отнюдь не поголовной. С февраля по сентябрь оформили владение купленными домами и прописались около 200 семей. Среди них есть и жившие в Крыму несколько лет без прописки, и приехавшие в 1977 году. Однако еще около 600 семей живут без прописки, несколько десятков из них по 3-4 года. Всего сейчас в Крыму примерно 2000 крымскотатарских семей (8-10 тысяч человек), 250-300 из них приехали по "оргнабору". В середине ноября 1977 г. по оргнабору, проведенному впервые после 1974 г., привезли 25 семей из Узбекистана. В отборе переселенцев (очереди ждут несколько тысяч) участвовал КГБ.

* * *

В сентябре 1977 г., после почти годового перерыва, возобновились насильственные выселения (Хр. 41-44).

* * *

В Сакском районе, где недавно вступивший в должность председатель райисполкома Ф. Бойко заявил: "У меня в районе не будет ни одного крымского татарина", в сентябре подверглись выселению 4 семьи.

* * *

В селе Рунном двух пожилых женщин сестер Нурие и Кериме Куртсеитовых выгнали из дома, который они купили вместе со своим братом, инвалидом Отечественной войны Рустемом Халиловым. Эта акция началась 7 сентября поздно вечером. Непосредственными исполнителями были инспектор паспортного отдела РОВД Тимченко, секретарь парткома совхоза "Озерный", юрисконсультант совхоза А. Марчук (он лично взламывал двери) и большой отряд милиционеров и дружинников (почти все — пьяные). Кериме, сердечно больная, когда ворвались в дом, упала без сознания. После этого акция была прервана. На следующий день еще не оправившуюся Кериме, ее сестру и еще двух женщин (Халилов был в это время у предрайисполкома с жалобой) затолкали в автобус, имущество погрузили на машины (многое поломали и украли). Сестер сдали в местную больницу, а вещи свалили в совхозном общежитии.

Сестры Куртсеитовы прописаны в соседнем селе Лесновка. Так как

они жили там с другими родственниками в большой тесноте, они в феврале 1977 г. купили дом в селе Рунном. При покупке дома они получили разрешение совхозного начальства.

Халилову в советских и партийных органах (он – член КПСС) обещали прописку и работу, если он купит дом.

В начале сентября бывшую хозяйку дома разыскали, продержали сутки в милиции и еще два дня вызывали в прокуратуру, после чего она подписала заявление о том, что покупатель "уклоняется" от регистрации договора, и продала дом вторично – совхозу "Озерный". В тот же день и было начато выселение. Куртсеитовы и Халилов не смогли добиться восстановления своих прав на дом ни у местной власти, ни у Генерального Прокурора. В ноябре они подали в суд иск к совхозу и жалобу на действия милиции.

* * *

В селе Молочном (также Сакский р-н) 20 сентября выселили Зеру Мустафаеву с 10-летней дочерью. Их заставили сесть в автобус (девочку забрали с уроков), погрузили туда их вещи, взломав двери дома, и отвезли в Симферополь на вокзал. От Мустафаевой потребовали, чтобы она отправила вещи в Самарканд. Из Саки в Самаркандский райисполком было послано письмо с требованием принять меры против мужа Зеры Д. Мустафаева, работника облисполкома и депутата областного совета. З. Мустафаева, прожив несколько дней на случайных квартирах в Саки, вернулась в свой дом. После ее многочисленных заявлений районный прокурор признал, что выселение было незаконным, и вещи ей из Симферополя привезли, однако оформить договор купли и прописаться ей не удалось. В октябре в Саки была вызвана прежняя хозяйка дома, уехавшая в Архангельскую обл. Ее заставили написать заявление, что она согласна на снос дома, и 27 октября это было совершено. Мустафаева с дочерью остались жить в постройке временного типа, стоявшей во дворе. Совхозное начальство отрезало от этой постройки электричество и ликвидировало приусадебный участок, разделив его между соседями. Дочь Мустафаевой Зарема дважды писала в "Пионерскую правду". В ответ на ее письма в школу пришел инструктор райкома ВЛКСМ: "Скажи матери, чтобы увезла тебя обратно в Самарканд, у вас там хорошая квартира", – сказал он.

* * *

В том же районе в сентябре выселили семью участника Отечественной войны Сеитметета Аметова (с. Митяево; их вывезли в лесополосу) и семью Амета Ганиева (с. Трудовое).

* * *

Выселения происходили и в других районах Крыма. 31 августа из села Садовое Нижнегорского р-на вывезли семью Нури Мустафаева с двумя детьми (трех и полутора лет). Их выгрузили под открытым небом недалеко от Джанкоя. Крымские татары, живущие с ними по соседству, нашли их и вернули домой. Эта семья уже год живет без прописки и без работы.

В селе Семисотка Ленинского р-на в сентябре были выселены трое: Ш. Бекиров (с женой и двумя маленькими детьми), А. Караев (участник Отечественной войны), С. Ходжиаметов (с женой, тремя детьми и старой матерью). В этих акциях принимали непосредственное участие начальник Ленинского РОВД и его заместитель Кузнецов. В дом Ходжиаметова поселили вернувшегося из лагеря уголовника, отсидевшего 10 лет за изнасилование малолетних.

* * *

Родители Мустафы Джемилева (см. раздел "В тюрьмах и лагерях" в наст. вып.) Махфуре и Абдулджемиль Мустафаевы в июле 1977 г. переселились в Крым, купив дом в с. Муромское Белогорского р-на, неподалеку от переехавших ранее со своими семьями сестер Мустафы Диляры Сеитвелиевой (Хр. 46, "Разные сообщения") и Гулизар Абдуллаевой. Всем им отказывают в прописке. Административная комиссия райисполкома в августе вынесла решение предупредить Мустафаевых, что они должны оформить покупку дома в трехдневный срок и что они нарушают паспортный режим. В ноябре им прислали вызов в прокуратуру "по вопросу о незаконной покупке дома". Против мужа Диляры Ризы Сеитвелиева возбуждено уголовное дело по ст. 196 УК УССР ("нарушение паспортных правил") после того, как гражданским судом покупка их дома была признана незаконной. В ноябре милиция провела дознание, суд ожидается в декабре.

* * *

Уголовное дело по ст. 196 возбуждено также против Нуретдина Усеинова (с. Батальное Ленинского р-на, живет без прописки с 1974 г.) и против Сейдамета Меметова (с. Лесновка Сакского р-на). Суд над Меметовым был назначен на 9 ноября, но 6 ноября зам. начальника РОВД сказал Меметову, что суд не состоится. На вопросы, закрыто ли дело, не пошло ли оно под амнистию, он определенного ответа не дал.

* * *

В г. Старый Крым вернулись некоторые из крымских татар, осужденных по ст. 196 (Хр. 44) и освободившихся теперь по амнистии.

* * *

В середине ноября группа крымских татар (в основном, женщины) пришла в Белогорский райисполком.

Милиция предложила им проходить в здание по одному, но не в главный вход, а с другой стороны. Там стоял милицейский фургон. Первых же двух женщин забрали. Остальные подбежали к машине. Возникла стычка, в ходе которой пострадали и крымские татары, и милиционеры. Два человека (мужчина и женщина) получили по 10 суток.

* * *

А.В. Тихоновский, женатый на крымской татарке, проживает в совхозе "Солнечный" Симферопольского р-на. Недавно ему отключили телефон. Начальник телефонного узла объяснил Урмус Тихоновской причину отключения: "Вы разговариваете по телефону по-татарски, и мы не понимаем".

Два года назад, когда эта семья переезжала в Крым из Узбекистана, Тихоновскому (сначала он приехал один) в один день оформили договор купли дома и прописку. Позднее, когда он пришел в паспортный стол, чтобы прописать жену, на него стали кричать: "Вы – член партии, а обманываете государство".

* * *

Среди мер, предпринимаемых против все растущего потока крымских татар, возвращающихся в Крым, есть и такие: непрописанным крымским татарам не дают специализированный транспорт для перевозки контейнеров с вещами, прибывших в Крым. Зав. грузовым пунктом на ст. Симферополь Н.Г. Смиринский говорит, что он получил об этом устное распоряжение от КГБ. В то же время в Узбекистане крымским татарам препятствуют в отправке контейнеров. Крымская ГАИ охотится на личные машины непрописанных крымских татар (один из признаков – некрымские номера) и под различными вымышленными предложениями наказывает владельцев, вплоть до лишения прав сроком до двух лет. Были лишены прав несколько владельцев машин, помогавших высланным татарам вернуться домой.

* * *

Асан Мамут, инвалид Отечественной войны I группы (после ранения 8 лет лежал в госпиталях, после этого живет на попечении своей сестры, у которой сейчас 6 детей), написал в газету "Красная звезда": 17 апреля 1977 г. их семья, купив хату в с. Балки Белогорского р-на, вернулась в Крым. Пред. сельсовета и участковый милиционер сразу же отдали огород при доме соседям. Он обращался в райисполком, облисполком, райком, райвоенкомат, но прописаться ему не удалось. Зять (шофер и плотник) – без работы, Асану самому не платят пенсию. Пред. райисполкома Кравец, к которому Мамут пришел на прием, вызвал милиционеров и выгнал его из кабинета. "Вот за что я защищал Родину", – заканчивает письмо Асан Мамут.

* * *

Педагога Зеру Шабанову в Белогорске в течение трех лет не берут на работу ни в школу, ни даже в детский сад.

Врач-педиатр Фера Муслиядинова, с весны 1977 г. прописанная в с.Нижний Орешник, не может получить работу по своей специальности, хотя район остро нуждается в педиатрах.

Инженер Нариман Бешевин, работавший в Узбекистане начальником стройуправления, лауреат Государственной премии, в Крыму работы найти не может. В таком же положении – инженер-механик Редван Джемилев, соглашающийся на любую работу, например – шофером.

Наджис Бабаеву приняли учиться в швейное училище только после многочисленных жалоб вплоть до обкома. Гульнару Мустафаеву, окончившую в этом году среднюю школу в г. Крымске Краснодарского края (ее семья переехала в Крым и прописалась), не приняли на исторический ф-т Симферопольского университета, поставив ей двойку за сочинение (по истории она получила 5). Показать ей проверенное сочинение в университете наотрез отказались. Директор школы, где Гульнара была одной из лучших учениц, написал в университет письмо, но это не помогло.

* * *

Аджимелек Мустафаева (58 лет) и ее дочь Афифе Мустафаева (33 года), живущие в Симферополе, были осуждены (в разное время) по ст. 196 УК УССР на 2 года высылки (Хр. 37, 38, 41). Из своего дома, покупке которого гражданский суд признал незаконной, они не выехали и продолжали добиваться прописки. В марте 1977 г. их обеих судили за невыполнение приговора о высылке (ст. 185 УК УССР) и приговорили к штрафу по 150 руб. каждую. На суде они заявили, что заплатят штраф, когда пропишутся и получат работу.

13 октября к ним явились судебные исполнители в сопровождении участкового и еще 6 вооруженных милиционеров. Предъявив два исполнительных листа, только по первому из которых ранее было описано имущество на 300 руб., судебный исполнитель и милиционеры начали забирать вещи. Заодно был устроен фактический обыск – взламывали замки, вытряхивали чемоданы. Обе женщины, а также муж Афифе (он прописан и живет в другом городе и находился в Симферополе в командировке) стали сопротивляться этому беззаконию. Милиционеры применили силу – выкручивали руки, толкали и били хозяев, даже беременную Афифе. Понятые были вызваны только, чтобы подписать акт изъятия (опись); вещи увезли, не оставив копию описи. (Мустафаевы добились ее в суде только 19 октября.) После их жалобы прокурору, к которой была приложена справка о получении "легких телесных повреждений", их вызвали в прокуратуру и допросили как обвиняемых по делу о "сопротивлении милиции".

Обе женщины отправились в Москву. В прокуратуре СССР сотрудница приемной сказала Афифе Мустафаевой (когда та пожаловалась, что, имея высшее образование, не может получить работу в Симферополе, хотя специалисты ее профиля нужны многим предприятиям): "Что вы кичитесь своим образованием, если не можете понять, что в Крыму вам жить нельзя". Возражение Афифе об Указе 1967 г. она обсуждать не стала, сказав, что она юридически грамотнее, чем ее собеседница.

31 октября Аджимелек Мустафаева направила заявление Брежневу. В заявлении описаны их мытарства за 4 года: суды, штрафы, вызовы, заключение, которому она была подвергнута в 1975 г. (ее продержали в тюрьме 25 суток перед судом по ст. 196 – Хр. 38), и приведены также высказывания работников милиции. Нач. паспортного стола Купченко Г.Е.: "Вы никогда здесь не будете прописаны, вы в 1944 г. были выселены отсюда". Участковый инспектор Ефимов В.И.: "Я не допущу, чтобы на

моем участке жил хотя бы один крымский татарин". Зам. нач. гор. милиции Заяц М.В.: "Вас снова надо выслать, как в 1944 году". В заявлении говорится: "Мы лишены абсолютно всех гражданских прав... нарушаются статьи 34, 36, 40, 41, 42, 44, 53, 54, 57, 64 новой Конституции СССР... Убедительно просим избавить нас от произвола и насилия исполнительных органов, прописать нас, чтобы мы могли работать и жить нормально, как все люди." К заявлению приложена копия заявления соседей Мустафавых (русских и украинцев), адресованного первому секретарю Крымского обкома В.С. Макаренко. Соседи выражают свое возмущение акцией 13 октября и просят прописать Мустафавых.

4 ноября Мустафавы рассказали о своем положении на пресс-конференции, состоявшейся на квартире П.Г. Григоренко (на этой пресс-конференции было также оглашено заявление группы "Хельсинки" о дискриминации крымских татар – см. ниже).

После возвращения Мустафавых в Симферополь к ним домой пришел работник МВД (или КГБ) Яковлев. Он расспрашивал их, зачем они давали интервью и кто им дал адрес Григоренко, записал адреса их родственников. Яковлев признал, что по крайней мере по второму исполнительному листу изъятие имущества было незаконным – судебный исполнитель должен был только описать его. Аджимелек Мустафасву вызвали на 30 ноября в паспортный отдел городского УВД "для беседы".

* * *

Энвер Аметов в октябре 1977 г. написал "Заявление для печати", в котором описал положение своей семьи после приезда в Крым в 1976 г. Начальник Белогорского КГБ сразу сказал ему, что его семья будет выселена за то, что он, Аметов, "будоражит людей", поддерживает знакомства с Сахаровым и Григоренко и рассказал о положении крымских татар иностранным корреспондентам. По поводу своего осуждения по ст. 196 на 2 года высылки (Хр. 43, 44) Аметов говорит:

Я неоднократно обращался в прокуратуру СССР с жалобами на незаконное осуждение. На основании моих жалоб обл. прокурор установил, что купленный мной дом в с. Мелихове был снесен незаконно, незаконно подверглась выселению и моя семья. Также было вынесено представление прокурором о наказании виновных лиц. Однако за это наказание никто не понес.

Решение Белогорского суда о выселении я не исполнил, считая, во-первых, его незаконным, а во-вторых, я имею двоих малолетних детей (сына – трех лет и дочь – 5 месяцев). Я не могу оставить их по моральным соображениям.

1 сентября 1977 г. тем же участником выселения моей семьи Харченко был составлен протокол на меня о нарушении паспортного режима. 6 сентября я был вызван в админкомиссию. 26 сентября тот же ст. лейтенант Харченко предупредил меня, что будет возбуждено уголовное дело по ст. 185, что грозит мне ссылкой на

срок от 2 до 5 лет. Кроме уголовного преследования мне, отцу двух детей, не дают работы. Этим летом руководство колхоза и сельсовет попытались лишить мою семью последнего источника существования. Председатель колхоза, пред. с/с и секретарь парткома заявили, что огород при моем доме будет вспахан. Этот приусадебный участок, прикрепленный к купленному мною дому, после вселения оказался "колхозной землей".

Аметов касается также общего положения крымских татар в Крыму. Приведа факты выселений и других притеснений, Аметов сообщает:

Все жалобы крымских татар на действия местных органов возвращаются к тем же местным органам.

Репрессии, проводимые местными властями против нашего народа, проходят под покровительством КГБ. 27 сентября к проживающему в г. Белогорске Османову Мухсуму, инвалиду труда первой группы, слепому, приехали сотрудник обл. управления КГБ Крыма Житов и сотрудник районного КГБ. Житов назвал Мухсума экстремистом и заявил: "Если праздник 60-летия пройдет беспокойно со стороны крымских татар, то в ответе будете Вы и Османов Бекир, Энвсра Аметова и Эльдара Шабанова посадим, как антисоветчиков". Османов Бекир живет в Симферопольском районе, бывший партизан, за желание жить на национальной родине исключен из партии.

Наше крымскотатарское национальное движение за возвращение на родину имеет мирный характер и основано на Конституции. Мы не требуем свержения власти или советского строя, мы хотим одного: иметь равные права, провозглашенные основным законом Советского Союза, жить и трудиться на национальной родине, иметь возможность учиться на родном языке, пользоваться своей культурой и искусством.

Петиции

Свыше 900 крымских татар подписали Обращение в ЦК, Верховный Совет и Совет Министров СССР по случаю 60-летия Октябрьской революции (о сборе подписей под ним сообщалось в Хр. 44). В Обращении, как и во многих документах крымскотатарского движения прошлых лет (см., напр., Хр. 31), акция выселения 1944 г. и последующие действия властей против крымских татар трактуются как разгром марксистско-ленинских революционных завоеваний силами империализма и шовинизма, лишь прикрывающимися маской социалистического государства.

Власть советов никогда и ни при каких обстоятельствах не могла организовать ночной разбой с целью захватить территорию у своей союзной малой социалистической нации, а затем превратить

эту территорию в предмет дарения и дележа между народами, большими лишь по численности.

В Обращении охарактеризовано гибельное состояние национальной культуры, отсутствие всяких условий национального существования крымских татар.

Ссылаясь на прежние массовые петиции, сданные в ЦК, Обращение требует организованного возвращения в Крым, восстановления КрАССР, возвращения личного и общенационального имущества, привлечения к уголовной ответственности "организаторов, вдохновителей и исполнителей контрреволюционной акции и ее последствия – 33-летнего бесправия, репрессий и гонений в Крыму и на местах ссылки", аннулирования законодательных актов, дискриминирующих крымских татар. Обращение призывает партийное и государственное руководство "безотлагательно, по-ленински" решить крымскотатарский вопрос.

* * *

Л.И. Брежневу адресован документ, названный "Кассационным заявлением".

Основное содержание "Кассационного заявления" – требование отмены всех законодательных актов, касающихся крымских татар, изданных с 1944 г. по 1976 г. Указ от 5 сентября 1967 г. "О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму", хотя и "реабилитировал" крымских татар, но не ликвидировал дискриминацию. Авторы заявления обращают внимание на то обстоятельство, что в этом Указе предыдущие решения отменяются *лишь* "в части, содержащей огульные обвинения", таким образом, остается по сей день в силе Указ от 28.4.56, который отменил режим спецпоселения крымских татар, но установил, что это "не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении" и что "они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены". "Кассационное заявление" отмечает, что в отношении других выселенных народов ограничения в выборе места жительства были отменены специальным указом и крымские татары теперь – единственная *юридически* неравноправная нация.

* * *

Сбор подписей под "Кассационным заявлением" ведется с марта 1977 г., главным образом – в Узбекистане. Экземпляры "Заявления", подписанные каждый 15-20 людьми, отправлялись по почте с обратным адресом одного из подписавших. Не получая ответов, крымские татары в августе послали в Москву своих представителей: Э. Фазылова (Ташкент), К. Усейнова (Самарканд), Д. Тохтарова (Бекабад). 11 августа эти представители выпустили "Информацию № 1" – отчет о своей работе, в которой также разъясняют значение проводимой кампании:

... Стихийный выезд крымских татар в Крым не только не прекращается, а учащается изо дня в день. Но уже многие крымские

татары начали понимать, что основным барьером на пути их возвращения в Крым и восстановления национального равноправия народа являются не "антизаконные действия" местных органов власти, а все государственные решения периода 1944 – 1976 гг. в отношении крымского народа, ссылаясь на которые и действовали представители крымской власти.

Представители сообщают, что они посетили ЦК и потребовали ответа от Брежнева или от лица, которому Брежнев лично поручит ответить. Принявшие их работники ЦК сказали, что крымскотатарский вопрос решен Указом от 5.9.67 и только кучка людей искусственно будоражит народ. Представители ответили, что посланы не для ведения дискуссии, а исключительно за ответом на "Кассационное заявление".

"Кассационное заявление" к августу подписали более 4000 человек.

Представители крымских татар (в середине августа в их число вошел член КПСС Э. Калафатов) остались в Москве и продолжали настаивать на получении ответа на "Кассационное заявление", посылая в ЦК телеграммы и заявления.

Тексты и самого "Кассационного заявления", и "Информаций" (их вышло уже три) написаны чрезвычайно лояльно и содержат выражения преданности партии и правительству.

* * *

В сентябре в Узбекистане состоялась "Межобластная встреча представителей инициативных групп движения крымских татар за восстановление национального равноправия". В резолюции, принятой на этом совещании, предлагается развивать движение на базе идей "Кассационного заявления", находящегося в полном соответствии с Конституцией СССР и политикой партии. Резолюцию подписали 14 человек, трое из которых – члены КПСС. Среди подписавших есть ранее осужденные за участие в национальном движении Джемпар Акимов (Хр. 31) и Роллан Кадыев (Хр. 8,22).

* * *

4 ноября Московская группа "Хельсинки" опубликовала свой документ № 24: "Дискриминация крымских татар продолжается". Документ подписан членами группы П. Григоренко, С. Каллистратовой, М. Ландой, В. Слепаком, Н. Мейманом, Т. Осиповой, а также участвовавшим в его составлении А. Лавутом. Присоединяясь к авторам документа, А. Сахаров заявил:

Решение поставленных в этом документе проблем является настоятельной необходимостью. Отсрочка в их решении непрерывно и ежедневно множит человеческие трагедии, беззаконие и произвол и покрывает позором нашу страну.

В документе описаны размеры и характер потерь, понесенных крымскотатарским народом в результате депортации.

Отмечено, что Указ 1967 г. "под прикрытием красивых слов о снятии огульных обвинений" не отменил запрет возвращаться в Крым и закрепил рассеяние нации. Группа "Хельсинки" подчеркивает, что действующие в отношении крымских татар законы и практика противоречат положениям Заключительного Акта (раздел VII) и другим международным соглашениям.

В документе описано положение крымских татар, вернувшихся в Крым (около 2000 семей), особенно тех семей, которые не могут добиться прописки (около 600 семей). Приведены факты жестоких и незаконных действий представителей власти. Авторы документа высказывают особую тревогу за судьбу одного из давних активистов национального движения Энвера Аметова, подвергающегося постоянной слежке и угрозам со стороны КГБ.

В приложении № 1 к документу даны тексты Указов, касающихся крымских татар и других депортированных народов, в частности, секретный Указ от 3.11.72 о снятии ограничений в выборе места жительства для немцев и др. народов (Хр. 34), в число которых крымские татары не входят.

В приложении № 2 даны индивидуальные заявления крымских татар.

* * *

В феврале 1977 г. А.Д. Сахаров получил письмо, подписанное 52 крымскими татарами из Анджана. Авторы письма обвиняют его в том, что "с помощью крымских татар, порвавших связь со своим народом, таких как Решат и Мустафа Джемилевы, Айше Сеитмуратова, Сеитягья Билялов и других" он "пытается делать неодобряемые народом дела", распространяет получаемые от этих лиц материалы с целью "навредить нашему государству". Заявляя далее, что крымские татары исполнены трудового энтузиазма и добились больших успехов в общественной и хозяйственной жизни, авторы пишут:

Не так далеко то время, когда мы в нормальной обстановке поедем в свой солнечный Крым дорогами интернациональной дружбы, но на все свое время. ...

Гр-н Сахаров, ... не вмешивайтесь в наши дела, не вредите нашему народу, дорогу в Крым мы найдем без вас и ваших друзей.

Несколько человек из числа 52-х написали Сахарову, что их подписи были поставлены под письмом обманным путем: юрист-пенсионер Самединов, приходивший к ним домой, показывал им другое письмо. (Самединов в 1944-46 гг. был единственным крымским татаринном, работавшим в спецкомендатуре, осуществлявшей режим спецпереселения.)

В июне 1977 г. Сахаров получил следующее письмо, подписанное 549 крымскими татарами, живущими в Узбекистане:

Лауреату Нобелевской премии, академику А.Д. Сахарову.

Мы, нижеподписавшиеся крымские татары, очень благодарны Вам за Вашу поддержку стремлений, чаяний и дум крымскотатарского народа вернуться на свою исконную Родину — в Крым.

Мы не разделяем письмо пятидесяти двух крымских татар из Анджана, подписавших его по своей наивности обманным путем.

Мы решительно отвергаем это письмо, как недостойное, не отражающее мнение крымскотатарского народа.

ПРАВО НА ВЫЕЗД

В последнее время от тех, кто получил отказ в выездной визе, для пересмотра дела каждые полгода требуют обновления всех документов.

С середины июля 1977 года в Одессе у подающих на выезд снова требуют характеристику с работы. Там же кроме разрешения от родителей стали требовать разрешения от взрослых братьев и сестер. Разрешения от родственников заверяют теперь не в домоуправлении, а по месту их работы. Для детей старше 14 лет необходима справка о том, что они не состояли в ВЛКСМ или исключены из него.

* * *

В 1975 г. врач-психиатр Марина Войханская (Хр. 45) эмигрировала в Англию. Ее, тогда 10-летний, сын Миша остался в Ленинграде, так как ее бывший муж Е. Войханский не дал согласия на отъезд Миши. Однако он обещал отпустить сына, как только Марина устроится за границей на работу. Все это время Миша жил у бабушки (матери Марины). Хотя поставленное Е. Войханским условие выполнено и хотя сам он писал когда-то своей бывшей жене, что хочет отдать ей сына "хотя бы из эгоистических соображений", он продолжает отказывать в разрешении на его отъезд. Осенью этого года Миша, после нескольких безответных обращений к властям с просьбой отпустить его к матери, написал письмо в Московскую группу "Хельсинки":

Я умоляю вас помочь мне уехать к моей маме! Она уехала в апреле 1975 года, взяв с моего отца твердое обещание, что он отпустит меня в августе 1975 года, но он нас обманул и обманывает до сих пор. По-моему, он очень плохой человек. Я его ненавижу!

Помогите мне уехать! Я очень люблю мамочку! Какая же это справедливость, если сыну не дают жить с мамой!

В ноябре 1977 г. группа "Хельсинки" и Рабочая комиссия по исследованию использования психиатрии в политических целях опубликовали заявление о судьбе Миши Войханского, адресованное главам правительств-участников Хельсинкского совещания (документ № 25).

В заявлении объясняется, что отказ Е. Войханского отпустить сына несомненно вызван его опасениями за свое служебное положение и происходит под давлением властей.

...

Советские власти мстят мужественной женщине, удерживая ее маленького сына в качестве заложника. Марина Войханская, врач-психиатр, — активная участница движения за права человека в СССР. Еще находясь в СССР, она протестовала против психиатрических преследований инакомыслящих, а на Западе посвятила все силы помощи жертвам психиатрических репрессий. Собранные ею материалы наряду с другими свидетельствами убедили съезд психиатров в Голулулу принять бескомпромиссное решение, осуждающее использование психиатрии в политических целях. Войханская является также зарубежным представителем "Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях".

...

Зная все подробности Мишиной судьбы, мы со всей ответственностью заявляем: насильное разлучение ребенка с матерью, длящаяся годы трагедия — нарушение не только Хельсинкских соглашений, но и всех принципов гуманизма в угоду недостойным политическим соображениям.

Мы призываем представителей государств, участников Белградского совещания, заступиться за ребенка и помочь воссоединению семьи Войханских. Это дело — не внутреннее дело СССР, ибо нарушение прав человека, права ребенка быть с матерью не может быть внутренним делом одной страны.

* * *

12 сентября зам. начальника Владимирского ОВИРа майор Илюхин сообщил Виктору Некипелову (Хр. 46), что в выезде ему отказано. "Мы считаем, что вам незачем ехать в государство Израиль, вам нечего там делать", — сказал при этом Илюхин. 22 сентября Некипелов снова послал Председателю Президиума Верховного Совета СССР "Заявление об отказе" (Хр. 46). Вместе с заявлением он отослал свой паспорт. В сопроводительном письме Некипелов потребовал разрешения на выезд.

...

В случае невозможности выезда в Израиль прошу выпустить меня в Соединенные Штаты Америки или любую другую т.н. капиталистическую страну...

Одновременно он послал заявления аналогичного содержания начальнику ОВИРа МВД СССР и начальнику паспортного отдела УВД Владимирской области. В одном из них он пишет:

Я подчеркиваю, что мой отказ от советского гражданства есть *невозможность* поступить иначе, не только психологическая, но

почти физическая невозможность дальнейшего сосуществования с государством, которое стало чужим.

4 ноября Некипелов послал Римской сессии Сахаровских слушаний заявление:

...

Я прошу 2-ю сессию Международных Сахаровских слушаний в Риме огласить это заявление на своих заседаниях, рассматривая факт отказа мне в выезде из СССР как доказательство еще одного нарушения этой страной принятых на себя обязательств.

Я прошу помочь мне и моей семье осуществить свое право — выехать из СССР.

* * *

В 1975 г. член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии Сергей Михайлович Поликанов (1926 г.р.) получил от директора Европейского центра ядерных исследований профессора ван Хове приглашение приехать в Женеву, чтобы принять участие в совместных исследованиях. В 1962 г. при участии Поликанова было сделано открытие, изменившее представления о процессе деления атомных ядер. Исследования, проводимые в Женеве, как раз и направлены на проверку этих представлений. В письме, адресованном профессору ван Хове, Поликанов пишет:

До последнего времени я был среди людей, которых можно называть "проходимыми". Это значит, что время от времени я мог ездить за границу, в том числе и в капиталистические страны. В моей биографии нет, точнее не было, никаких отягчающих обстоятельств:

я не еврей, а русский,

я не имею родственников за границей,

я не находился на территории, оккупированной во время войны немцами,

я не попадал в вытрезвители и т.д.

Я не раз бывал в капиталистических странах, даже провел в Дании полтора года с семьей, и поэтому, когда возник вопрос о командировке меня с семьей в Швейцарию на год, был уверен, что все будет благополучно, т.е. меня отпустят. Однако все стало выглядеть совершенно иначе, когда мне сообщили, что я могу длительно работать в Швейцарии, но ехать туда должен один. Для меня было бы крайне тягостно проводить в Швейцарии долгие месяцы без семьи, и я отказался от командировки на предложенных мне условиях.

Глубоко убежденный в необходимости участвовать в намеченных исследованиях, я обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС Сулову М.А. с просьбой командировать меня с семьей в Швейцарию, но вопрос решен не был.

Конечно, сейчас мне хорошо известна причина, по которой мне не разрешили поехать в Женеву с семьей. Сотрудники КГБ не желают, чтобы моя жена поехала за границу. Не удивительно ли? Ведь она не работает и, естественно, не владеет никакими государственными тайнами. Единственно, в чем ее можно обвинить, так это в том, что она, как, впрочем, и другие женщины, не выражает восторга по поводу пустых прилавков в наших магазинах. Скорее всего, какой-нибудь осведомитель написал донос в КГБ, и этого достаточно. Простая истина, не правда ли? И до чего отвратительная!

Далее Поликанов пишет, что через год он обратился к Брежневу с просьбой разрешить ему сотрудничать с западными учеными как частному лицу.

Прошедший год показал, что мои попытки бороться с административным аппаратом привели меня в "черный список". Я понял, что меня никогда более не пошлют в капиталистическую страну даже на день, а не только на год. Свидетельством того является отказ обсуждать со мной вопрос о поездке на две недели в Женеву для обсуждения совместной статьи, а также в Копенгаген по приглашению из Института Нильса Бора.

...

Мне могут сказать также, что у нас немало ученых, которым не разрешают поездки в капиталистические страны, хотя у них имеются приглашения от западных ученых. Должен отметить, что мне всегда было удивительно, почему никто из них не протестует против дискриминации по отношению к ним. Неужели страх репрессий заглушает все? Как это печально.

...

В жизни каждого человека рано или поздно может наступить момент, когда он должен спросить себя, кто же он, свободный человек или бессловесная скотина. От того, как он себе ответит и в соответствии с этим поступит, зависит многое, скорее всего даже вся его дальнейшая судьба.

Смирись, и тебе гарантирован клочок сена в стойле, а если будешь настаивать на своем, тебе и твоим детям будет плохо, и даже очень.

То, что произошло со мной, заставило меня глубоко задуматься о месте человека в нашем обществе. Разве не волен человек распоряжаться своей судьбой? Неужели мое желание свободно сотрудничать с западными учеными преступно? Почему какие-то не известные мне люди, которым безразличны мои исследования и, думаю, наука в целом, решают, как я должен жить? А что же тогда смею решать я? В глазах этих "хозяев жизни" я, по-видимому, ничтожная букашка, которую в случае необходимости можно и раздавить. И Вы можете быть уверены, что они постараются это сделать в ближайшее время.

Еще бы, ведь я не согласился с тупой покорностью жевать полагающийся мне клок сена, а осмелился протестовать и даже "вынес сор из избы", а это, как хорошо известно, очень тяжкий грех.

Зам. директора Объединенного института ядерных исследований в Дубне, в котором работает Поликанов, советовал ему написать ван Хове, что он болен. Сам он, приехав в Женеву, так и сказал ван Хове. "Посмотрите на человека, который впервые в этом кабинете лжет в глаза", — ответил ван Хове.

* * *

В июне 1976 г. преподаватель Белорусского политехнического института Лидия Александровна Дроздова (Минск, ул. Ландера 52, кв. 329) попросила разрешения на выезд. Ответа из МВД она не получила, но из института ее уволили. В июле 1976 г. в заявлении Председателю ПВС СССР Н.В. Подгорному Л.А. Дроздова отказалась от советского гражданства. С тех пор она настойчиво добивается разрешения на выезд. В июле 1977 г. после шести безответных заявлений Дроздова написала письмо Председателю ПВС СССР Л.И. Брежневу. Через 2 недели ее пригласил инструктор Минского обкома КПБ Подлесский. Подлесский сказал, что ЦК КПБ поручил ему рассмотреть ее письмо Брежневу. В ходе беседы Подлесский спросил:

— У вас есть родственники за границей? Мы разрешаем выезд из СССР только по вызову родственников. Кто вас там примет?

— Я хочу уехать из СССР не к родственникам, а из-за моего несогласия с системой, существующей в СССР. Об этом я и писала Брежневу. Политических эмигрантов принимают многие страны. С секретными работами я не связана, несовершеннолетних детей не имею. Разве есть какие-нибудь причины для отказа мне в эмиграции?

— Таких причин нет. Когда у вас возникла мысль покинуть СССР?

— В детстве, когда я еще ходила в школу. Однако только после Хельсинкских соглашений я смогла заявить об этом. Я была свидетелем сталинского террора, незаконных и преследований многих людей.

Во время второй беседы Подлесского с Дроздовой присутствовал "неизвестный". Он сказал Дроздовой:

— У вас есть сестра. Почему вы не сообщили ей, что хотите уехать из СССР? Вы должны были это сделать.

— Сообщи, когда найду нужным.

В конце беседы Подлесский сказал, что для оформления документов на выезд необходимо пройти медосмотр, и предложил Дроздовой начать медосмотр с психиатра. Дроздова попросила Подлесского, чтобы он запросил справку из псих. диспансера.

— Нет, я не могу этого сделать. Вы сами должны пойти туда. Разве вы боитесь, что вас заключат в сумасшедший дом?

— Да, думаю, что именно эту цель вы преследуете, посылая меня к психиатрам. Во всяком случае, я не могу рисковать.

— В таком случае наш разговор окончен. Мы не будем рассматривать ваше заявление.

12 ноября Дроздова обратилась за помощью в группу "Хельсинки".

* * *

21 октября в Московскую группу "Хельсинки" обратилась за помощью Лилия Счастливая (Москва, 16 Парковая ул. 55, кор. 2, кв. 73).

В феврале 1975 г. она подала документы на выезд, а в июле 1975 г. получила отказ по причине "секретности" бывшей работы. (Счастливая работала переводчицей в бюро обслуживания гостиницы "Россия". А. Поладян, которая после увольнения Счастливой стала работать на ее месте, в январе 1977 г. подала документы на выезд, а в июне уже уехала.)

После того, как Счастливая подала документы на выезд, ее сына Сергея Счастливого (1955 г.р.) выгнали из института. В сентябре 1976 г. он тоже подал документы на выезд, а в декабре 1976 г. получил немотивированный отказ.

* * *

Немецкая семья Ланге, проживающая в Киргизии (722191, Аламединский р-н, с. Аламедин, ул. Маяковского 1), с 1960 г. добивается разрешения на выезд в Германию. В октябре они отправили письмо "В комитет защиты прав человека в СССР" с просьбой о помощи.

* * *

В Литовскую группу "Хельсинки" с просьбой помочь уехать из СССР обратились Ирена-Анна Станиене (1938 г.р.), Альфредас Петерайтис (1943 г.р.) и бывшие политзаключенные Стяпас Бубулас (1917 г.р.), Повилас Печюлайтис (1923 г.р.), Энн Тарто (1938 г.р.).

У Станиене (Клайпеда, ул. Ушакова 3, кв. 1) мать и сестра уже уехали в ФРГ. Сама Станиене тоже имеет гражданство ФРГ. Ей уже несколько раз отказывали в выезде.

Петерайтис (Клайпеда, ул. Дауканто 33, кв. 2) с 1974 г. добивается разрешения на выезд в ФРГ — к отцу.

Бубулас отсидел 15 лет (1947-1962) по ст. 58 старого УК.

Печюлайтис отсидел 20 лет (1952-1972) по ст. 58 старого УК и 1 год (1975-1976) за "нарушение паспортных правил" (Хр. 36, 37).

Тарто сидел в 1956-1962 гг.

* * *

В сентябре 1977 г. бывшие политзаключенные Иван Овчинников (1929 г.р.), Вячеслав Репников (1935 г.р.), Юрий Гримм (1935 г.р.), Виктор Семенов (1939 г.р.), Ромас-Юозанас Гедра (1944 г.р.), Бируте Пашилене (1928 г.р.) и ее сын Алексас-Альфонсас Пашилис (1949 г.р.) обратились к Л.И. Брежневу с просьбой о разрешении выехать из СССР и к Д. Картеру с просьбой о разрешении въехать в США.

Овчинников (601600, Владимирская обл., Александров, 3 Красногорщинская ул. 3, кв. 2) в 1958-1965 гг. сидел в Мордовии по ст. 64 УК

РСФСР, в 1966-1969 гг. сидел на Урале за недонесение о попытке побега за границу своего друга.

Репников (601601 Владимирская обл, Струнино, ул. Осипенко 17) 1953-1955 гг. провел в Ленинградской СПБ, 1959-1969 гг. — в Мордовии ("измена родине").

Гримм (113054, Москва, Татарская ул. 9а, кв. 74) в 1964-1966 гг. сидел в Мордовии (ст. 70 УК РСФСР). О нем было в Хр. 46.

Семенов (357371, Ставропольский край, Предгорный р-н, с. Подкумок Эссентукская ул. 48) 1959-1969 гг. провел в Мордовии (попытка нелегально покинуть СССР).

Гедра (235780, Литовская ССР, Паланга, ул. Ю. Янонио 3, кв. 1) в 1962-1967 гг. сидел в Мордовии (попытка нелегально покинуть СССР).

Пашилене (Литовская ССР, Клайпеда, ул. Васоротою 20) в 1946-1949 гг. сидела за связь с литовским подпольным движением.

Пашилис (там же) 1970-1974 гг. провел в Мордовии (антисоветская агитация и пропаганда).

* * *

Активистка крымскотатарского движения Айше Сейтмуратова (Хр. 34, 37, 41) в декабре 1976 г. подала документы на выезд "по вызову родственника из Израиля". В начале 1977 г. ей отказали.

В заявлении Брежневу от 25 сентября 1977 г. Сейтмуратова, ссылаясь на Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования и Заключительный Акт Европейского совещания, просит разрешить ей выезд.

К тому же я не желаю жить в Узбекистане, куда сослана на пожизненную ссылку... Если мне нет места на моей родной земле — в Крыму, то чужбину себе я выберу сама.

4 октября Сейтмуратова обратилась к Белградскому совещанию. Она пишет:

Я лишена свободы передвижения по территории СССР. В 1976 году 5 сентября ... применив физическую силу, выдворили меня из Крыма. В апреле 1977 г. в Москве угрозы — выдворили! В Узбекистане систематически нахожусь под гласным и негласным надзором. ... Преследования, которым я подвергаюсь по настоящий день, носят не частный характер, а являются конкретным примером преследований крымскотатарского народа...

Лишенная в СССР гражданских и национальных прав, средств существования, я вынуждена была обратиться в ОВИР с заявлением о выезде за пределы СССР, чтобы завершить образование и заняться исторической наукой, так как в своей стране меня лишили этой возможности. Но ОВИР МВД и КГБ УзССР поставили вето и на это мое право — право на выезд. Угрозы и запугивания, преследования после подачи заявления в ОВИР о выезде усилились. Не гарантирована я даже от физической расправы.

Сейтмуратова просит участников совещания защитить ее права и содействовать ее выезду.

Пятидесятники

Приморский край

10 сентября Б.И. Перчаткин и В.Ф. Патрушев из Находки (Приморский край) и М.И. Пименов из Владивостока от имени пятидесятников Находки и Владивостока обратились к участникам Белградского совещания с письмом:

... В сентябре прошлого года мы обратились с просьбой об эмиграции к широкой общественности и к главам правительств различных государств. После этого власти начали массовую кампанию против нас. По несколько раз в неделю с трибун клубов, домов культуры, лекториев училищ, общежитий читаются лекции, информирующие население, что верующие – это враги, фанатики, предатели, агенты ЦРУ, шпионы. В местных газетах печатаются заметки, представляющие нас как злодеев и предателей. ... Эта официально проводимая кампания подстрекает население к расправе над верующими.

Так, например, групповое избиение верующих, происшедшее в новогоднюю ночь. В результате – много пострадавших, а один из них – Иван Дуров остался калекой на всю жизнь. Ему проломили череп, отбили почки. В больнице его запугивали, что, если он не уедет, его убьют. Суд жалобу отклонил, бандиты остались безнаказанными.

Атмосфера в городе накалена, наши женщины не могут выйти на улицу: им угрожают, избивают. Васильева Л.И. была избита на улице. Бандиты кричали: "Баггистка, на ЦРУ работаешь, получай". Среди белого дня беременную Нину Мироненко ударили и потащили в болото, крича: "В Америку собралась ехать? Мы вам покажем Америку!" Хулиганы пользуются молчаливым одобрением властей, бросают камни и стекла во дворы, засыпают огороды битым стеклом.

19 мая было совершено бандитское нападение на дом вдовы Чуприной, в котором происходят наши молитвенные собрания. Дом был разграблен, перепуганы дети, выбиты стекла в окнах и на веранде ударом топора. ... Власти в милиции пытались заставить Чуприну подписать заявление, что она не имеет претензий к нападавшим.

... В июле месяце этого года тридцать человек, имеющих вызовы на свои семьи, были вызваны к начальнику городского управления милиции, где в его присутствии старший лейтенант Смоленцев официально заявил нам, что в августе месяце мы уедем из

СССР, чтобы мы готовились к отъезду. Люди стали готовиться к отъезду: продавать дома, имущество, вещи, зимнюю одежду, чтобы иметь деньги для уплаты пошлины.

Оформление документов превратилось в сплошную цепь оттяжек, отказов, проволочек. Заявления возвращаются из-за плохого или мелкого почерка. 22 вызова были возвращены из-за исправлений, сделанных в посольстве США. Власти шантажируют родителей, у которых уезжают дети, публикуют фальшивки, якобы от имени родителей, перехватывают письма, посылают фальшивые письма с дезинформацией. Требуют согласия неверующих родителей, бывших в разводе, бросивших своих детей со дня рождения, скрывшихся от уплаты алиментов. Пользуются любой возможностью запугать, чтобы задержать выезд. Требуют указать место работы, адреса, заработок, отчество лиц, пославших вызов из Соединенных Штатов.

Уже поданные и оформленные документы возвращаются или маринуются в течение многих месяцев, а затем присылаются отказы.

Когда мы ссылаемся в жалобах на Декларацию Прав Человека, Пакты о политических и гражданских правах, на пункты Хельсинкского соглашения, то представители власти разъясняют нам наши права так. Вот слова полковника Спирина, начальника краевого паспортного стола: "Декларация прав печатается за границей и нелегально ввозится в СССР для подрывной деятельности."

Уполномоченный по делам культов Приморского края Чупин В.И., показав на документы Заключительного акта в Хельсинки, сказал на собрании в присутствии нескольких сот человек, обратившись к верующим: "Вам здесь ничего не светит". Начальник паспортного стола гор. Находки Смоленцев заявил: "Что вы тычете на эту декларацию. У меня вот такая пачка инструкций (раздвинул руки на полметра). Как там толкуют, так и делаем".

... Мы обращаемся ко всем вам, кому дороги высокие моральные принципы, помогите нам!

В знак протеста против насилия и беззакония, творимого советскими властями над верующими, община города Находки объявляет голодовку с 4 октября – дня открытия совещания, если нам не будет дана возможность до этого времени выехать.

23 сентября на пресс-конференции в Москве В. Степанов и Б. Перчаткин рассказали иностранным корреспондентам о положении пятидесятников.

30 сентября Степанов, Перчаткин, Патрушев и Бурлаченко были вызваны в горисполком г. Находки. Им было зачитано предупреждение об уголовной ответственности за клевету и подрыв государственной безопасности. В тот же день Степанов и Перчаткин были вызваны к начальнику горотдела КГБ.

* * *

4 октября 46 пятидесятников Находки и Владивостока начали голодовку.

В Находку были вызваны дополнительные силы милиции из Владивостока, были приведены в боевую готовность курсанты мореходного училища, возле горисполкома дежурили две пожарные машины и площадь перед ним была забита милицией. Под разными предложениями у пятидесятников были отобраны или арестованы автомобили и мотоциклы, за всеми установлен постоянный надзор, возле дома Степанова, где проводились молитвенные собрания, дежурила воинская машина с рацией. Всех участвовавших в голодовке вызывали на допросы. Милиция посещала квартиры верующих и проверяла паспорта.

6 октября Степанова и Перчаткина вновь вызвали в КГБ. Им сказали, что при попытке выехать из города или встретиться с иностранными корреспондентами они будут немедленно арестованы. По существу они находились под домашним арестом.

* * *

После 10 дней голодовки были приняты документы на выезд у всех, кто имел вызов (около 47 семей). Исключение составила только семья Чуприных.

* * *

В конце октября дом Чуприных разгромили в третий раз за последнее время. Хулиганы осаждали дом 40 минут, внутрь попало около 200 булыжников.

Во время ноябрьских праздников в Находку была вызвана воинская часть из Владивостока.

В конце ноября 500 пятидесятников Дальнего Востока получили отказ. Мотивы разные: 1) отказала Москва, 2) отказал начальник паспортного отдела ОВИРа Спиринов, 3) отказала крайкомиссия – временный орган, в который нельзя апеллировать, поскольку она уже распущена. Кроме того, было сказано, что действителен вызов только от родственников или от президента. Религиозные мотивы достаточным объяснением желания выехать не считаются, и вызовы единоверцев действительными не признаются.

После заявления властей об отказе в Находке в течение нескольких дней около каждого дома пятидесятника стояла машина КГБ. Сейчас слежка продолжается по местам работы. Зарубежные телефонные разговоры и переписка блокированы.

Будучи уверенными, что Господь их выведет из СССР уже в этом году, многие пятидесятники продали дома, коров и т.д. и с малолетними детьми ютятся в тесноте и бедствуют. В железнодорожных кассах и кассах Аэрофлота имеются списки фамилий верующих, им не продают билетов.

Ст. Старотитаровская. Летом сотрудник краевого управления ГБ подполковник Старостин неоднократно посещал дома пятидесятников, подавших заявления на выезд. Он советовал не ехать за границу, рассказывал об ужасах тамошней жизни. Массовые репрессии против секты в 60-е годы Старостин называл ошибкой. Верующие заметили, что во время этих бесед Старостин пытается поссорить членов общины.

* * *

23 июля в газете "Советская Кубань" была опубликована статья Р. Закиева "Житие апостола Горетого". Статья почти полностью занимает 4 газетных полосы. Поводом к ее появлению послужило сообщение "Голоса Америки" о встрече Горетого и других пятидесятников с западными корреспондентами в Москве в июле этого года. Горетой представлен в этой статье как человек, отказавшийся от работы по специальности и "лихо строящий свое благополучие на ином поприще", то и дело обманывая верующих. Автор статьи отмечает, что пресвитер Горетой положительно влиял на единоверцев в смысле соблюдения законов и лояльности к властям. Стремление членов общины выехать из Советского Союза Закиев объясняет таким образом: Горетой попал под влияние антиобщественных элементов, действующих по указке западных спецслужб. Он "запугивает верующих несуществующими гонениями со стороны властей и провоцирует их к эмиграции". От одних членов общины он получил заявления о выезде обманным путем, другие — кучка отщепенцев.

В статье упомянута и поездка Л. Вороиной в Старотитаровскую (Хр. 44). Она, пишет Закиев, была послана по указке и на деньги западных покровителей, "кликучествовала и провоцировала верующих на выезд". В ее задачу входил "сбор тенденциозных материалов, дабы "заграничные друзья" смогли сорвать Белградское совещание".

* * *

Старшие дети Горетого и другие пятидесятники из Старотитаровской направили в газету "Советская Кубань" письма-опровержения. Они обвиняют Закиева в клевете и напоминают, что чуть ли не в каждой семье пятидесятников кто-то сидел или погиб за веру. Верующие упрекают автора статьи за то, что он умолчал о некоторых моментах биографии Горетого: вернувшись с фронта, Горетой преподавал рисование в школе, но был лишен этой работы, как верующий; впоследствии он постоянно был вынужден переходить с одной работы на другую по той же причине; в 60-е годы Горетой отбыл 6 лет в лагере и ссылке за то, что добивался свободных собраний секты.

Семья Боборыкиных пишет, что такие публикации сеют вражду между верующими и неверующими гражданами.

... Не нужно забывать, что насилием, враждой и ложью не создались царства, а разрушались, какие бы они ни были сильные.

27 июля в Старотитаровской состоялся сход жителей станицы для обсуждения "антиобщественной деятельности группы пятидесятников".

Накануне председатель сельсовета Кириченко вызвал Н. Горетого, дьякона Н.Г. Боборыкина и Ф. Сиденко. В сельсовете им сказали, что на сходе будет обсуждаться статья в газете "Советская Кубань" и верующим дадут возможность выступить по этому поводу. Кириченко просил, чтобы все члены общины пятидесятников явились на сход.

27-го в Старотитаровскую привезли на автобусах комсомольцев и дружинников из других станиц и городов, из Краснодара прибыло начальство. Играла музыка, громкоговорители зазывали станичников на сход в кинотеатр "Юбилейный".

Председательствовал на сходе парторг совхоза им. Ильича Кулик. Предметом обсуждения было желание пятидесятников эмигрировать. Заранее подготовленные ораторы называли верующих изменниками, отщепенцами. Особым нападкам подвергались Горетой, Боборыкин и Сиденко. Их обвиняли в том, что они действуют заодно с Сахаровым, Гинзбургом и Орловым – врагами социалистического строя. Из толпы приезжих кричали: "Посадить их в тюрьму! Повесить! Подонки, расстрелять их надо!" Никому из пятидесятников выступить не позволили. Это вызвало возмущение жителей станицы.

Во время съезда приезжие ввели магнитофонную запись и киносъемку. Верующие тоже пытались зафиксировать события – они принесли с собой 2 магнитофона и фотоаппарат. Один магнитофон вырвал и разбил начальник ГБ Темрюкского и Анапского районов. Милиционер Бутенко, отнимая микрофон у пятидесятницы Галушкиной, едва не повредил ей руку шнуром. В ответ на это пятидесятники встали, собираясь покинуть зал, но председательствующий приказал милиции задержать всех и вернуть на места. Горетому пригрозили немедленным арестом, если он попытается уйти. Милиция и штатские силой усадили всех на место. Некоторым выкручивали руки. Таким образом, верующие были вынуждены досидеть до конца собрания, продолжавшегося еще три часа.

Второй магнитофон и фотоаппарат были у Ильи Горетого и Александра Бибикова. Их отвели в отделение милиции и сказали, что фотографировать и делать магнитофонные записи верующим запрещается, т.к. все это может попасть за границу.

Сход вынес решение предупредить пятидесятников, что они будут привлечены к уголовной ответственности, если не прекратят антисоветскую деятельность.

* * *

Пятидесятница Ирина Яковлевна Матяш в письме на имя Л.И. Брежневой описала, как проходил сход и просила выслать комиссию, чтобы расследовать действия сотрудников КГБ и райкома, организовавших это мероприятие. Кроме того, в письме опровергается статья Закиева в "Советской Кубани".

Из Москвы письмо переслали Темрюкским районным властям "разобраться на месте". 17 августа секретарь райкома Радионова и секре-

тарь райисполкома Кулиш приехали в Старотитаровскую, чтобы побеседовать с Матяш по поводу ее жалобы.

Возражения Матяш против статьи Закиева выслушали молча. О сходе Радионова несколько раз повторила, что они хотели лишь показать верующим лицо их руководителей. Кулиш спросил, почему члены общины не выступили на сходе в защиту Горетого и других. Матяш напомнила ему, что он сам сидел в президиуме, куда верующие посылали записки с просьбой дать им слово.

Радионова уговаривала Матяш отказаться от эмиграции, спрашивала, что заставило ее принять такое решение. "Ведь сейчас зарегистрированные общины пятидесятников никто не притесняет". Матяш объяснила, что у нее 10 детей и она не может спокойно воспитывать их в религиозном духе, как могла бы делать это за границей.

* * *

32 члена общины обратились с открытым письмом к Комитету по правам человека при ООН, Всемирному Совету Церквей и делегатам Белградской конференции.

В письме подробно описана обстановка, в которой проходил станичный сход. Авторы просят "всех гуманистов и интеллектуалов мира" выступить в защиту Горетого, Боборыкина и Сиденко, которым угрожает уголовное преследование. Письмо кончается словами: "Помогите нам выехать".

Некоторые члены общины обратились в те же адреса с индивидуальными письмами.

* * *

В конце июля милиция угрожала Горетому возбуждением дела о тунеядстве.

В конце сентября – начале октября власти предложили Н. Горетому выехать из Советского Союза. Он согласился при условии, что вместе с ним выпустят всех членов его семьи.

* * *

В октябре в Старотитаровской было установлено круглосуточное дежурство милиции и дружинников на автобусах и машинах возле домов верующих, некоторых пятидесятников по станице сопровождала машина.

* * *

Ст. Ленинградская. 5 сентября здесь состоялся станичный сход. Темой его была "антиобщественная деятельность Мельничука и Кравца", подавших заявления об эмиграции из СССР.

Самих Мельничука и Кравца на сход не пригласили. Из подавших заявления на выезд приглашение прислали только А. Жильцовой, которая в этот день дежурила на работе. Пятидесятники, не подавшие заявлений на выезд, были приглашены на сход. Кроме того, на сход доставили с работы рабочих и колхозников, которые не знали, куда их везут.

Мельничука и Кравца обвиняли в том, что они агитируют единоверцев за выезд из СССР. Учительница Пономарева и инженер Баканов назвали их в своих выступлениях "изменниками родины".

8 сентября районная газета "Степные зори" опубликовала статью "Сход осудил". В ней сообщается, что Мельничук и Кравец занимались подстрекательскими и провокационными действиями, сеяли эмиграционные настроения.

Группа пятидесятников станицы Ленинградская составила опровержение на эту статью. Они пишут, что решили выехать из СССР, когда узнали, что это возможно согласно международным обязательствам, подписанным Советским Союзом.

...и никто никого не убеждал: ни Мельничук, ни Кравец, ни "щупальца Горетого". Это сделано свободно и при полном согласии каждого.

Ровенская обл.

Ровно. Пятидесятнице Ольге Красун обещают, если она откажется от эмиграции, перевод на работу ближе к дому, повышение зарплаты, туристскую путевку в любую западную страну, поступление в институт.

Дубно. Старший пресвитер ВС ЕХБ Глуховский предлагал Николаю Кунице, если он откажется от эмиграции, руководство официальным союзом пятидесятников, высокий оклад, поездки на деньги союза в США и Канаду. Зам. начальника местной милиции Князь пригрозил Кунице, если он не откажется от выезда, расправой.

29 сентября в районной газете опубликована статья М. Иванчука "Плесень", обвиняющая Куницу в том, что он — тунядец, живет на денежное пособие за детей, построил дом на нетрудовые доходы, избивает свою мать.

* * *

5 октября Куница был арестован на железнодорожном вокзале. На другой день его привезли в Ровенское областное управление УВД. Оказалось, что причиной ареста послужило заявление человека, у которого пропал кошелек. Куница объявил сухую голодовку. Через 8 дней его освободили.

Перед ноябрьскими праздниками Куницу вызвали в местную прокуратуру. Старший следователь Котюк предупредил его, чтобы он до 9 ноября не выезжал из города и не выходил из дому: "Если Вас увидят на улице, то Вы получите не меньше 15 суток".

У Куницы отобраны паспорт и военный билет, без них он не может работать даже по договорам.

Прибалтика

Литва. 21 октября пятидесятники Литвы подали в республиканский ОВИР общее заявление о выезде из СССР. К заявлению приложен список желающих эмигрировать, составленный по республике.

27 октября семь представителей верующих пытались попасть на прием к зам. министра МВД Литвы генерал-майору Жигулису. Они записались на специальных бланках. Однако, как только работники приемной узнали, кто они и по какому делу пришли, эти бланки порвали. Когда все посетители были приняты, пятидесятников стали выгонять, говоря, что они мешают работать.

Жигулис пустил одного из семи на порог кабинета и говорил с ним, не закрывая двери. Он отказывался принимать верующих, называл их бандой, грозился вызвать милицию и, наконец, потребовал от них вызовы из-за границы. У одного из пришедших — Павловича — был вызов из Австралии (его дело рассматривается уже 2 года). Павловича приняли и обещали решить его вопрос. Остальных силой вывели из приемной и закрыли за ними дверь на ключ.

Латвия. 26 октября пятидесятники Латвии пытались попасть на прием в республиканский ОВИР. Их грубо выгнали из приемной. После этого они послали Брежневу телеграмму, в которой описали инцидент в ОВИРе и просили содействовать их выезду из СССР.

В Риге, добиваясь разрешения на выезд, с 21 ноября голодает Григорий Петренко ("Аресты, обыски, допросы" в Хр. 46).

Эстония. Пресвитер пятидесятников, живущих на территории Эстонии, Василий Горелкин в конце октября был вызван в районное УКГБ. С ним беседовал генерал-майор, председатель КГБ Эстонии. Он угрожал Горелкину арестом за письмо в Международный Красный Крест с просьбой помочь выехать из Советского Союза в любую некоммунистическую страну.

Вокруг дома Горелкина в Тапе выставлены посты милиции.

В Нарве и Тапе власти к началу Белградского совещания пытались собрать у пятидесятников, желающих выехать, паспорта и военные билеты — якобы для оформления документов на выезд, однако пятидесятники паспорта не отдали. Тогда их предупредили, чтобы никто никуда из города не выезжал.

* * *

В Батуми аналогичный номер у властей прошел успешно. В результате пятидесятники Батуми не могут выехать из города.

* * *

Семья пятидесятника Шевченко из Черногорска (Красноярский край) добивается выезда за границу уже 15 лет. Ранее Шевченко и его жена Калинина были осуждены за веру, их лишили родительских прав на нескольких детей (всего в семье 10 детей). Шевченко перевели на низкооплачиваемую работу и лишили пенсии, которую он получал как инвалид войны.

Теперь супруги Шевченко имеют вызов из США и просят вернуть им детей и выпустить их из Советского Союза.

* * *

Добивающиеся выезда из СССР общины пятидесятников через Лидию Воронину (Хр. 44) обратились к Александре Львовне Толстой с просьбой предоставить им из "Толстовского фонда" денежный заем для оплаты виз и дороги. Толстая сообщила, что все не имеющие средств верующие могут воспользоваться деньгами фонда и некоторых церковных общин.

Христианки-пятидесятницы в открытом письме благодарят А.Л. Толстую. Они пишут:

... Наши семьи полны крепких молодых сыновей и дочерей, которые, работая на новых местах жительства, по милости Божей, не в затяжные сроки компенсируют Ваш временный убыток с законной процентностью и сердечной благодарностью за столь щедрую и великодушную доброту, чтобы ею еще другие могли воспользоваться.

И далее:

... Но мы не знаем, как воспользоваться этими средствами от Вашего Фонда! Откуда и как их получить?

Женщины просят разъяснить им, в чье посольство или в какой банк СССР они могут обратиться за этими деньгами. Кроме того, они просят Александру Львовну походатайствовать перед советскими властями об упрощении процедуры оформления выезда для пятидесятников. Авторы письма надеются, что "почетная старость" А.Л. Толстой и "добрая память" о ее отце сыграют в этом деле свою роль.

Письмо подписали 19 многодетных матерей.

* * *

Г. Курту Вальдхайму, г. Джимми Картеру, сенату США, всем странам-участницам Белградской встречи, ВЦИ, Комитету по правам человека при ООН, т. Брежневу (20 сентября 1977 г.).

Пятидесятники просят помочь им добиться разрешения на выезд из СССР не ради них самих, но ради того, чтобы все, подписавшие международные документы о правах человека, могли доказать миру, что стремятся выполнять эти законы и соглашения.

В письме особо подчеркнута одна из причин эмиграции пятидесятников — деятельность тех пресвитеров, которые официально зарегистрированы при ВС ЕХБ. Авторы пишут, что, когда они отбывали сроки в тюрьмах и лагерях, эти люди публично утверждали, будто никого из пятидесятников нет в местах заключения.

... Эти пресвитеры приняли постановления, чтобы наши дети не молились, а вступали в безбожники, чтобы мы не творили милостыни брат брату.

Далее описывается, как сейчас власти используют пресвитеров, состоящих во ВС ЕХБ, чтобы уговорить пятидесятников отказаться от эмиграции.

По поручению более 10 тысяч пятидесятников, подавших на эмиграцию, письмо подписали: Горетой – Краснодарский край, Литвин – Латвийская ССР, Шилюк – г. Ровно, Кирияк – Черновицкая обл., Смушко – г. Вильнюс, Куница – г. Дубно, Горелкин – Эстонская ССР, Павлович – Литовская ССР, Трачук – г. Кременец, Сумборский – Львовская обл., Ткаченко – г. Днепропетровск.

Уехали

Калужская обл. В августе Валентин Иванов (Хр. 46) покинул СССР.

Донецкая обл. В сентябре Виктор Боровский (Хр. 46) уехал из СССР.

Киев. В сентябре семья Чудновских (Хр. 46) выехала из СССР.

Москва. В начале сентября покинули СССР члены семьи А.Д. Сахарова Ефрем Янкелевич (Хр. 41, 44) и его жена Татьяна Семенова (Хр. 44). Их математические рукописи им вывезти не разрешили. Получив в Риме свои вещи, Т. Семенова обнаружила, что содержимое одного из чемоданов залепано несмываемой краской.

В тот же день выехала из СССР на лечение жена А.Д. Сахарова Е.Г. Боннэр. Советские власти дали ей выездную визу на два месяца – до 5 ноября. Поскольку к 5 ноября лечение не закончилось, Е.Г. Боннэр и врач, который делал ей операцию, ходатайствовали перед советскими властями о продлении визы на два месяца, однако визу продлили только на две недели. 23 ноября Е.Г. Боннэр вернулась в СССР.

В конце сентября уехал из СССР Александр Слепак, старший сын одного из активистов Движения евреев за выезд, давнего отказника, члена Московской группы "Хельсинки" Владимира Слепака.

* * *

14 октября СССР покинули председатель советской секции "Международной Амнистии" Валентин Турчин, Кронид Любарский и его жена Галина Салова, Борис Вайль (Хр. 16, 35).

4 октября Турчина вызвали на допрос по делу А. Гинзбурга. Среди прочих ему задали вопрос: "Кто подал Гинзбургу идею устроиться на работу к Сахарову?" (перед арестом А. Гинзбург работал секретарем А.Д. Сахарова). В ответ на недоумение, которое этот вопрос вызвал у Турчина, ему пояснили: "Есть предположение, что это Солженицын устроил своего человека к Сахарову, чтобы расширить сферу своего влияния". Турчин отказался отвечать на вопросы. После допроса его отправили в ОВИР, где ему выдали визу на выезд сроком до 15 октября.

26 августа Любарского вызвали в Калугу на допрос по делу А. Гинзбурга. В середине допроса следователь Владимир Сергеевич Гайдельцов

сказал Любарскому, что после допроса ему следует пойти в ОВИР. При этом он сказал, что, как ему известно, Любарский ходатайствует о выезде в США. "США – слишком шикарная страна, – заметил он. – Израиль – несколько менее шикарная. Остальное Вам разъяснят в ОВИРе". Начальник Калужского ОВИРа капитан В.Э. Арро, узнав, что у Любарского есть вызов из Израиля и что он согласен оформлять свой отъезд, как выезд в Израиль, сказал, что это "меняет дело". 29 августа Любарский привез в Калугу израильский вызов и в тот же день получил разрешение на выезд. Ему было предложено срочно выкупить визы. 31 августа к Любарскому явился лейтенант Белов (Хр. 46) и сказал, что, если он к 1 сентября не трудоустроится, против него будет возбуждено уголовное дело о тунеядстве. Любарский обратился к тарусскому прокурору Сапронову с заявлением, что он не может сдавать одновременно трудовую книжку в ОВИР и трудоустроиваться. Прокурор отказался дать заверения, что уголовное дело не будет возбуждено, но посоветовал поскорее оформлять выездные документы. 12 сентября, когда Любарские приехали в Калугу за визами, Салову, прежде чем выдать ей визу, допросили по делу Гинзбурга, но она отказалась отвечать на вопросы. 12 сентября Любарские получили выездные визы сроком до 12 октября. В тот же день с Любарского сняли надзор. С 12 сентября милиция перестала являться и к Строчатовой (Хр. 46). В Черноголовке (Ногинский район Московской области) к Любарскому явился участковый и сказал, что, если ему нужна будет какая-нибудь помощь, ему надо позвонить по такому-то московскому телефону и спросить Виктора Николаевича – ему помогут. Впоследствии "Виктор Николаевич" помог при продлении (на 2 дня) визы и ускорил таможенный досмотр в Шереметьевском аэропорту. В Московской таможне на Комсомольской площади Любарского досмотрели вне очереди. Грузчик, который предварительно договорился с Любарским об "обычной" мзде, в день досмотра старательно избегал контактов с ним. У еврея, которого досматривали в один день с Любарским, грузчики тоже не взяли условленных денег: "Сегодня – нельзя, сегодня тут чекистов полно".

7 сентября Вайля срочной телефонограммой вызвали в Смоленский ОВИР, хотя у него еще не были собраны все необходимые документы, сказали: "Время поджимает!" и приняли документы в неполном составе. Ему тут же сказали, что ответ – разрешено ему или нет – ему будет дан 15.9, но до 22.9 он должен выкупить визы.

По прибытии в Вену Турчин и Любарский обнаружили пропажу из багажа магнитофона, фотоаппаратов, пишущей машинки и других вещей. Представитель Аэрофлота в Вене сказал им: "Можете жаловаться куда угодно. Видали мы таких!"

После отъезда Турчина руководителем советской секции "Международной Амнистии" стал писатель Георгий Владимов (Хр. 46 и раздел "Письма и заявления" в наст. выпуске).

6 ноября СССР покинули Татьяна Ходорович, Марк Поповский, Д.И. Каминская и ее муж К.М. Симес (Хр. 43).

Т.С. Ходорович – один из двух оставшихся в СССР и на свободе членов Инициативной группы защиты прав человека в СССР. В феврале 1977 г. после ареста А. Гинзбурга Т. Ходорович, вместе с К. Любарским и М. Ландой, стала его преемником по Фонду помощи политзаключенным (Хр. 44, 46). 14 октября Т. Ходорович вызвали в приемную КГБ при СМ СССР, где Булат Базербиевич Каратаев (Хр. 45) сказал ей, что, если она немедленно не уедет из СССР, против нее будет возбуждено уголовное дело. 18 октября Т. Ходорович опубликовала заявление:

Я хочу жить по совести

Я не боюсь ни обысков, ни допросов. Я не боюсь ни тюрем, ни лагерей. Я не боюсь изощреннейших издевательств над человеческой сущностью, практикующихся ныне в моей стране.

Желание покинуть СССР возникло у меня до и независимо от предложения властей.

Я не могу и не хочу соблюдать Конституцию, которая декретирует идеологию, то есть покушается на свободу Духа.

Не соблюдая Закон, я вхожу в противоречие не только с государством, с властями, но и с обществом, принявшим этот Закон. Это неизбежно.

Не разделяя коммунистическую идеологию советского общества, я считаю своим долгом открыто заявлять это.

Закон запрещает.

Я отказываюсь строить атеистическое общество, ибо я верующая.

Закон обязывает.

Я, мать четверых детей, хочу воспитывать внуков своих в Вере, Любви и Справедливости.

Закон повелевает воспитывать их в духе коммунистической идеологии.

Я, распорядитель Русского Общественного Фонда помощи политзаключенным в СССР, хочу открыто помогать узникам совести и их семьям.

Закон запрещает мне это делать.

Я хочу жить по Высшему Закону, Закону моей совести.

Закон лишает меня этого права.

На моих глазах рушится культура.

Закон способствует этому. Я бессильна остановить это крушение, не нарушая Закона.

По закону я не имею права критиковать суть советского искусства – пронизывающую его идеологию, несущую в него фальшь и лицемерие.

Я бессильна даже защищать достойных людей от жестоких репрессий, ибо в своей защите не только не могу опереться на Закон, но должна идти против него.

Но я человек. Закон общества, в котором я живу, должен быть для меня священен. Я хочу уважать и соблюдать Закон. Но здесь это невозможно.

Я отказываюсь жить в государстве, Конституцию которого отвергаю.

Мне 56 лет. Я устала от борьбы. Я устала от лжи. Мне жаль моих детей.

Я принимаю предложение советских властей покинуть Советский Союз.

Я обращаюсь с просьбой к американскому народу и его Президенту Джимми Картеру разрешить мне жить в Америке. Я обязуюсь соблюдать Конституцию США.

После отъезда К. Любарского и Т. Ходорович (М. Ланда – в ссылке, см. Хр. 46) распорядителями Фонда помощи политзаключенным стали жена А. Гинзбурга Ирина Жолковская и брат Т. Ходорович Сергей Ходорович. В своем заявлении от 6 ноября они написали:

...

Сегодня мы принимаем на себя обязанность Распорядителей Фонда. Мы будем продолжать дело помощи узникам совести в духе установившихся традиций гуманности и человеколюбия.

Одно из последних сообщений агентства "Марк Поповский – пресс" (Хр. 46) – "Когда муза – собственность государства..." (19 сентября). В нем рассказывается, что Марк Поповский, несмотря на все старания, так и не сумел выяснить, имеется ли в нашей стране правовая процедура, регулирующая для писателей вывоз собственных рукописей. В итоге таможня Шереметьевского аэропорта не разрешила Поповскому вывезти его архив, и он был вынужден уехать без него.

Адвокат Каминская (Хр. 46) в свое время защищала Ю. Галанскова, В. Буковского, А. Марченко, П. Литвинова, И. Габая.

* * *

В ноябре из СССР уехало несколько многолетних евреев-отказников: москвичи Ф. Кандель (литературный псевдоним – Ф. Камов) – писатель-юморист, киносценарист, один из авторов мультфильма "Ну, погоди!", редактор самиздатского еврейского журнала "Горбут" и В. Лазарис – юрист, редактор самиздатского журнала "Евреи в СССР"; рижане Я. Гордин, В. Каминский, Л. Фрумкин; ленинградец Розен, жители Кишинева С. Абрамович и Ю. Шехтман.

* * *

30 ноября в Нью Йорк вылетели П.Г. Григоренко и его жена З.М. Григоренко. Выехали они в США по гостевому вызову от сына Андрея (Хр. 37). Это едва ли не беспрецедентный случай, когда советские власти

пускают человека в гости по вызову от лица, уехавшего на постоянное жительство в Израиль и проживающего не в Израиле.

11 ноября супруги Григоренко сделали заявление для печати:

10-го ноября 1977 года наша семья, т.е. я, моя жена и сын Олег, получила визы на 6 месяцев для частной поездки в США. Визы выданы на основании приглашения нашего сына Андрея, проживающего в Нью Йорке. ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ – свидание с сыном и операция у меня по поводу аденомы простаты.

...

Нас, далее, спрашивают, рассчитываем ли мы вернуться в Советский Союз. Этот вопрос имеет явно двойной смысл. Так я на него и отвечаю. Если под этим подразумевается, не думаем ли мы остаться в США, то мы все трое отвечаем твердым – НЕТ! Если же задавших вопрос интересует, не лишат ли нас гражданства, то здесь мы можем высказать лишь свои соображения. Не скроем – этот вопрос нас тоже волнует и мы обсуждали его с нашими друзьями, в т.ч. с А.Д. Сахаровым. Все мы пришли к выводу, что если нам дали визы, то не для того, чтобы превратить их в инструмент репрессий. Репрессивных средств у правительства и без того много. Поэтому мы склонны расценивать данное нам разрешение как акт гуманизма и надеемся, что после благополучной операции мы благополучно вернемся домой.

ЕВРЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

21 сентября Игорь и Янелла Гудзь были приняты начальником приемной МВД СССР полковником Даниловым. Они пытались выяснить, почему им отказано в визе на выезд. Данилов сказал им: "... Вопрос выезда в Израиль нам чужд. Мы находимся по разные стороны баррикад. ... Причины и срок отказа в выезде мы вам называть не собираемся. У нас существуют секретные законы и инструкции, которыми мы руководствуемся".

Супруги Гудзь по этому же вопросу были на приеме у заместителя начальника Московского ОВИРа подполковника Золотухина. Он сказал: "Причина отказа вам никогда не будет известна. ... Ни один еврей, который был в моем кабинете, не был еще доволен. Это является отличительной чертой вашей нации".

* * *

Леонид Слепак, младший сын Владимира Слепака, ушел из института, опасаясь, что занятия военной подготовкой дадут ему "секретность". В октябре он получил повестку в военкомат. 19 октября он послал министру обороны заявление, в котором написал, что, являясь гражданином Израиля (правительство Израиля давно дало членам семьи Слепаков из-

раильское гражданство), он не считает для себя возможным служить в Советской армии.

* * *

Москва. 2 ноября 1977 г. у себя в доме был арестован Валерий Сорин (25 лет). Постановления об аресте ему не предъявили. Сорина посадили в КПЗ 51 о/м, 5 ноября его перевели в следственный изолятор МВД на ул. Матросская Тишина. Дознание по его делу ведет ст. лейтенант С.Я. Кныш – сотрудник 125 о/м. По-видимому, Сорин обвиняется в "ведении в течение длительного времени паразитического образа жизни" (ст. 209 УК РСФСР).

В августе прошлого года Сорин уволился с работы и подал документы на выезд в Израиль. Через полгода – отказ из-за службы в армии. (Служивший с ним вместе Борис Мендель выехал в Израиль через три месяца после демобилизации.)

В марте 1977 г., получив два предупреждения по ст. 209, Сорин устроился на работу. 10 октября он был уволен за прогул во время домашнего ареста с 3 по 10 октября. (О домашних арестах московских отказников см. ниже.)

* * *

29 сентября после нескольких предупреждений по ст. 209 УК РСФСР органами милиции был задержан Э.М. Аксельрод. Три дня его продержали в КПЗ; затем, взяв подписку о невыезде, отпустили. В течение месяца Аксельрод безуспешно пытался устроиться по специальности (врач-психиатр, кандидат медицинских наук). В конце концов он пошел работать почтальоном. Сейчас дело Аксельрода вернулось из прокуратуры в милицию на следствие.

* * *

В конце сентября предупреждения по ст. 209 УК РСФСР получили П. Абрамович, В. Лазарис и Шахновский. Абрамович и Шахновский вскоре устроились на службу. Лазариса 31 октября задержали; он провел в милиции три часа, пока там не убедились, что ему уже разрешен выезд (см. "Уехали" в разделе "Право на выезд").

* * *

Киев. Летом этого года у американского туриста Гринберга на таможене Шереметьевского аэропорта (Москва) отобрали статью по ядерной физике ("Известия", 11 июня), автором которой является киевский отказник Владимир Кислик (Хр. 45). Киевский институт ядерной физики, где работал Кислик, в свое время дал разрешение на открытую публикацию этой статьи. Теперь институт на запрос следственных органов ответил, что в статье содержатся сведения, не подлежащие разглашению.

Спустя некоторое время Кислик собрался поехать в Москву. Его задержали возле поезда и доставили домой на обыск. Была изъята работа Кислика "Положения об эмиграции евреев из СССР".

На В. Кислика заведено уголовное дело по двум статьям – "Разглашение государственной тайны" и "Распространение заведомо ложных измышлений...". Его регулярно допрашивают в Киевской городской прокуратуре.

27 сентября газета "Вечерний Киев" несколько раз упомянула Кислика в статье о сионистах под названием "Кухня антисоветчины".

* * *

Харьков. Здесь насчитывается свыше 20 семей отказников. В 1977 г. они организовали семинар по еврейской культуре.

1 ноября один из активных участников семинара Александр Парицкий был приглашен в Харьковский ОВИР якобы для решения вопроса о выезде. Там Парицкого дождался работник КГБ Г.Г. Мандрик, который отвез его в Харьковское УКГБ и провел с ним "беседу". Мандрик сказал, что семинар харьковских отказников и другие их совместные действия дают повод недругам СССР лить грязь на Советский Союз. В качестве примера он назвал посещение иностранцами квартиры Парицкого и возложение группой отказников венков на место захоронения евреев, расстрелянных в 1943 г. фашистами.

В заключение беседы Парицкому было предложено прекратить участие в работе семинара.

* * *

29 сентября – годовщина массовых расстрелов в Бабьем Яре. По этому поводу 44 еврея, ожидающие разрешения на выезд из СССР, обратились с письмом в Верховный Совет. Они выразили надежду, что в этом году власти не помешают им почтить память жертв Бабьего Яра.

26 сентября пятеро киевлян: Цинверблит, Хариб, Лебедь, Герцберг и Мизрухина пришли в горсовет с просьбой разрешить им 29-го провести в Бабьем Яре траурную церемонию – чтение поминальных молитв и возложение венков с надписями на еврейском языке. Работники горисполкома В.Х. Дегтярь и С. Зименко отказались дать им разрешение. Они заявили, что венки возложить можно, но слова "еврей" на лентах быть не должно. Ходатаи написали жалобу в ЦК партии Украины и киевский горсовет. Они написали, что в знак протеста объявляют 29-го однодневную голодовку.

Шестерых московских активистов Движения за выезд евреев (среди них – В. Слепак, М. Кремень, Елистратов) в 19 часов 28 сентября задержали на Киевском вокзале Москвы и продержали в милиции до 3 часов 29 сентября, не дав им уехать в Киев. Б. Чернобыльского задержали при выходе из дома и продержали в милиции.

29 сентября в Киеве Цинверблита вызвали в МВД на беседу по поводу его трудоустройства и продержали там до 8 часов вечера, Лебедя вызвали в прокуратуру, Пресмана – в ОВИР; Паргаманика забрали на улице, отвезли в КГБ и продержали на допросе по делу Щаранского до вечера.

За несколько дней до 29 сентября киевлянина Эльберта арестовали в аэропорту, когда он собирался выехать в Москву, и дали ему 10 суток "за хулиганство". Его жене, когда она пыталась выяснить, где ее муж, ничего не сказали.

В этом году в Бабьем Яре 29 сентября официального траурного митин-

га не было; лишь от нескольких организаций к подножию памятника возложили венки.

* * *

26 сентября московские евреи-отказники снова (Хр. 43) обратились с письмом в Президиум Верховного Совета СССР. Как и раньше, они требуют, чтобы пересмотр решения о выезде происходил с участием отказника и чтобы сообщались "законно обоснованные" причины и сроки отказа. На этот раз письмо адресовано Л.И. Брежневу, как Председателю ПВС. Под письмом 53 подписи.

Никакого ответа на это письмо не последовало.

3 октября часть евреев, подписавших письмо, намеревалась собраться в приемной Президиума, чтобы подать жалобу на имя Брежнева. Попасть в приемную не удалось никому. Большинство было задержано дома или возле дома. Им приказали вернуться в свои квартиры и оставаться там. Лишь четверых взяли на подступах к приемной. Их доставили в вытрезвитель. Это Д. Бейлина, С. Индицкий, Б. Чернобыльский и Д. Щиглик. Чернобыльского при задержании избили.

В вытрезвителе 65-летнему Индицкому стало плохо с сердцем, начался тяжелый приступ гипертонии. Врача не вызвали, несмотря на требования Индицкого и протесты других задержанных.

Дмитрия Щиглика привязали полотенцами к железной койке.

Под дверью Бейлиной завели громкую беседу. Говорилось, например: "Титлер вас не добил — нам оставил возиться". Замолчали они только, когда Бейлина выбила кормушку и пригрозила выломать дверь.

Весь день задержанным не давали есть.

Вечером Бейлину, Индицкого и Щиглика милиция проконвоировала до дома. Чернобыльскому же дали 15 суток "за нарушение общественного порядка".

Так начался домашний арест 28 семей отказников. Конвой охранял эти семьи с 3 по 10 октября с перерывом на субботу, воскресенье и праздник Симхат-Тора (вечером 5-го).

4 октября А. Сахаров, П. Григоренко и Н. Мейман обратились к участникам Белградского совещания с призывом обратить внимание на это беззаконие.

В те же дни женщины из семей евреев-отказников написали заявление на имя Л.И. Брежнева. Они рассказали о тяжелом положении своих семей: причины отказа и сроки выезда неизвестны, сами они и их мужья практически лишены возможности работать. Женщины просили Брежнева принять их лично и разобраться в "создавшемся противозаконном положении в вопросе об эмиграции". Под письмом подписались 16 отказниц из Москвы — Хана Елинсон, Дина Бейлина, Янелла Гудз, Елена Сейдель, Фаина Коган, Ида Нудель, Наталья Хасина, Лидия Лихтерова, Лариса Виленская, Наталья Розенштейн, Елена Дубянская, Ирина Гильденгорн, Евгения Непомнящая, Гитагения Рецкер, Галина Шмелева-Цитовская, Батшева Елистратова.

Утром 6 октября они собирались пойти в приемную ПВС и подать свое заявление. Однако уже с вечера 5 октября лица в штатском и милиция не

выпускали их из квартир. 6, 7 и 10 октября всех их продержали под домашним арестом. Иде Нудель 3 дня не давали выйти в магазин и не пропускали к ней соседа с продуктами.

Наталье Хасиной сперва не разрешали гулять с грудным ребенком, потом выпустили, но ее и коляску с младенцем сопровождал конвой.

Елена Сейдель 10-го утром пошла с дочерью в поликлинику. Ей приказали вернуться домой, она отказалась – применили силу.

Галину Цитовскую провозжали в поликлинику милиционер и штатские. В квартиру к Цитовским не пустили детей, приглашенных на день рождения их одиннадцатилетней дочери.

Те же авторы описали эти события в жалобе на имя Брежнева. Она кончается словами:

Несмотря на все происшедшее, мы не оставляем надежду попасть к вам на прием.

* * *

От предыдущих случаев домашнего ареста отказников этот отличается участием милиции (раньше были только штатские). Конвой был многочисленным – милиция и штатские толпились в подъездах и на лестницах возле дверей задержанных. (Советское законодательство не предусматривает такой меры пресечения как домашний арест.)

* * *

См. также раздел "Письма и заявления".

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Владимирская тюрьма

20 августа, по окончании 3-летнего тюремного срока, полученного в 36 пермском лагере, на этап отправлены Витольд Абанькин (его 12-летний срок кончается в августе 1978 г.) и Алексей Сафронов.

На обыске перед этапом у них изъяли адреса (вырвали из записных книжек) и фотографии товарищей по заключению, поздравительные открытки, книги с дарственными надписями товарищей и на иностранных языках. Остальные книги изуродованы, покорежены при вскрывании обложек, стерты до дыр надписи "Владимир". У Сафронова изъяты также тетради с личными записями, у Абанькина – вырезки из газет и журналов, 4 тетради с выписками из книг ("тенденционными", согласно акту), 5 тетрадей с сочиненными им фантастическими рассказами ("тенденционными" или "антисоветскими").

Перед отправкой из тюрьмы оба были в больнице. У Сафронова – анемия. У Абанькина – большие печень и почки, опухают ноги. За 3 года он отбыл 205 суток карцера.

* * *

21 сентября окончился пятилетний тюремно-лагерный срок у Георгия Давыдова (Хр. 29). Для отбывания двухлетней ссылки он этапирован в Иркутскую область.

22 октября его расконвоировали в пос. Тулун. 20 ноября его поставили там под надзор. Конец его ссылки — в июне 1979 г. Его адрес: Тулун 4, Приречная ул. 17а.

* * *

26 августа Владимира Балахонова лишили очередного свидания. Впрочем, на свидания к нему никто не ездит (жена развелась с ним, дочери — 10 лет, отец, брат и сестра ездить не хотят; мать умерла в 1972 г.).

* * *

В ноябре Габриэль Суперфин получил 15 суток карцера.

* * *

19 июня 1976 г. азербайджанцу Зеамалову (бытовик) запретили свидание только потому, что он разговаривал с приехавшими к нему родственниками на родном языке. Год спустя в ответ на его жалобы сотрудник КГБ сказал ему в личной беседе, что в действиях администрации ничего незаконного не было.

Мордовские лагеря

1 лагерь (особый режим)

В октябре-ноябре сюда прибыл Алексей Иванович Тихий (Хр. 46). Верховный суд УССР, рассмотрев 15 сентября в кассационном порядке дело Тихого и Руденко, оставил приговор в силе. Срок Тихого, 10 лет ИТК особого режима и 5 лет ссылки, исчисляется с 4 (а не с 5, как в Хр. 44) февраля 1977 г.

* * *

В лагере сейчас 39 человек, 12 из них — военные преступники, 13 — уголовники, получившие политическую статью в лагере.

* * *

За последние три года в лагере умерло 6 заключенных моложе 50 лет: Волобуев — в 23 года от туберкулеза, Пехарев — в 33 года от прободения язвы желудка, Васильев — в 42 года от сердечного приступа, Сафронов — в 47 лет от туберкулеза, Цветков — в 48 лет от туберкулеза, Будаев — заболев туберкулезом, повесился.

Обстоятельства смерти Пехарева были такими. Он часто жаловался на боли в желудке, иногда его отправляли в больницу, но возвращали, не проведя тщательного обследования. Однажды во время работы он не смог стоять и выполз во дворик. Заключенные потребовали, чтобы ему была оказана помощь, но фельдшер Надюшкин заявил, что Пехарев "ко-

сит” (притворяется). Только когда Пехарев уже позеленел, фельдшер сделал ему укол, да и то такой, который не мог помочь ему при его болезни. Пехареву становилось все хуже, и вечером его все-таки отправили на дрезине в больницу – в наручниках. Умер он в дороге или в больнице, точно неизвестно. Работники КГБ распространяли слухи, что Пехареву сделали операцию, после которой он сам разорвал швы и съел бачок каши. На смерть Пехарева свыше 20 заключенных ответили голодовкой, потребовав устранения причин высокой смертности.

В апреле 1977 г., после смерти в больнице Волобуева, заключенные (кроме “полицаев”) также объявили голодовку, проведя ее 17 апреля – в день коммунистического субботника. В заявлениях, адресованных администрации лагеря, в Прокуратуру, в Президиум Верховного Совета, указывалось на тяжелые условия содержания, плохое питание и медицинское обслуживание, произвол администрации, содержание в камерах туберкулезных больных совместно с другими заключенными, отсутствие в лагере санизолятора. Многие в своих заявлениях потребовали признания статуса политзаключенных.

* * *

1 мая 9 политзаключенных объявили новую голодовку с требованием не только улучшения условий содержания, но также и прекращения репрессий против тех, кто борется за свои права. На этот раз администрация провела “улучшение быта”: нач. лагеря Кропотов заменил хрипящий динамик, используемый при демонстрации фильмов (2 фильма в год по 3 раза каждый), нач. отряда принес в библиотеку 5 книг, в цехе поставили питьевой бак без замка.

В мае Э. Кузнецов объявил голодовку против лишения его свидания. Его требование поддержали другие политзаключенные. Свидание Кузнецов получил (Хр. 46).

В июне проводилась многодневная голодовка в связи с Белградским совещанием – требования коренного изменения отношения к политзаключенным.

В октябре Мурженко и Федоров были отправлены в больницу.

* * *

Святослав Караванский в августе должен был получить свидание, но его жене Н.А. Строкатовой, живущей в Тарусе под административным надзором, не дали разрешения на поездку в лагерь (Хр. 46). В начале сентября Караванский объявил голодовку. Сама Нина Антоновна, а также Сахаров, Любарский и В. Машкова, учитывая тяжелое физическое состояние Караванского, обратились к нему с просьбой снять голодовку. 14 октября он голодовку снял. Примерно в это же время представители властей обещали Строкатовой, что в середине ноября ее пустят на свидание. Обещание было выполнено.

* * *

4 октября, в день открытия Белградского совещания, 8 человек провели голодовку.

Летом этого года стало известно следующее заявление:

В последнее время на Мордовском Спецу (станция Потьма, п/о Сосновка) на общественных началах организован комитет в составе трех человек: священник Василий Романюк, Эдуард Кузнецов и долголетний политзаключенный Данило Шумук. В задачи Комитета входит содействовать улучшению дружеского климата между политзаключенными, интернационального единения, взаимоуважения и признания гуманитарных прав личности между заключенными всех идеологических направлений, осужденными за свои политические убеждения, и осуждение антисемитизма.

В последнее время Комитет вынес суровый выговор политзаключенным Валентину Морозу и Ивану Геля за поведение, недостойное статуса политзаключенного.

В частности, Мороз обвиняется в разжигании национальной вражды (особенно по отношению к русским и евреям), в неуважении взглядов своих товарищей по несчастью. Он не хочет подписывать никакие коллективные письма и заявления ни в советские, ни в зарубежные инстанции, не хочет принимать участия в коллективных голодовках. Кроме того, антисемитская позиция Мороза наводит тень на украинских диссидентов, которых в лагере большинство, и вообще наносит вред демократическому движению в целом, т.к. на Западе имя Мороза пользуется большой популярностью.

Иван Гель обвиняется в хулиганском поведении, в эгоизме, который он проявляет на каждом шагу. Им были избиты его же соотечественники: М. Осадчий, Д. Шумук, В. Романюк, С. Караванский, Б. Ребрик и другие. Кроме того, он обвиняется в антисемитизме и дружбе с уголовниками. Позиция Геля является очень удобной для лагерной администрации.

Комитет предупреждал заключенных Мороза и Геля о недостойном поведении, последние отвергли все замечания в их адрес. Поэтому Комитет требует заключенных Мороза и Геля предать всеобщему бойкотированию и неупоминанию их имен ни в Самиздате, ни в других материалах.

Комитет ходатайствует о том, чтобы Мороза перестали называть лучшим представителем украинского народа и инакомыслящей интеллигенции.

Все украинские политзаключенные, за исключением Геля, осудили действия Мороза.

"Хроника" сочла себя обязанной опубликовать это заявление, но, во всяком случае, не присоединяется к содержащемуся в нем призыву к бойкоту.

Примерно с сентября Гель и Мороз переведены в бригаду уголовников. Мороз по его просьбе переведен в одиночку. Столкновения и ссоры прекратились.

Т.С. Ходорович высказала мнение, что указанный конфликт является следствием надлома нравственных и физических сил узников в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

3 и 19 лагеря

В 100-дневной кампании (21 апреля – 29 июля) борьбы за статус политзаключенного (Хр. 45, 46) участвовали: Айрикян, Будулак-Шарыгин, Карпенюк, Маркосян, Осипов, Равиньш, Солдатов, Ушаков, Хейфец, Храмцов, Черновол, Шакиров, Юскевич. О ходе этой кампании и ответных репрессиях (сведения в Хр. 46 неполны и не совсем точны) сообщается в письме одного из ее участников:

21 апреля мы стали на статус политзаключенного: сорвали нашивки и не вышли на работу. Мы требовали политической амнистии, а пока ее нет – улучшения режима содержания в концлагерях. Начались угрозы. Высокие чины (полковники и подполковники) угрожали нам, в основном, новым сроком – за организацию лагерных беспорядков. Мы ответили, что производство работает (сперва стало на статус 5 человек в этой зоне, сейчас приблизительно 15), каждый действует сам по себе, т.е. нет "группы лиц" и т.д. Тогда начались репрессии. Лишили всего, что можно: права закупки продуктов, посылки, свидания, затем пошли карцеры. Ушаков – 5 суток, Осипов – 6, Шакиров – 7, Солдатов – 10, Хейфец – 12. Перед этим – обыск в зоне, забрали все бумаги без акта о конфискации, объявили: никаких бумаг, кроме копии приговоров.

Карцер – это сырое помещение с обвалившейся штукатуркой, которую забелили, когда нас посадили, с деревянными нарами на цепях. Днем нары запираются к стене. Крохотный столик с 2 или 4 пеньками диаметром 15-18 см, сидеть на них тяжело. Лежим на деревянном полу. Когда-то один из нынешних статусников – Будулак – голодал 18 суток, но добился пола из деревянных досок поверх цементного. Постели не выдают – кладем под голову тапочки, обернутые носовым платком. Кормят по пониженной норме, т.е. совершенно обезжиренным и незаправленным варевом и то через день. На другой день – хлеб и вода. Соль без ограничения. Запрещают читать. Из камер выводят лишь утром на полчаса – умыться и в уборную. Для дневных и ночных нужд – параша. Хлорной извести не хватает, в камере вонь. Из-за сырости в камере ночью холодно, даже в теплое время года. Полковник Новиков из управления:

– На что жалуетесь? – Холодно! – Протопим.

На следующий день в наручниках сняли теплое белье и дали трусы и майку Ушакову. Мол, переход на летнюю форму одежды. Раздели Осипова. В ответ Солдатов объявил голодовку, снял и майку. Слегка уступили – дали белье х/б. Очень холодно. Ночи здесь иногда по-осеннему холодные, и тогда раздетому и голодному штраф-

нику очень тяжело. Если повезет найти газету в туалете – обрачиваются ею под бельем, все теплее.

На голод и холод отвечаем предбелградской голодовкой по пустым дням. Хейфец провел 10, Солдатов и Ушаков – по 12 голодовок. У Черновола их более 20, но он и первый статусник. Когда мы пришли в ШИЗО, он уже был в ПКТ. (Камеры через коридор.) В голодовках мы протестовали против ухудшения питания – много ниже регламентированных минимальных норм. Против этапирования с уголовниками, когда политические становятся жертвами террора бандитов и убийц. Протестовали против национальной дискриминации – насильственной депортации с Родины, отсутствия условий национальной жизни. Против невозможности творческого труда, насильственных политзанятий; полубесплатного труда без отпусков; против запрещения заводить семью в лагере; против ограничения контактов с семьями (1 свидание в год), т.е. фактического разрушения семей и способствования моральному разложению личности; против тайного законодательства, когда нас наказывают за нарушение не известных заключенным тайных и служебных инструкций и приказов, которые неизмеримо утяжеляют действующее законодательство.

В ответ администрация решила конфисковать все заявления, в том числе закрытые прокурору, под предлогом употребления нами недопустимых выражений, таких, как "политзаключенный", "статус", "голодовка". С 24 апреля, когда конфисковали наши заявления соболезнования армянам по случаю геноцида в подгурецкой Армении в дореволюционные годы, добавилось слово "геноцид". Запрещено упоминание имени другого заключенного.

Несмотря на все эти тяготы, все веселы. Администрации это не нравится. – "На вас и ШИЗО не действует". Солдатов отвечает: "Мы сильнее ШИЗО".

Душой изолятора является Черновол. Переговоры запрещены, но он ежедневно читает нам последние известия. Начальник лагеря Пикулин назвал Черновола нашим генералом. Славко плохо выглядит – истощен голодом. Подекадно ведет счет предбелградской активности; на 20-е мая в ШИЗО и ПКТ отсиджено за 77 г. 570 суток (340 ШИЗО и 23⁰ ПКТ), проведено 135 предбелградских голодовок. Конфисковано 80 заявлений, всего в среднем каждый день сидело 4 человека.

Последнее яркое событие – спасение армянского патриота Маркосяна, получившего за первые 30 дней статуса 25 суток карцера. У него язва желудка, не может оправляться. Дважды его, полумертвого, почти уносили из карцера в санчасть, на клизму. Когда его привели в 4-й раз, Славко предложил и все поддержали – бессрочную голодовку, пока не помогут Маркосяну. До этого 3 дня не приходил врач. Легли в голодовку, пока не вытащат Маркосяна из

карцера. Власти цинично торгуются: уговорите его сойти со статуся, иначе на вашей совести будет его смерть. Написали протест с массовой голодовкой против преступления против человечности в день дарования новой конституции. Заставили отступить – Маркосяна перевели в санчасть. Осипова тут же, 24 мая, отправили в ПКТ на 6 месяцев, Черновол – в ШИЗО на 15 суток. Объявили, что будут изымать все заявления, подобные этим.

Мы бодры, нас поддерживает сочувствие зоны и ваша поддержка. Гебисты почти не появляются, но сперва очень сердились на утечку информации.

Хейфец сидел в карцере 12 суток (с 21 апреля до 2 мая), затем, после суточного перерыва, 13 суток (с 4 мая до 16 мая), потом, после десятидневного перерыва, 15 суток (с 26 мая до 10 июня).

26 мая Равиньш получил еще 8 суток карцера.

2 июня Солдатова посадили в карцер.

3 июня Маркосяна и Равиньша отправили в больницу.

Находясь в ПКТ, Осипов заболел. Был диагностирован туберкулез, но в больницу его отправили не сразу – только 29 июля (несмотря на уже обнаруженные симптомы туберкулеза, жене Осипова в ответ на ее запросы пришло письмо, где за подписью двух врачей 19 лагеря было сказано, что он здоров).

Однажды политзаключенные 19 лагеря, ссылаясь на случай с Осиповым, спросили лагерного сотрудника КГБ Бороду: "Когда прекратится преднамеренное разрушение здоровья политзаключенных?". Борода ответил: "Не надо было попадать в ПКТ".

Черновол также долго болел в ПКТ. 23 сентября он был переведен в больницу. И Черновол, и Осипов, в наказание за участие в "белградской" голодовке 4 октября, были отправлены из больницы обратно в зону: Черновол – 5 октября, Осипов – 12 октября.

* * *

14 августа политзаключенные-армяне держали голодовку с требованием легализации Национальной объединенной партии и проведения в Армении референдума о самоопределении под контролем ООН. Эту акцию поддержали 28 политзаключенных мордовских лагерей (известно, что в их числе были Ирина Стасив-Калинец, Семенюк, Хейфец, Ушаков, Черновол, а также Будулак-Шарыгин и Равиньш, попавшие после этого в ШИЗО).

22 августа Ирина Стасив-Калинец, Нийоле Садунайте и Паруйр Айриякян провели голодовку протеста против конфискации писем.

Айриякян в августе и сентябре лишали ларька. Сентябрьское лишение было отменено, когда он ответил на него объявлением забастовки.

12 сентября Равиньш получил 2 месяца ПКТ за невыполнение нормы, нарушение режима, клеветнические измышления.

В сентябре многие политзаключенные заявили письменный протест против двух особенно жестоких наказаний:

– 16 сентября была отправлена на 15 суток в ШИЗО Надежда Усова за отказ от принудительного труда по религиозным соображениям (она осуждена за "религию"). В это время она была больна, еще не выздоровев после болезни, полученной во время предыдущей отсидки.

– 19 сентября 14 суток ШИЗО получил за невыполнение нормы Петр Сартаков, страдающий несколькими хроническими заболеваниями (с 1973 г. Сартаков 524 суток отсидел в ШИЗО и ПКТ, многократно лишался ларька).

К. Диденко получил в сентябре 15 суток ШИЗО за попытку собрать радиоприемник.

* * *

4 октября, в день открытия Белградского совещания, свыше 15 человек держали голодовку протеста, среди них: Стасив-Калинец, Попович, Сеник (женская зона 3 лагеря), Будулак-Шарыгин, Равиныйш, Саранчук, Сартаков, Солдатов, Ушаков, Хейфец (19 лагерь), Осипов, Черновол (в больнице), Айрикян (3 лагерь). Кроме заявленных всеми протестов общего характера Айрикян выдвинул требование пустить его в Белград или предоставить встречу с иностранными корреспондентами здесь, в лагере.

Айрикяну назначили 15 суток ШИЗО, но поместили в санчасть 19 лагеря.

* * *

В октябре в 3 лагерь прибыл Владас Лапенис (см. "События в Литве").

* * *

Маркосяна увезли из больницы в Ереван.

Юскевич, Карпенюк, Шакиров в августе были отвезены в Саранск. Солдатов в июле-августе находился в Таллине (Хр. 46).

* * *

В июне врачи хотели отправить Нийоле Садунайте (Хр. 37) в больницу (у нее долго держалась повышенная температура), но администрация 3 лагеря отказалась это сделать.

В августе лагерный срок Н. Садунайте (3 года) кончился, и ее этапировали в ссылку (тоже 3 года) – в Красноярский край (пос. Богучаны). Этап продолжался 27 суток. В ссылке она работает уборщицей в школе.

Пермские лагеря

4 октября, в день открытия Белградской конференции, в 35 и 36 лагерях политзаключенные держали голодовку. Известно, что в 36 лагере голодовка продолжалась неделю, в ней участвовало около 15 человек.

30 октября – День политзаключенного – был отмечен однодневной голодовкой.

В наказание за участие в "белградской" голодовке А. Сергиенко был

лишен диетпитания и лечения фтивазином (см. ниже "В защиту политзаключенных").

* * *

В конце сентября Валерий Марченко и Иван Светличный находились в больнице (в 35 лагере).

* * *

В октябре Марченко возили в Киев. В КГБ его уговаривали выразить раскаяние, дали свидание с матерью, которая, боясь за его здоровье, присоединилась к этим уговорам. В письме к матери, написанном после свидания, В. Марченко пишет, что, как ни мучительно было ему видеть ее в слезах, он не может "ради биологического существования около матери пересечь себя духовно". Он пишет далее:

Учительница, ты же постоянно учила быть принципиальным, учила добродетелям, из которых состоит порядочный человек. ... У тебя был и будет сын, который, как никто, любит свою маму, которому эта любовь вместе с качествами, воспитанными этой любовью, помогла выдержать в труднейшие минуты, а также в борьбе добиться права называться человеком. В этом твоя заслуга. Она весит несравненно больше, чем уговоры-аргументы, которые ты несла на свидание.

(Цитируется в переводе с украинского.)

* * *

Пятрас Плумпа в сентябре переведен из 36 лагеря в 35-й.

* * *

В течение июля-сентября С. Ковалев отправил 6 писем. Лагерная цензура пропустила их, но пять из них адресатами получены не были. В начале октября Ковалев заявил, что отказывается от переписки и возобновит ее, только получив гарантии соблюдения законности в отношении к его корреспонденции.

* * *

В мае Ковалев в устной форме обжаловал прокурору Орехову конфискацию у него 4 страниц из блокнота, содержавших неоконченное (в Хр.45 здесь неточность) заявление Генеральному Прокурору СССР по поводу агентурной работы КГБ в лагере. Блокнот был сдан на проверку 29 ноября 1976 г., перед свиданием с адвокатом. Конфискация мотивирована п. 29 "Инструкции по цензуре МВД": "сведения, не подлежащие разглашению". Через два дня Орехов дал устный ответ: "Разобрать вопрос по существу не мог, так как заявление уничтожено. Считаю допустимым изъятие для проверки администрацией и конфискацию любых записей, в том числе и заявлений в Прокуратуру, если они еще не оформлены до конца и не сданы для отправки".

Дневник 36 лагеря

(Чтобы не нарушать целостности, из дневника не исключены эпизоды, которые были уже описаны в "Хронике". Ссылки на выпуски "Хроники" добавлены при публикации.)

2 мая. Федоров в грубой форме угрожал Светличному репрессиями за якобы плохую работу (на самом деле Светличный делал всю требуемую от него работу в прачечной, в том числе и в нерабочее время; он работал и 2 мая, т.е. в выходной день). 4 и 5 мая ситуация Федоров – Светличный повторилась. 7 мая начальник отряда Долматов вызвал Светличного по рапорту Федорова, угрожая репрессиями за "плохую работу".

5 мая. Наказан Сапеляк (не поздоровался с Федоровым).

7 мая. Наказаны Монастырский и Попадиченко за отказ явиться по вызову к офицеру (Монастырского часто вызывали безо всякой причины в ожидании его неявки – повода для наказания).

8 мая. Более 20 политзаключенных направили заявления Генеральному Прокурору СССР, где указали конкретные факты катастрофического состояния медицинской помощи в лагере и плохих бытовых условий; каждый из заключенных в конце заявления требовал разрешить посетить лагерь представителям Красного Креста. Заявления направили: Саркисян, Мяттик, Плумпа, Каволюнас, Монастырский, Мухаметшин, Залмансон, Дымищиц, Глузман, Светличный, Калинин, Марченко, Сапеляк, Гринькив, Демидив, Басараб, Процень, Герчак, Сергиенко (см. Хр. 46, см. также "Письма и заявления политзаключенных" в наст. вып.).

10 мая. Глузман получил ответ из Пермского управления связи, где сказано, что его письмо Нине Ивановне Буковской от 3 января 1977 г. было утеряно в аэропорту Домодедово.

11 мая. Марченко предъявлены акты, составленные на него за невыполнение нормы.

14 мая. С этого дня лагерная администрация привлекла заключенных к неоплачиваемым строительным работам (возведение деревянных заборов, бетонирование дороги, штукатурные работы и т.п.); все это сделано под маркой "благоустройства территории", хотя закон оговаривает строительные и дорожные работы как не относящиеся к благоустройству. Позднее прокурор из Перми Орехов подтвердил "законность" действий администрации в этом отношении.

16 мая. Федоров потребовал от Светличного выйти на строительство забора, Светличный отказался. В зону прибыли прокурор из отдела по надзору за местами лишения свободы областной прокуратуры Орехов и прокурор Мурадян из Чусового.

В зону прибыла делегация общественности Киевской области – старший лейтенант КГБ Киричек, профессор С.А.Крижановский из Института литературы АН УССР, сотрудник Министерства юстиции УССР Гурненко, рабочий завода химических удобрений в Киеве Васильев. Их сопровождали Помаз, Утыро, Черняк из КГБ. Делегация вызывала на беседы заключенных украинцев. Тон беседы, преимущественно грубый, задавал

Киричек. Приводим запись беседы с Калинцем:

Калинец: С кем я буду разговаривать – с делегацией украинского КГБ или делегацией общественности?

Киричек: Конечно, с делегацией общественности.

Калинец: Я прошу представителей общественности ответить мне, что она, общественность Украины, сделала, сделала, делает или будет делать, в частности на встрече в Белграде, для освобождения политзаключенных?

Киричек (переходя на крик): У нас нет политзаключенных, вы – особо опасные государственные преступники!

Калинец: Мне предложено беседовать с представителями общественности, а не КГБ.

Крижановский: В каждой стране свои законы, их нельзя нарушать. Вы совершили преступление...

Калинец: Вам известно содержание моего приговора? Вы знакомы с моим делом?

Крижановский: (вяло): В общих чертах...

Калинец: К вашему сведению, я осужден за творчество, ничего иного нет.

Крижановский: Наверно, у вас были антисоветские стихи.

Калинец: Я не желаю продолжать беседу с такой "общественностью".

Все (и кагебисты, и другие): Уходите, уходите!

Калинец вышел (о визите делегации в 35 и 36 лагеря см. также Хр. 46).

17 мая. Светличный выведен на работу к станку. Лисовому приказано собирать вещи перед этапированием из лагеря. Приведенный на вахту Лисовой был тщательно обыскан (смена офицера Рака, руководил акцией кагебист Чепкасов); у него изъяты записи, в том числе и начатый "Философский словарь" на украинском языке (Лисовой – кандидат философских наук, работал до ареста в Институте философии АН УССР).

23 мая. Майор КГБ Черняк имел длительные беседы с Марченко и Светличным; Светличному в весьма прозрачной форме было предложено "сотрудничество".

24 мая. Светличный добился от врача Петрова признания его фактической нетрудоспособности (несмотря на это, его продолжают выводить на непосильные для него работы и требуют выполнения нормы). В тот же день на него составлен акт капитаном Раком и начальником цеха Свиныным о "недобросовестном отношении к работе". В ночь с 24 на 25 мая у Светличного обильное носовое кровотечение.

25 мая. Басараб и Гринькив вскапывали грядки (тайком) под лук, их обнаружил за этим Федоров. Приказав прекратить вскапывание, он добавил: "Надо будет залить это место соляжкой, тогда ничего уж здесь не вырастет!"

25, 26 и 27 мая. В зоне тотальный обыск вещей заключенных силами офицеров и надзирателей под руководством Черняка и Чепкасова из КГБ. Изымали записи, теплые вещи, пластиковые мешочки. У Ковалева изъята чистая бумага (стандартные листы), у Басараба – бульонные кубики – это "запрещенный продукт питания".

30 мая. Нелипович наказал Гринькива за посещение чужого отряда.
2, 6, 13, 16, 20, 23, 27, 30 мая. На ужин – гнилая рыба.

В мае врач Титов переведен на работу в Пермь (в детскую колонию), в лагере остался врачом Петров.

30 мая. Калинин подал заявление начальнику медсанчасти с просьбой поставить его на так называемое диетпитание в связи с болезнью желудка. 1 июня врач Петров устно ответил Калининцу, что в диете ему отказано "бухгалтерией".

2 июня. Прицельный обыск Сапеляка провели Журавков, Рак и несколько надзирателей; изъята копия его заявления Брежневу (см. "Письма и заявления политзаключенных"). В зону прибыл следователь КГБ, допрошены заключенные Мухаметшин и Исмагилов; со слов следователя, вновь арестован Корехов, ранее отбывавший срок в 36 лагере (освободился в 1976 г. – Хр. 41).

На так называемую воспитательную беседу вызваны Монастырский и Сергиенко, им угрожают репрессиями за "нарушение режима содержания". Вечером 2 июня – приступ стенокардии у Светличного, медпомощи не получил.

3 июня. Составлены акты на Казачкова, Светличного, Лисового, Попадиченко.

5 июня. Капитан Рак изъял у Плумпы молитвенник.

6 июня. Общий обыск в жилой зоне, руководил сотрудник КГБ Чепкасов.

9 июня. На ужин – гнилая рыба.

10 июня. За отказ приветствовать Федорова вставанием им же наказаны Глузман и Светличный.

11 июня. Предупредительная голодовка Глузмана с требованием при-
слать его вещи из 35 лагеря (заявление в прокуратуру области).

13 июня. Со всеми вещами из лагеря уведен Лисовой (в Киев – Хр. 46).

15 июня. В связи с началом работы совещания в Белграде 16 политзаключенных направили заявления в Президиум Верховного Совета СССР и держали голодовку (Хр. 46).

За отказ от работы в ШИЗО водворен Попадиченко.

20 июня. Начальник цеха Свиный угрожает наказанием Светличному за невыполнение нормы. Тогда же Свиный приказывает группе з/к приступить к работе под открытым небом при температуре воздуха 8 градусов, отказавшись выдать им ватники: "Зимой в бараке тоже 8 градусов, и ничего, живете!"

Ночь с 25 на 26 июня. Этапирован в ссылку Федюк.

28 июня. Марченко сообщено, что присланная ему посылка отослана назад, т.к. содержала "запрещенные продукты питания".

29 июня. Федоров наказал Светличного за невыполнение нормы, с этого момента Светличный объявил голодовку протеста против морального террора и правового произвола, направив соответствующее заявление Брежневу.

29 июня. Надзиратель Ротенко изъясил у Сапеляка в производственной зоне листы из журнала, используемые в качестве туалетной бумаги. Майор Федоров спустя несколько часов объявил Сапеляку, что Ротенко поступил правильно, поскольку в производственную зону заключенному запрещено приносить любую бумагу, продукты питания, чай и т.д. По этому инциденту был составлен акт, где офицер Долматов записал: "Сапеляк заявил, что его привезла сюда (т.е. в лагерь) Советская власть" (Долматов считал это заявление Сапеляка наказуемым, антисоветским!).

30 июня. Водворен в наручниках в ШИЗО Попадиченко за отказ от работы.

В июне в лагерь прибыли после суда Боровой, Пархоменко, Тарахович, Богун; все осуждены за сотрудничество с немцами во время войны.

В других лагерях и тюрьмах

Василий Барладяну, осужденный 29 июня на 3 года (Хр. 46), 24 августа был отправлен из Одессы и 4 сентября прибыл в лагерь, находящийся в селе Полицы Ровенской обл. Барладяну поставили работать в карьер – вырубать щебень и грузить его; норма – от 6 до 8 кубометров в день.

Стало известно, как проходила голодовка Барладяну, объявленная им 2 марта при аресте (Хр. 44) и продолжавшаяся до окончания суда. До 27 марта его держали в общей камере. 12 марта, после очередного отказа от приема пищи, он был избит прямо в камере шестью надзирателями. Избиение прекратилось только тогда, когда он потерял сознание. Его привели в чувство и начали кормить насильственно. После избиения у Барладяну появились непрекращающиеся головные боли и боли в боку, не прошедшие до осени. Позднее временами стали отниматься правая рука и нога, левая рука почти парализована. Врач впервые осмотрел Барладяну после суда. Он не стал лечить его, сказав только, что боли и другие явления – последствия голодовки.

В августе к Валентине Барладяну приходили сотрудники КГБ; они настаивали на том, чтобы она отказалась от намерения зарегистрировать брак с Василием (Василий и Валентина были разведены, но потом снова съехались), так как, по их словам, свиданий ему все равно давать не будут.

5 сентября, уже в лагере, свидание (двухчасовое) все же было дано – первое со дня ареста.

В конце октября следователь КГБ Филиппский сказал Валентине Барладяну, что если что-нибудь о ее муже попадет за границу, то ее посадят. Валентина ответила, что не боится угроз. Филиппский попросил ее ничего не предпринимать до 4 ноября, пообещав к этому времени узнать, что КГБ может сделать для облегчения положения ее мужа. Вскоре Валентину пригласили приехать в лагерь, 10 ноября там состоялось оформление ее брака с Василием, после чего они получили трехдневное свидание.

В сентябре и октябре состояние здоровья Барладяну ухудшилось – появились боли в сердце, в паху и под коленом, но лечения он не полу-

чал. Барладяну написал жалобы прокурору УССР и Генеральному Прокурору СССР – администрация лагеря не отправила их. Родственники Барладяну направили телеграммы в те же адреса, а также в МВД УССР и начальнику лагеря. 9 ноября Барладяну осмотрел врач из медслужбы УВД. 24 ноября Барладяну направили во Львов. Там ему поставили диагноз – гипертония I степени с отеками и кровоизлияниями в мозг.

* * *

Мустафа Джемилев, находящийся в лагере в Приморском крае, должен освободиться 22 декабря 1977 г. (Хр. 40). В письме от 20 октября он сообщил:

... Меня лишили права на свидание. Одновременно объявили о переводе в бригаду грузчиков, т.е. очевидно предполагается создать необходимое "окружение". И вообще тут сомнительная возня, визиты гебистов ..., напоминает все обстановку в период последних моих дней в Омской зоне. Я подал заявление с требованием водворить меня в одиночку.

(В качестве гарантии от подсовывания "свидетелей" антисоветских разговоров – Хр.)

23 октября Мустафа объявил голодовку и был вскоре переведен в ШИЗО.

8 ноября Джемилев, получив от администрации заверения, что дело на него не готовится, голодовку снял.

Его все-таки послали в бригаду грузчиков. На просьбы других заключенных отменить это назначение ввиду состояния его здоровья лагерный врач ответил: "За кого вы заступаетесь? Он хочет отнять вашу землю. Если умрет – туда ему и дорога".

В конце октября – начале ноября П.Г. Григоренко и А.Д. Сахаров сделали заявления о возможном возбуждении нового уголовного дела против Джемилева. В середине ноября они вместе с Решатом Джемилевым направили Руденко и Щелокову телеграммы с призывом не допустить нового сфальсифицированного судебного процесса над М. Джемилевым. Был послан также запрос о его состоянии начальнику ИТК. (О снятии голодовки известно не было.)

Ввиду предстоящего освобождения Мустафа Джемилев сообщил лагерной администрации, что хочет поселиться у родителей в Крыму (см. "Преследования крымских татар" в наст. вып.). Администрация послала в Крымскую область запрос и получила из Белогорского райисполкома ответ, датированный 28 октября:

Родители Джемилева Мустафы проживают на территории Белогорского района Крымской обл. с грубейшим нарушением паспортного режима... Как спецпереселенцам им прописка в Крыму ограничена. В связи с вышеизложенным направлять в Крым Дже-

милева М. нецелесообразно, т.к. ему в прописке будет отказано.

Пред. наблюдательной комиссии

30 ноября М. Джемилаева самолетом (спецконвой и наручники) доставили в Ташкент.

* * *

Юрий Литвин (Хр. 39, 46), отбывавший в ИТУ-25 (Коми АССР) 3-летний срок, в апреле 1977 г. попросил представить его к "условному освобождению с обязательным привлечением к труду", но затем его оставили в лагере на основании медицинского заключения врача Фроловой: "Литвин не может быть направлен на стройки, так как имеет трудоустойство и болен". Через две недели Фролова отказала Литвину в диетпитании (у него язва), написав, что он "абсолютно здоров".

3 мая Литвин написал "председателю КГБ Коми АССР" заявление, в котором описывал придирки к нему администрации. В частности, из-за "диагноза" Фроловой, объявившей его симулянтом, он оказался при смерти (прободение язвы, случившееся в ШИЗО, куда он попал за "симуляцией" и где его продержали, тем не менее, все назначенные 10 суток), но был спасен в республиканской больнице. Литвин высказал в заявлении убеждение, что все делается как "специальная установка высших инстанций по отношению к инакомыслящим", к которой имеет отношение и КГБ. Прибывший в лагерь представитель КГБ убеждал его, что КГБ не вмешивается в деятельность исправительно-трудовых учреждений.

16 мая, через 3 дня после этой беседы, начальник ИТУ-25 подполковник Добрынин, матерно ругаясь, отчитал Литвина за жалобу, а в ответ на его возражения отправил его в ШИЗО.

22 мая Литвин направил жалобу Андропову, призывая в ней не только восстановить справедливость в отношении его, Литвина, но и повести борьбу против бесчеловечных порядков в лагерях, как создающих почву для антигосударственной деятельности.

После письма в обком Коми АССР, в котором Литвин описал обстоятельства смерти 29-летнего заключенного, умершего от сердечного приступа без какой бы то ни было медицинской помощи, Литвина 12 июля вызвали на Совет коллектива колонии и "за клевету" снова отправили в ШИЗО на 15 суток. Весь этот срок Литвин держал голодовку, требуя вызова прокурора.

1 августа Литвин написал открытое письмо Брежневу; в нем он изложил историю своих преследований в лагере, связав их с существующей антигуманной практикой "перевоспитания" в системе ИТУ. В этом письме он заявляет также:

... против трудящихся Советского Союза, ... против людей труда всех стран я не совершил никакого преступления.

...В своих произведениях, за что я был осужден Киевским областным судом, я писал правду и только правду, и не моя вина, что правда стала гонимой в нашей стране.

(См. также "Освобождения".)

* * *

Рабочий из Магадана Виктор Кузьмич Гридасов (Хр. 44, 46), отбывавший в лагере под Магаданом полугодичное заключение, по концу срока (26 мая 1977 г.) на свободу не вышел. В мае ему предъявили обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР. С момента предъявления нового обвинения Гридасов объявил голодовку и держал ее 75 суток.

Дело слушалось в Магаданском областном суде 3 сентября. Председательствовал И.Я. Назин, обвинитель – зам. прокурора области М.И. Гурьев. Гридасову инкриминировались устное распространение клеветнических измышлений (часть свидетелей – из лагеря) и письмо в газету "Балтимор сан"; в письме рассказывалось о преследованиях, которым он подвергался за попытку выйти из советского гражданства и эмигрировать (он подавал официальное заявление и уплатил пошлину), описывались некоторые события, происходившие в Магадане. Например, самоожжение в 1976 г. у здания обкома одного человека, отчаявшегося добиться жилья.

Приговор – 2 года лишения свободы.

6 сентября в газете "Магаданская правда" была напечатана статья Б. Уласовского "Тень Герострата" – о Гридасове и суде над ним.

О "составе преступления" в статье говорится:

... Через своих друзей он пытался направить в американскую газету "Балтимор сан" клеветнические письма. Но приятели оказались достаточно благоразумными, и письма попали в руки другого адресата. В результате они фигурируют на суде...

Десятки свидетелей на предварительном и судебном следствии подтвердили, что Гридасов в разговоре с ними ложно утверждал об отсутствии в нашей стране подлинно демократических свобод, о чинимом якобы произволе в отношении трудящихся.

Большую часть статьи составляют порочащие Гридасова сведения: "художественное" описание его встречи с американцами (журналистами и консулом) в Москве, "уголовное прошлое" (хулиганство и нарушение паспортного режима), неуживчивость на работе, аморальное поведение в семье. Эти обвинения используют действительные факты биографии Гридасова, искажая или замалчивая подлинные обстоятельства, существенно меняющие их значение.

* * *

Юлия Вознесенская по пути из Воркуты в лагерь (Хр. 46) оказалась очевидцем событий, о которых рассказала в своем письме:

21 августа из воспитательно-трудовой колонии в Новосибирскую тюрьму прибыл этап девушек, следующих (в связи с достижением 18 лет) во "взрослый" лагерь (ИТК).

22 августа утром девушек сводили в баню. Вечером их повели в баню вторично. На этот раз их намеренно (как можно было понять из поведения надзирательницы, это была обычная "шутка") обливали из душа то кипятком, то холодной водой, от которых в тесной душевой нельзя бы-

ло укрыться. После душа девушек голыми погнали по коридору, где собралась гогочущая толпа мужчин – надзирателей и заключенных из хозяйской обслуги. Все это происходило под наблюдением молодого врача и дежурного надзирателя.

Главное побоище произошло ночью. Еще днем надзиратель-старшина пригрозил девушкам наказанием за то, что они пели в камере.

В двенадцатом часу ночи открылась дверь и появились 2 дежурных надзирателя с пожарным шлангом в руках. "Мы вам устроим на прощанье баньку!" – заявили они. В коридоре стояли еще надзиратели. ...

Двое вошли в камеру и начали поливать девчонок, сильным напором холодной струи они гоняли их по камере. Многие были раздеты. Потом один поливал и бил их шлангом, а другой по одной вышвыривал их в коридор. В коридоре двумя шеренгами стоял вызванный дежурным тюремный резерв. Девушек пропустили сквозь строй около 24 человек. Били их кулаками, шлангом, ключами. Потом погнали их подвальными коридорами в боксы. Коридоры эти сырые, грязные, на полу лужи, света почти нет. Девочки бежали полуголые, босые. Больные вместе со здоровыми. Из подвала стали выводить в коридор, к боксам. Вояки их обогнали другим коридором и ждали, построившись снова в две шеренги. Их второй раз пропустили сквозь строй. Всех заперли в бокс на 4 человека – 21 девушку. Заговорили между собой о том, что нужно кого-то заставить убрать камеру. 5 девушек выпустили и повели обратно в камеру: "Через 5 минут не уберете – повторим". В камере был перевернут стол, постели залиты, вода стояла по щиколотку.

В боксе девочки боялись разговаривать даже шепотом. Они начали задыхаться. Из коридора неслись издевательства, угрозы. Им грозили наручниками, смирительными рубашками, побоями. Минут через 10 все уже задыхались. Первая потеряла сознание Света Медведева. Девочки начали стучать в дверь, просить выпустить их, вынести Свету. "Когда ноги протянет, тогда откроем". Но дверь все-таки открыли минут через 15. Дежурная баба приказала положить ее на пол и снова идти в бокс.

Света пришла в себя уже в санчасти. Медики посмотрели ее дело, узнали, что она больна, поинтересовались, почему она едет не с врачом. В присутствии Светы в санчасть сообщили по телефону, что у Наташи Качулиной начался припадок эпилепсии. Врач заявила дежурным: "Что заслужили, пусть то и получают. Они притворяются".

У второй девочки, тоже страдавшей эпилепсией с детства, начался приступ, и ей тоже отказали в медицинской помощи. Болезнь обеих зафиксирована в деле, а дело-то при них!

У Тани Тапеня начался приступ удушья. Она свалилась на пол, забилась, стала пальцами разрывать себе рот, потом потеряла сознание. Девочки снова стали стучать. Открыли дверь, позволили вынес-

ти всех троих, бросили на холодный цементный пол. На холоде девочки пришли в себя. Им тут же приказали идти в другой бокс. У них не было сил. На них закричали, начали угрожать. Они поползли по полу на четвереньках к указанному боксу. В коридоре был один надзиратель-мужчина и две бабы. Они издевались над ними, смеялись над тем, что девочки не могут подняться на ноги и ползут на четвереньках, называли их собаками, сучками, ругали матом. Татьяна Тапеня все время твердит одно: "Никогда, никогда меня так не оскорбляли".

Троих заперли в бокс больших размеров, но с мокрым цементным полом, в лужах. Они так и не поднялись с пола.

В маленьком боксе следующей потеряла сознание Ира Русак, совершенно здоровая девочка. За ней Ира Евсеева. Стучали минут 25. Потом открыли дверь и приказали: "Выходите все". Привели в бокс к тем трем. Там они и просидели до утра. Стояли и сидели на мокром цементном полу. Там есть две скамейки, но все сесть не могли. Туда же привели из санчасти Иру Медведеву. У Жени Власовой начались судороги в ногах. В 5 утра не выдержали, стали стучать (некоторые были в одних плавках и лифчиках, а одна даже только в трусиках – и все ведь мокрое до нитки!). Дежурная сказала: "Будете стучать – весь день просидите!" Вывели только к завтраку. В камере уснули на мокрых матрасах.

На следующий день Вознесенская потребовала от администрации тюрьмы начать расследование. Тюремные власти допросили потерпевших и обещали наказать виновных. "Ох, не верю я в эти обещания – уж очень мало начальство удивилось этой истории", – пишет Вознесенская. (Некоторые из этих девочек подверглись в этой же тюрьме подобным истязаниям в декабре 1975 г. и в ноябре 1976 г.)

Лагерный бунт

С 28 января по 8 апреля 1977 г. в Омском областном суде в закрытых заседаниях слушалось дело о беспорядках, происходивших 21-23 августа 1976 г. в ИТК-8 (Омская обл.).

По ст. 77-1 ("Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений") и ст. 79 УК РСФСР ("Массовые беспорядки") обвинялось 17 человек. Приговор – от 6 до 10 лет ИТК строгого режима (двоим – особого режима) в дополнение к имевшимся срокам. (У большинства было от 2 до 6 лет за хулиганство и кражу.)

Согласно приговору, бунт начался в ШИЗО ПКТ. Взломав двери камер и тюрьмы, з/к из ШИЗО стали призывать к погрому и тех, кто находился в жилой зоне. В ходе возникших беспорядков были разгромлены некоторые помещения, избиты заключенные-активисты. Были вызваны войска, которые встретили сопротивление (камни, палки, баррикадирование барakov) и навели порядок не сразу.

В одной из кассационных жалоб говорилось:

Бунт возник стихийно. Для этого были причины у осужденных, порожденные самой администрацией, в особенности, неоднократные избиения и шантаж со стороны оперативных работников. А выражался он в следующем: любым путем завести осведомителей. ... Не принимавших их предложений они старались унижить перед остальными, распускали про них нехорошие слухи, тем самым создавая между осужденными ... враждебные настроения.

Один из осужденных по делу о бунте рассказал:

21 августа 1976 г. в 22 часа прошел слух по зоне, что в ПКТ избивают осужденных и туда поехала пожарная машина. Собралось много осужденных, все пошли в ПКТ; т.к. знали, что пожарная машина вызывается только для умирения заключенных. Избиения заключенных со стороны администрации колонии были, и не единичные случаи. ...

Был случай, когда прапорщик Белобородов, контролер ПКТ и ШИЗО, оскорбил осужденного Уляшова, назвал его "пидером". На это Уляшов ответил нецензурной бранью. Его вывели из камеры, надели наручники, повесили на решку и стали избивать, нанося удары в область печени и почек. Избивали Белобородов и Вдабенко, начальник войскового наряда, тоже прапорщик. После избиения Уляшова водворили в одиночную камеру. Вызвали санчасть. Пришла начальник санчасти капитан Путалова Клара Андреевна. На жалобы Уляшова она сказала, что он симулянт. Осужденные, находящиеся в ПКТ и ШИЗО, начали шуметь и возмущаться. Уляшова с одиночки перевели в камеру № 7. Немного погодя хотели зайти к нему. Он не пустил их, зная, что его опять будут бить. Контролеры вызвали пожарную машину. Струей воды они залили Уляшова и вошли в камеру. Осужденные подняли шум и объявили голодовку, чтобы прибыл прокурор по надзору. Уляшова посадили в камеру № 6, где сидел осужденный Кольцов, который идет по делу бунта. Он видел, в каком состоянии забросили в камеру Уляшова. Его избивали пожарным рукавом, сапогами и деревянным молотком. На следующий день Уляшова увезли с ИТК-8, а куда, мы и сами не знаем. Прокурору мы предъявили жалобы, чтоб убрали контролеров, на что он дал согласие, но этого не сделали, контролеры как работали, так и работают, а относиться к осужденным стали еще хуже. ... Оперчасть тоже работала на славу. ... Осужденный, отказавшийся работать на них, подвергался избиениям.

... Осужденного Шубина в декабре 1975 г. вызвали к себе и предложили работать на них. Он отказался, за что его раздели донага и в 40^о мороза отправили через всю зону в отряд. ...

После бунта были сняты с занимаемых должностей такие лица, как замполит майор Картавцев, подполковник Поляков, зам. начальника колонии по режиму, начальник медсанчасти капитан Пу-

талова и старший оперработник ст. лейтенант Кириллов. Значит, есть в этом возникновении стихийного бунта и их вина... В ИТК-8 были введены войска. Около вахты стоял оперработник лейтенант Керштейн. Он показывал пальцем, кого брать на изъятие. Того осужденного пропускали сквозь строй солдат. У них в руках находились дубинки, и этими дубинками они "сопровождали" осужденного прямо в автозак. Нас увезли сразу в г. Тавсу, а оттуда в Омскую тюрьму. Там мы отсидели почти год. Суд был закрытым. Родителей не пускали. В зал суда пустили их только на приговор. Судья не давал нам слова сказать в свое оправдание. Свидетелям и пострадавшим задавал вопросы только тогда, когда прочитает их показания, данные на следствии. После этого люди давали такие показания, какие он им зачитывал. Многие "не помнили" того, что говорили на следствии, и он им подсказывал.

Письма и заявления политзаключенных

1 мордовский лагерь (особый режим)

Н. Евграфов, Э. Кузнецов, А. Мурженко, М. Осадчий, Б. Ребрик, П. Саранчук, Ю. Федоров, Д. Шумук

Открытое письмо Л.И. Брежневу Кое-что о проекте Конституции СССР

После серии резких "вопросов", вскрывающих тяжелое положение заключенных, авторы пишут:

Мы могли бы еще долго продолжать эти "почему?", но мы твердо убеждены, что, что бы Вы ни записали в новой Конституции, ничего выполняться не будет так, как не выполнялось и во время старой. Все эти камуфляжи – для маневрирования общественным мнением.

Исходя из прошлого исторического опыта и тенденций действительности в стране, мы наперед можем сказать, что все статьи новой Конституции, провозглашающие урезанные права советского человека, останутся на бумаге. ...

Н. Евграфов, С. Караванский, Э. Кузнецов, А. Мурженко, М. Осадчий, В. Романюк, Б. Ребрик, П. Саранчук, Д. Шумук

Обращение к советской общественности

Политзаключенные пишут, что в последнее время советская печать подняла кампанию по дискредитации людей, томящихся в советских концлагерях, всячески черня их деловые и моральные качества.

... В сов. концлагере созданы нечеловеческие условия. Лучшие годы для многих честных и преданных делу демократии и свободы людей проходят в битком набитых камерах, подавляющее большинство страдает различными заболеваниями, в том числе и нервно-психическими. Нет ничего удивительного, что между нами время от времени вспыхивают конфликты, умело подогреваемые лагерной администрацией.

В основном, текст обращения посвящен разбору клеветнической статьи во Львовской газете "Ленинска молодь" от 9 июля 1977 г., автором которой якобы является бывший з/к Яблонский.

Мы лишены возможности призвать к ответу состоящих на государственной службе клеветников..., развенчать их публично в советской печати. И посему мы обращаемся из камер на трех замках с призывом заклеить презрением клеветников и предателей Петрова-Агатова, Захарченко, Яблонского и иных, ежели впредь объявятся желающие...

Ю. Федоров

Открытое письмо

В своем письме Федоров выступает с разоблачением упомянутой выше статьи Яблонского, оклеветавшей содружество политзаключенных-украинцев, и ее "автора".

Яблонский, "типичный уголовник", хотя и сидевший с политической статьей, известен в лагере своим доношением и низменными поступками. Как человек явно дегенеративный, не умеющий связать 2-3 слов, он не может быть автором бойко написанной статьи.

... Поскольку "яблонские" еще будут печатать свои статьи, я обращаюсь к честным людям: презрите доносчиков и игрушечных уголовников. КГБ засыпает их в наши лагеря, чтобы использовать для провокаций и драк, использует их фактическое пребывание с нами для придания достоверности подписываемым ими статьям о нас. ... Не верьте ни одной публикации газетных статей о нас, о нашем быте... это публичное избивание нас. Мы живем в нечеловеческих условиях, в крайне напряженной атмосфере провокаций, репрессий, травли, которая особенно усилилась в связи с международным фронтом борьбы за права человека. Наша жизнь тяжела, но она похожа на жизнь всего советского общества. У нас есть свои разногласия и трения, но не "яблонским"... судить о нас.

Федоров пишет, что, зная много лет политзаключенных-украинцев, которых всегда большинство в лагере, он может о них говорить только как о бескорыстных, высококультурных интеллигентах, движимых иде-

ями своего великого народа, во имя которого они живут и работают, и эта жизнь прекрасна.

Правда, истина об украинских патриотах – вот что руководило моим пером.

В. Романюк

Обращение к евреям и всем людям доброй воли

(11 сентября 1977 г.)

В обращении говорится о судьбе группы евреев, которые в 1970 г. "предприняли попытку нелегально покинуть страну, ставшую для них тюрьмой" (Кузнецов, Дымшиц, Федоров, Мурженко, И. и В. Залмансоны, Пэнсон и др.). С тех пор советская эмиграционная политика частично либерализовалась, многие тысячи уже сумели уехать из СССР, но те, кто так самоотверженно восстал против беззакония и жестокости, до сих пор томятся в тюрьмах и лагерях.

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли и, в первую очередь, ко всем истинным сынам Израилевым с призывом сделать все возможное для освобождения Эдуарда Кузнецова и его сотоварищей, ... борьба за их вызволение из плена не может быть принесена в жертву никаким утилитарным соображениям. Для многих из нас, людей иной веры, судьба их стала символической...

В. Романюк

Обращение к католическим священникам и верующим Западной Европы

Автор от имени верующих в Сов. Союзе выражает тревогу, что коммунистические идеи получили в Западной Европе большое число сторонников.

Если бы европейские коммунисты действительно болели за демократию и справедливость, то они не закрывали бы глаза на то, что делается и делается в Советском Союзе.

Священник В. Романюк призывает христиан "не сидеть сложа руки". Он рассказывает о попрании прав верующих в СССР и, в частности, о ликвидации Украинской Униатской Церкви, более 2 тысяч священников которой погибли в концлагерях и расстреляны. Положение "законной" православной Церкви тоже очень плачевное.

Мы ... адресуем это свое обращение ко всем рядовым католическим священникам и верующим католических стран Европы, в первую очередь – Италии и Франции, где успехи коммунистов очень большие, чтобы вы осознали ту великую опасность, которая грозит Европе от Коммунистической тирании.

В. Романюк

В Президиум Верховного Совета СССР

(8 февраля 1977 г.)

В своем открытом письме Романюк осуждает Указ от 8 февраля 1977г., согласно которому "условное освобождение с обязательным привлечением к труду" может быть применено теперь и к особо опасным рецидивистам, в том числе – к политическим. Поскольку последними занимается КГБ, люди будут отправлены на принудительную работу именно под надзор КГБ.

Советское правительство придумало Указ, который хочет безвинно осужденных людей заставить признать свою вину и этим самым прикрыть очередное преступление против человеческой личности. ... Указ ... дает возможность карательным органам в новых специфических условиях применить к любому репрессированному любые акты насилия и террора. Именно по этой причине я и вынужден отвергнуть указ, ибо не хочу быть причастным к любому обману международной общественности.

М. Осадчий

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу

Осадчий пишет, что согласно Указу от 8.2.77 ему грозят насильственной отправкой в г. Сумы, под гласный надзор КГБ, на принудительные работы, на 900 км от семьи, жены и двоих детей. Осужденный за опубликование на Западе повести "Бельмо", Осадчий не согласен считать это "антисоветскими действиями", за которые он осужден. "Даже величайший палач Сталин не судил непосредственно за художественное творчество".

Осадчий рассматривает возможную отправку в г. Сумы – где он может быть избит (как его мать) или убит уголовниками (как это было с его братом Владимиром Осадчим 5 апреля 1975 г., следствие не было проведено) – как явную угрозу и намек на судьбу брата.

Гражданин Председатель! Ваш Указ от 8.2.77 направлен не на гуманизацию карательной системы нашей страны, это рычаг более утонченных методов террора... Спасите меня от его убийственного действия. Мне нужна реабилитация и только реабилитация, а не уголовное осуждение с гласным надзором и принудительным трудом.

Н. Евграфов (начало утеряно)

Оценивая положение в советском обществе, которое превратилось в "школьно-полицейскую систему", автор выражает радость, что "начина-

ет зажигаться... чувство гражданина, национальное самосознание и достоинство”.

Я обращаюсь к вам, ко всем подлинным коммунистам и социалистам, всем представителям трудящихся, и прошу выступить против азиатского и советского псевдокоммунизма... и тоталитаризма, который прикрывается марксизмом. Я надеюсь, что советские диссиденты найдут поддержку и солидарность среди прогрессивных деятелей коммунистических и социалистических партий.

* * *

И. Стасив-Калинец, М. Осадчий, О. Попович, И. Сенник, Б. Ребрик, Д. Шумук, Н. Евграфов, В. Долишний

**Святейшему Престолу, Всемирному Совету Церквей
Национальному Совету Христианских Церквей США
правительствам и парламентам стран,
подписавших Заключительный акт Хельсинкского соглашения**

Политзаключенные-украинцы хотят обратить внимание христиан во всем мире и всех людей доброй воли "на вопиющее попрание элементарных прав человека в нашей стране". Для иллюстрации ими взята судьба священника Василия Романюка, получившего 10 лет "со званием особо опасного рецидивиста". Они пишут, что по свидетельству авторитетных священников о. Романюк является незаурядным проповедником, отличающимся особой активностью на церковной ниве.

Недаром теперь его именем пугают священников на Украине, ... но одновременно он превратился в настоящего мученика за слово Божье, за веру... Надеемся, что ... все люди доброй воли приложат максимум усилий, чтобы дикая расправа над верным сыном Церкви была прекращена.

Авторы просят добиваться разрешения посетить их лагеря иностранным корреспондентам; добиваться вручения политзаключенным писем из-за границы. Они выражают свою поддержку политике Президента Картера в защиту прав человека; просят настаивать, чтобы в ответ на каждое посещение советскими журналистами американских тюрем советские власти давали разрешение американским журналистам посетить советские тюрьмы и лагеря.

С. Ковалев

Генеральному прокурору СССР Руденко

(18 ноября 1976 г.)

Мне стало известно, что 16 ноября 1976 г. сотрудник КГБ майор Афанасов в читальном зале ИТУ недопустимо грубо говорил с политическим з/к С.Е. Сапеляком, позволив себе даже обращение на "ты" и употребив оскорбительное прозвище. Свидетелями этой недостойной выходки оказались сотрудники ИТУ и библиотекарь. Впрочем, у меня нет ни малейших оснований не доверять С.Е. Сапеляку.

Протестуя против оскорблений и требуя объяснений по поводу скандального происшествия, Сапеляк объявил голодовку. Он голодает уже третьи сутки, но никаких объяснений пока не последовало. Между тем, майор Афанасов еще и угрожал Сапеляку, предлагая администрации посадить его на 15 суток в ШИЗО, и – странно: немедленно на Сапеляка, как из рога изобилия, посыпались акты о нарушении режима. Не собирается ли администрация услужливо осуществить эту угрозу? К сожалению, в доступных мне законодательных актах нет сведений о том, регламентируется ли – и как именно регламентируется – оперативная деятельность КГБ; нет сведений и о полномочиях КГБ в лагерях для политических заключенных; сотрудники КГБ на эти вопросы не отвечают. Похоже, однако, что и в такой деятельности унижение человеческого достоинства должно считаться противоправным. Прошу Вас вмешаться в происходящее, восстановить законность и порядок и оградить Сапеляка от оскорблений и расправы.

С. Ковалев

Начальнику лагеря Журавкову

(21 ноября 1976 г.)

Ковалев просит принять срочные меры для прекращения голодовки С.Е. Сапеляка.

Удовлетворительным разрешением конфликта, кстати, очень естественным в создавшемся положении, я считаю объяснение с Сапеляком лиц, которые могли бы компетентно обещать, что унижение достоинства не повторится. Конечно, это было бы разрешением конфликта при условии, что Сапеляк не будет подвергнут придирам и мести КГБ.

И. Светличный

Генеральному Прокурору СССР

(8 мая 1977 г.)

Светличный пишет, что в конце прошлого года его, инвалида с серьезными ранениями обеих рук, с повышенным давлением, спазмами головных сосудов, заставляли работать компрессорщиком в 35 лагере. За невозможность справиться с этой работой многократно наказывали, только после двух писем к Брежневу предоставили посильную работу. После перевода в 36 лагерь снова заставляют делать невозможное — назначили рабочим банно-прачного заведения, отказали в проведении назначенного в 35 лагере лечения из-за отсутствия лекарств.

За невыполнение работы (тесание бревен, погрузка тяжестей и т.п.) составляют акты, угрожают новыми наказаниями. Этот "произвол и моральный террор санкционирован врачами" без медосмотра и без знакомства с медицинской картой в первый же день прибытия в 36 лагерь.

Не будет преувеличением сказать, что состояние медицинской помощи здесь катастрофическое. Отсутствуют элементарные медикаменты. Нет медсестры, и прописываемые уколы вводятся больным не больше одного раза в день и не каждый день. Из-за такого состояния медицины многие больные, нуждающиеся в медпомощи, даже не обращаются в медчасть. Особая тема — негодная к употреблению вода, гнилая рыба и т.п., на которые медицина не реагирует никак. Считая, что такое положение далее терпимо быть не может, обращение в местные и союзные медицинские советские органы никакой пользы не приносит, прошу... для беспристрастного и объективного изучения дела на месте ... допустить в учр. ВС-389/36 представителей Международного Красного Креста.

И. Светличный

Начальнику санчасти Титову

(18 мая 1977 г.)

Сообщает, что в медицинской карте у него не указаны ограничения относительно трудоустройства, несмотря на тяжелое физическое увечье. Просит внести эти ограничения и приобщить это заявление к медкарте.

И. Светличный

Нач. лагеря Журавкову

(2 июня 1977 г.)

Сообщает о составлении на него, инвалида, актов о невыполнении нормы выработки, а также о явно тенденциозных придирках — участие в "чаепитии на открытом воздухе", что никогда не считалось нарушением режима.

Поскольку при моем состоянии здоровья ... о выполнении нормы выработки, рассчитанной на здорового человека, не может быть и речи, значит, я буду подвергнут всем видам наказания.

Светличный просит предоставить ему посильную работу.

В случае, если произвол и моральный террор будут продолжаться против меня, я при следующем акте репрессии против меня вынужден буду в защиту своих прав объявить голодовку.

С. Сапеляк

Начальнику лагеря Журавкову

(18 апреля 1977 г.)

Перечисляя систематические переводы его с одной работы на другую в течение полутора месяцев, Сапеляк отмечает, что эти переводы не оформлялись соответствующими приказами, что явно нарушает ст. 13 Основ ИТЗ и ст. 25 КЗОТ. Он сообщает также о грубом и противозаконном обращении с ним майора Федорова, пытавшегося угрозами заставить его заняться тяжелой работой, запрещенной ему врачебной комиссией из-за его гипертонии.

С. Сапеляк

Генеральному Прокурору Руденко

(7 июня 1977 г.)

28.5.77 я направил Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу заявление, в котором изложил конкретные факты о так называемых "воспитательных" мерах в отношении меня по ИТК 389/36. Очевидно, пытаясь скрыть от ЦК КПСС свои действия по "перевоспитанию диссидентов", заявление не было направлено адресату. Только 6.6.77 после моего письменного напоминания заявление было направлено начальнику отдела УВД полковнику Микову...

Прошу Вас разъяснить администрации ИТУ 389/36 существенную разницу между Генеральным Секретарем ЦК КПСС Брежневым и нач. отдела УВД полковником Г.И. Миковым.

С. Сапеляк

Председателю КГБ Андропову

(8 июня 1977 г.)

В своем заявлении Сапеляк пишет, что, начиная со времени его ареста в 1973 г. (ему было 22 года), его родители, малограмотные колхозники, подвергаются различным репрессивным мерам, хотя из заключения следственной комиссии известно, что никакого отношения к "делу" они не имели. Задерживаются письма, мать вызывает в КГБ, угрожают, предлагают отказаться от сына. В мае 1977 г. мать опять вызывали в КГБ.

Грозил тюрьмой, требовали прекратить переписку с лицами из-за рубежа, сочувствующими нашей семье. Запутываемая и терроризи-

руемая, мама живет в постоянном страхе уже не только за меня, но и за себя... Трудно представить себе, что все это делается с Вашего ведома. Прошу указать Вашим тернопольским сотрудникам на недопустимость подобных действий и оградить моих родителей от репрессий.

В. Марченко

Нач-ку санчасти Титову

(14 мая 1977 г.)

Марченко сообщает, что состояние его здоровья в последнее время резко ухудшилось (хронический гломерулонефрит, цистит, головные боли, повышенное давление) и что медпомощи он не получает; он просит срочно госпитализировать его, а также сделать запрос о его лечении в институте, где он лечился до ареста.

(В. Марченко был отправлен в больницу в сентябре – Хр.)

В. Марченко

Начальнику лагеря Журавкову

(14 мая 1977 г.)

Марченко пишет, что 4 мая инженером Булатовым составлен акт о невыполнении им нормы сменного задания. И это при тяжелом почечном заболевании. Марченко просит напомнить производственным начальникам, что администрация ИТУ обязана обеспечить привлечение осужденных к труду с учетом их трудоспособности (ст. 37 ИТК РСФСР), а также статей УК о "злоупотреблении властью" и об "истязании" и ст. 1 ИТК.

П. Плумпа

Начальнику лагеря Журавкову

(6 июня 1977 г.)

Вечером 5 июня 1977 г. у Плумпы был отобран самодельный католический молитвенник на литовском языке. Капитан Рак, отобравший молитвенник, заявил, что на Плумпу будет составлен акт, поскольку последний якобы обругал его. Это уже не первый ложный акт с употреблением непонятных для Плумпы русских слов. Плумпа пишет и о других формах национальной дискриминации: длительная задержка писем, фактическое лишение краткосрочных свиданий (на них обязателен русский язык, которого не знают его деги и жена).

Поэтому, учитывая то положение, что я в Россию из моей родной Литвы был привезен насильственно и что Конституция СССР якобы гарантирует всем нациям равные права, и желая в дальнейшем избегать ложных обвинений на языковом основании, я решил, начиная с 6 июня 1977 г., разговаривать с представителями администрации только на своем родном литовском языке.

В. Каволюнас

Начальнику санчасти Титову

(18 апреля 1977 г.)

После двух недель пребывания на больничном режиме из-за своей давней болезни В. Каволюнас был вызван 31 марта в санчасть, "но майор Федоров не разрешил пойти к врачу и велел сразу идти в рабочую зону, назначил на особо тяжелую работу в лесопилке". Каволюнас описывает симптомы резкого ухудшения своего состояния от этой работы и просит Титова принять меры для его лечения.

(Ни обслуживания, ни лечения, ни диетпитания Каволюнас не получил – Хр.)

В. Каволюнас

Генеральному Прокурору СССР Руденко

(8 мая 1977 г.)

24 года назад я был привезен из Литвы в Россию и помещен в концлагерь для политзаключенных, хотя до тех пор я Россию никогда не видел и никакого ущерба России не причинил. В концлагерях я за 24 года потерял здоровье, стал чувствовать сильные боли в области сердца и в желудке, но добиться лечения не могу, поскольку лечение з/к зависит не от лагерного врача, а от начальника режима майора Федорова.

...Прошу Генерального Прокурора СССР разрешить представителю Международного Красного Креста посетить наш лагерь для констатации положения и для определения надлежащего лечения больным заключенным.

Д. Басараб

В Президиум Верховного Совета СССР

(14 июня 1977 г.)

Не надеясь на то, что Белградское совещание побудит СССР выполнить взятые на себя обязательства, которые традиционно нарушаются этой страной, я счел все-таки своим нравственным долгом протестовать против постоянного циничного пренебрежения основными правами и свободами личности в Сов. Союзе.

* * *

Из интервью с политзаключенным Василием Шовковым

(35 пермский лагерь)

– Считаете ли Вы себя политическим деятелем?

– Нет... Я обыкновенный человек, рабочий, о политике как о профессии не думал. А то, что я являюсь политзаключенным, характеризует лишь государство, заключившее меня в лагерь.

– Вы отказались от советского гражданства?

– Да, я хочу уехать... потому что не знаю, как здесь в СССР быть полезным для Украины, выйдя из лагеря. И потом я хочу иметь семью, растить сытых детей, читать нормальные украинские книги, а не литературу на украинском языке...

– Самое неприятное впечатление в лагерях?

– Я увидел, как разлагаются живые люди, как коверкают душу человека. Люди, боровшиеся за Веру, Родину, Справедливость..., измученные, изверившиеся, начинают служить врагу..., зная, что совершают предательство, не веря ни в какие идеалы коммунизма. Не все, не очень многие, но предадут.

– Самое светлое, самое яркое впечатление?

– То, что, пройдя весь ужас и муки сталинских лагерей, пытки, голод, предательство товарищей и многое другое, есть люди по 25 лет и более несущие под эковским ватником верность Богу и Родине, и этих людей больше.

В защиту политзаключенных

Т. Великанова, А. Лавут, П. Григоренко, Н. Мейман, Ю. Закс, М. Ланда, А. Подрабинек, П. Подрабинек, И. Валигова-Орлова, Т. Осипова, И. Жолковская-Гинзбург, Л. Гинзбург, Т. Хромова, В. Бахмин, И. Каплун

30 октября – День политзаключенных

Сегодня этот день отмечается в четвертый раз. Проблема политических заключенных в СССР есть по сути дела проблема прав человека – уголовному наказанию подвергнуты люди, не совершившие ни политического, ни уголовного преступления в общепринятом смысле этих слов. Они осуждены за слово, за мысль, за веру, за нежелание жить в этой стране.

...

Советские политзаключенные с надеждой и тревогой следят – станет ли защита прав человека действующим принципом международных отношений.

Указав на то, что в тюрьмах и лагерях происходит "гибельное разрушение здоровья заключенных", авторы заявления призывают "Международную Амнистию" и Международный Красный Крест

заявлять о проблеме охраны здоровья советских политзаключенных, добиваться инспекции в лагерях, добиваться передачи заключенным лекарств, права на врачебные консультации и самого элементарного – достаточного и доброкачественного питания.

В заявлении говорится также о том, что важной стороной помощи политзаключенным является преодоление изоляции, которой их подвергают власти, стремясь сохранить в тайне условия их содержания.

(Другие заявления к 30 октября см. в разделе "Письма и заявления".)

Валентина Барладяну

**Украинской группе содействия
выполнению Хельсинкских соглашений**

(20 июля 1977 г.)

Жена Василия Барладяну пишет о фактически закрытом характере суда над ее мужем и предвзятости суда. Она сообщает также:

В результате 4-месячной голодовки жизнь Барладяну в опасности: у него начала отниматься нога. Несмотря на это, он впервые был осмотрен врачом только после окончания суда.

Валентина Барладяну просит Группу для защиты ее мужа предать гласности материалы его дела, а также обратиться за помощью к Международному Красному Кресту.

П. Григоренко

Международному конгрессу психиатров

(26 августа 1977 г.)

Вступитесь за своего коллегу, врача-психиатра Семена Глузмана.

Он заточен в лагерь только за то, что посмел выступить против лживой экспертизы, обрешей меня, здорового человека, на пятилетнее заключение в психиатрической тюрьме.

Требуйте немедленного освобождения Семена Глузмана, с риском для жизни отстаивающего высокое звание врача.

О. Мешко, З. Вивчар

**Начальнику медуправления МВД СССР Струсову
Жалоба**

(10 октября 1977 г.)

Мать и жена Александра Сергиенко пишут:

За участие в голодовке протеста 8 октября с него сняли выписанное санчастью на октябрь месяц лечебное питание и лечение.

Они жалуются и на другие действия врача 36-го лагеря Петрова: 30 мая 1977 г. самовольно снял Сергиенко с туберкулезного учета, допустил, что в марте его с больничной койки отправили на 15 суток в ШИЗО. Они жалуются также на неправильное и ухудшившее состояние Сергиенко лечение в больнице 35 лагеря.

Мешко и Вивчар просят отправить Сергиенко в специализированную больницу, учитывая его нынешнее состояние и диагноз, поставленный ему до ареста: хронический двусторонний диссеминированный туберкулез легких.

П.Г. Григоренко

**Микола Руденко подвергается пыткам!
Открытое письмо участникам Белградской встречи**

(18 октября 1977 г.)

П.Г. Григоренко пишет, что для Руденко, страдающего болезнью позвоночника, являющейся следствием фронтового ранения, тюремный режим — источник постоянных физических мучений, к которым добавляются "моральные пытки": от него добиваются раскаяния и объявления о роспуске руководимой им Группы.

Ему предлагают избавиться от физических мучений и освободиться из заключения ценою лжи и предательства. Об этом он рассказал языком, присущим поэту, — стихотворением, которое, проделав за два месяца длинный и сложный путь, прибыло, наконец, к своему адресату, т.е. ко мне.

...Очевидно, что этими изощренными пытками хотят добиться от М. Руденко, чтобы он засвидетельствовал своим "раскаянием", что жесткий и несправедливый приговор, вынесенный ему и О. Тихому по сфабрикованному обвинению, является правосудным и гуманным.

Григоренко призывает:

Потребуйте немедленного прекращения физических и моральных пыток, применяемых к инвалиду войны, и освобождения из заключения невинно осужденного украинского поэта Микола Руденко и его товарища по процессу Олексы Тихого!

К открытому письму Григоренко прилагает стихотворение Руденко и свой подстрочный перевод:

Так просто все: напишешь покаяние
И получишь право на жизнь.

...

Только десяток вымученных слов,
Которые ты в затмении нашпел,
И нет уже тебя, а есть — тьма,
Есть в человеке спрятанная тюрьма.

Раиса Руденко

**Открытое письмо правительствам стран-участниц
Белградского совещания**

(1 ноября 1977 г.)

Жена Н. Руденко призывает не забывать "за огромными вопросами" мира и безопасности проблемы "судеб и прав людей". Она приводит хронологию преследования членов Украинской группы "Хельсинки", заканчивая ее утверждением приговора Руденко и Тихого в Верховном суде УССР 15 сентября 1977 г.

Но и после утверждения приговора его все еще содержат в Донецкой тюрьме, продолжая духовную пытку. Во время краткого свидания с женой (около 1 часа), которое осуществлялось через двойное стекло с помощью телефона, — ему не разрешили говорить ни о чем, кроме здоровья.

Вместе с тем, другие люди, не имеющие с ним родственных отношений, имели к нему доступ для неограниченного разговора за столом лицом к лицу. Да и говорить им никто не мешал. И все потому, что эти люди предлагали своеобразный торг: стоит Миколе Руденко выступить в печати о роспуске Группы и осудить ее деятельность, как он будет помилован и освобожден! Угрожали также, что если он этого не сделает — то жене его уготована та же судьба!

Муж не получает многих писем, хотя и ко мне они не возвращаются. Я также не получила от него ни единого письма, хотя по закону после Верховного Суда переписка разрешается.

Несколько дней назад я узнала, что администрация Донецкой тюрьмы не отослала письмо, адресованное мне, а вернуло его Миколе Руденко лишь потому, что он написал жене — *по-украински*. Поразительная иллюстрация к разговору о правах человека!

Для Миколы Руденко, инвалида войны, страдающего многими тяжелыми заболеваниями, "каждый день пребывания в заключении грозит гибелью".

Уважаемые господа!

Потребуйте немедленного освобождения Миколы Руденко, Алексея Тихого и других членов Группы!

И. Ковалев

Открытое письмо

(октябрь 1977 г.)

Сын С. Ковалева приводит некоторые сведения о содержании в лагере своего отца: наказание за протест против запрета носить валенки (Хр.44), отсутствие должного лечения, конфискация письма (черновика — Хр.) Генеральному Прокурору, "пропажа" писем, прошедших цензуру. Он пишет о свиданиях (7 июня и 7 октября):

Первое общее свидание было ограничено двумя часами за "плохое поведение" ... жены отца Л. Бойцовой на личном свидании.

Второе свидание также было ограничено двумя часами по неизвестным причинам. На этом свидании мы были вместе с Л. Бойцовой.

Перед "обычным" инструктажем у работника оперчасти нас инструктировал лично начальник колонии Журавков. На этом инструктаже мы получили:

— запрет "передавать грязь из-за границы", "говорить о Сахарове", "говорить от имени других лиц..."

— и разрешение "хоть все два часа говорить о здоровье собственной бабушки".

Законные основания для ограничения темы разговора нам, несмотря на все наши просьбы, представлены не были, мы получили лишь подтверждение, что это личное распоряжение Журавкова.

Подобные условия ставятся перед свиданием и заключенному. Как нам стало известно, отцу было запрещено вообще говорить о переписке, но в этом случае он отказывался от свидания, и запрет был отменен.

Свидание было прекращено через 1 час 50 минут без видимых на то причин. День свидания – 7 октября – был четвертым днем голодовки протеста, приуроченной к началу Белградского совещания.

И. Ковалев заявляет:

Я считаю, что мое молчание означало бы согласие с карательными органами, ... старающимися сохранить свои преступные действия в тайне.

И. Ковалев

Генеральному Прокурору

(28 ноября 1977 г.)

Сообщая об отказе своего отца от права переписки (см. выше), И. Ковалев передает его слова: "Достаточным для него основанием, чтобы возобновить переписку, будет гарантия от Вас, что законность будет соблюдена". Со своей стороны, И. Ковалев просит:

Пять "пропавших" писем прошу изъять из того места, где они "пропали", и разослать адресатам; о письмах, адресованных моему отцу и конфискованных лагерной администрацией, прошу сообщить их отправителям.

Освобождения

5 ноября кончился семилетний срок заключения у Николая Бондаря (Хр. 23, 33, 44). Перед концом срока его из Владимирской тюрьмы этапировали на Украину.

Из Владимирской тюрьмы досрочно выпустили на свободу Владимира Афанасьева (Хр. 33, 36, 44). Конец срока у него был в 1980 г., а не в 1984 г., как сказано в Хр. 44.

Из 19 мордовского лагеря досрочно освободили Антанаса Бурбулиса. Он имел 15 лет за "измену родине". Конец срока у него – в 1979 или в 1980 году. Бурбулис – инвалид (без ноги).

Оттуда же 16 ноября по концу 25-летнего срока освободили Михаила Журавковского (УПА–ОУН).

Из 36 пермского лагеря досрочно, по помилованию, освободили одного из лидеров ВСХСОН а Михаила Садо (Хр. 1, 19, 33). Его тринадцатилетний срок кончился в 1980 г.

Из пермских лагерей досрочно освободили Александра Литвиненко (он имел 5 лет за "антисоветскую агитацию и пропаганду").

14 ноября из лагеря общего режима в Коми АССР по концу трехлетнего срока освободился Юрий Литвин (Хр. 37, 39 и наст. вып.).

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Таруса. 3 августа судья Карпезников вновь (Хр. 46) оштрафовал Нину Строкатову на 20 руб. за то, что она не пустила в дом милиционера Белова, осуществляющего за ней административный надзор. В июле или августе Карпезников получил выговор по партийной линии за то, что "мягко судит". 19 августа, когда Карпезников был в отпуске, очередной милицкий протокол "о неповиновении" рассмотрел судья соседнего (Ферзиковского) района и отказался наложить на Строкатову взыскание.

В начале ноября Строкатовой сделали "предупреждение" по Указу от 25 декабря 1972 г., основанное на материалах обыска, произведенного у нее по делу Гинзбурга (Хр. 44).

Ужгород. Павел Кампов (Хр. 45) все еще не устроился на работу. Он обращался кроме университета, где он преподавал до ареста, и обложено еще во много мест (обувная фабрика, фабрика индпошива, фабрика газовой аппаратуры, пожарное общество, облкниготорг, ДОСААФ) и всюду получил отказ. Директор учебного предприятия № 1 Волошко сказал Кампову: "ЖГБ запретил вас принимать".

Александрия (Кировоградская обл.). 2 августа с Матвюка (Хр.42) сняли надзор.

Львов. 23 сентября, через два дня после возвращения из поездки в Москву, Ивана Алексеевича Кандыбу (Хр. 45) вызвали во Львовскую обл. прокуратуру. Здесь зам. прокурора области Руденко (брат Генерального Прокурора СССР) и начальник областного УКГБ генерал Полудень, высказав различные претензии к его поведению, предложили ему выступить в прессе и телевидении с покаянием. За это ему обещали разрешение жить во Львове и работать по специальности (Кандыба – юрист). Кандыба отказался, и ему тут же было предъявлено постановление о возобновлении надзора – сроком на 6 месяцев. Причины, указанные в постановлении: 1) постоянно отказывается от работы; 2) не проживал по месту прописки; 3) разъезжал по районам и городам Советского Союза. Режим надзора – строже прежнего (быть дома с 20 часов). Прямо из прокуратуры Кандыбу отвезли в с. Пустомыты, где он прописан.

Кандыба обжаловал новое постановление о надзоре, указав, что первая причина ложна – с июня 1977 г. он настойчиво искал работу во Львове, а вторая и третья – неосновательны, так как в том, что он "разъезжал", нет

"антиобщественного образа жизни", о котором говорится в "Положении о надзоре". Очевидно, заявил Кандыба, власти не считают его свободным гражданином.

В Пустомытах Кандыба с трудом нашел себе жилье (прежняя его комната была уже занята) и работу. Он работает кочегаром в школе за 70 руб. в месяц и снимает комнату за 25 руб.

Житомирская обл. 5 сентября Василий Овсиенко, проживающему в с. Ленино (Хр. 44), на полгода продлили надзор. Ему были предъявлены следующие причины продления: 1) поддерживает связь с "антисоветскими элементами, находящимися в местах лишения свободы"; 2) поддерживал связь с Матусевичем и Мариновичем; 3) склонял свою племянницу Людмилу Рябуху давать по делу Матусевича и Мариновича "заведомо ложные показания" (см. "Дело Матусевича – Мариновича" в разделе "Группы "Хельсинки" под следствием").

23 сентября В. Овсиенко написал Прокурору УССР заявление. В этом заявлении он обстоятельно возражает против ответа из прокуратуры Житомирской области на его письмо Прокурору УССР от 8 апреля (Хр. 45), описывает обстановку слежки и угроз, в которой сейчас живет, аргументированно протестует против продления надзора.

Киев. В июне 1977 г. окончилась двухлетняя ссылка (после 5 лет лагерей) Николая Горбала (Хр. 33, 44). После заключения брака его в ноябре прописали в Киеве у жены. При оформлении прописки начальник милиции Печерского р-на г. Киева разговаривал с Горбалем крайне грубо. Горбаль запротестовал: "Почему вы со мной так обращаетесь? Я никого не ограбил и не убил. Я отбыл срок за то, что написал поэму". Начальник ответил ему: "Это что – ограбить, убить. Вон у нас висит целый список таких. А государственный преступник ты в Печерском районе один".

4 декабря Горбала доставили в милицию, чтобы взять отпечатки пальцев.

Киев. Получив этим летом прописку (и адм. надзор) в Киеве (Хр. 46), Надежда Светличная попыталась найти работу по специальности ("украинская филология, преподаватель украинского языка и литературы") или хотя бы близко к специальности. Ей везде отказывали. В частности, ее не взяли "из-за судимости" на должность корректора переводов с русского на украинский в РАТАУ (украинское телеграфное агентство), куда она обратилась по газетному объявлению. Представитель райисполкома сказал Светличной, что работать ей по специальности нельзя, так как она может "залезть в идеологический карман государства", но может быть ей разрешат работать воспитательницей детского сада, где "дети еще маленькие, идеологии не понимают". На некоторые работы (например, на сувенирную фабрику вышивальщицей) ее не берут из-за высшего образования.

После нескольких допросов по делам Руденко, Мариновича, Матусевича, Снегирева в ноябре Н. Светличную начали вызывать в КГБ на "беседы" по материалам ее собственного "досье" (когда она отказывалась

прийти, угрожали применить силу). Ей предъявляли ее "злобно клеветнические" письма в ЦК, в Украинскую группу "Хельсинки", в Президиум Верховного Совета СССР о выходе из гражданства и перевод меморандума № 2 Украинской группы "Хельсинки" ("авторство и непосредственное участие"). На "беседах" Светличной ставили в вину распространение этих документов, устройство "сборищ" на могиле художницы Аллы Горской, организацию колядок и выставки вышивки, подстрекательство молодежи к антисоветской деятельности (в частности, Мариновича и Матусевича). Еще один пункт "обвинения" – неправильное воспитание сына (ему сейчас 7 лет) : ведет при нем нежелательные разговоры, приходила с ним на допрос, возила на свидание в лагерь к брату Ивану Светличному, ездила с ним на суд над Руденко и Тихим. Все это, по словам работников КГБ, может привести к тому, что сына у Н. Светличной заберут и его воспитанием займется государство.

Беседы со Светличной вели следователь республиканского КГБ Линовицкий и работник оперативного отдела Гринчук. В конце ноября они сказали ей, что вскоре сообщат ей итоговый результат этих бесед, возможно, это будет обвинение по ч. 2 ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР).

В ноябре же Светличную дважды судили за "нарушение правил надзора": не имея по месту прописки достаточных бытовых условий, она стала жить у жены своего брата. Судья оба раза приговорил ее к штрафу.

Три (или более) вызова, посланные Н. Светличной из-за границы, доставлены ей не были.

* * *

Чернигов. В письме в Президиум Верховного Совета СССР от 24 августа член Украинской группы "Хельсинки" Лев Лукьяненко описывает условия, в которых он очутился по выходе из лагеря (Хр. 39, 43) : административный надзор, который может в его случае по советским законам продолжаться всю жизнь, перлюстрация писем, подслушивание телефонных разговоров, невозможность работать по специальности (Лукьяненко – юрист), постоянная угроза нового ареста. Письмо кончается так (в переводе с украинского) :

Перспектива работать всю жизнь электриком и осматривать родной край только в границах одного города Чернигова, а тем более новое заключение меня не удовлетворяет, и я

ПРОШУ

разрешить мне выехать из Советского Союза для проживания за его пределами.

Горький. 2 октября у Владлена Павленкова кончился административный надзор (Хр. 42). 3 октября, воспользовавшись передачей объекта, на котором он работал, из одной организации в другую, его уволили с должности машиниста котлов. "Мне диссиденты на теплопункте не нужны, еще, глядишь, воду отравят", – сказал мастер.

В ССЫЛКЕ

В "Хронике" 46 уже сообщалось, что Богдан Чуйко, направленный из 36 лагеря в ссылку в село Бакчар Томской области, являясь инвалидом II группы, не получает пенсии, а также не может добиться перевода ближе к семье или освобождения от ссылки.

Из заявления Украинской группы "Хельсинки" "О судьбе Богдана Чуйко", сделанного в мае 1977 г., эти обстоятельства стали известны более подробно. Комплекс его болезней: нет пальцев на ногах и повреждены пальцы рук, гипертония, атеросклероз, сердечная недостаточность, перенес инсульт, боли в глазах, головные боли, удушье, частые нарушения подвижности конечностей — делают его совершенно нетрудоспособным. Пенсии ему не дают, так как у него нет документов, подтверждающих трудовой стаж, и документов, показывающих, где он получил инвалидность. Все документы медицинского характера (как и бумаги по его "делу") у него забрали в 36 лагере. Лагерная администрация должна была подать в суд материалы об освобождении Чуйко от ссылки, как лица, не могущего себя содержать. Не сделав этого, его положение еще ухудшили, снабдив такой характеристикой:

... Считает себя невиновным. Постоянно жалуется. Враждебно настроен против существующего строя... Оказывал отрицательное влияние на молодых осужденных. Твердо стоит на националистических позициях. Совершенного преступления не осознал и не стал на путь исправления.

В результате над Чуйко установлен административный надзор, и, как он полагает, именно эта характеристика — причина особо жестокого к нему отношения.

Верховный Суд УССР и Президиум Верховного Совета УССР отказали ему в отмене ссылки. Местные власти отказываются помочь едой и одеждой, так как " ... советские законы не допускают применения ссылки к нетрудоспособным инвалидам II группы". Семья также не может посылать ему деньги (жена — пенсионер, дочь — школьница, сын — в армии). На просьбы жены Чуйко о переводе ближе к семье МВД отвечает, что в Тамбовской области нет зоны ссылки (семья Чуйко живет в г. Мичуинске).

Украинская группа "Хельсинки" в своем заявлении требует освободить Богдана Чуйко от ссылки, как незаконного наказания, угрожающего его жизни.

* * *

В начале 1973 г. в с. Росохач Тернопольской области была арестована группа украинских националистов: Андрей Кравец (Хр. 39), Николай Слободян, Петр Винничук (Хр. 39) и Степан Сапеляк (Хр. 33, 42).

Отбыв 4 года лагеря, в двухлетнюю ссылку прибыл Винничук. Его

адрес: Томская обл., Верхнекетский р-н, п/о Белый Яр, пос. Полуде-новка. Там же отбывает двухлетнюю ссылку Кравец, вышедший из ла-герьа на год раньше (Хр. 42). Слободян отбывает ссылку по адресу: Томская обл., Кривошеинский р-н, с. Никольское. Конец ссылки у него в начале 1979 года.

Сапеляк еще находится в лагере (36 пермский). Он перейдет из лагерьа на трехлетнюю ссылку в начале 1978 года.

* * *

Колыма. Когда Василий Стус (Хр. 45, 46) переселился из одной комнаты общежития в другую, его вызвали в милицию в районный центр (130 км пути!), где начальник милиции майор Переверзев начал орать на него: "Режим нарушаешь? Опять в лагерь захотел? Не пустим сюда твоей жены!"

Стус находится под административным надзором.

Его стихи, отобранные у него в лагере (Хр. 42, 44), ему не вернули. Киевское издательство, куда он 10 лет назад сдал рукопись, на его письмо с требованием вернуть ее не ответило. Большинство писем от него и к нему пропадает. Стус дал телеграмму Андропову, в которой написал, что его сотрудники крадут письма.

В результате несчастного случая, происшедшего с ним в шахте, 20 августа Стус попал в больницу, где пролежал 2 месяца. Туда к нему приходил сотрудник КГБ, заявивший, что его утверждение в телеграмме Андропову – клевета и Стус за нее ответит. Во время пребывания Стуса в больнице в его комнате был сделан негласный обыск.

Из письма Стуса другому ссыльному:

...В Мордовии мне было лучше. Здесь – вою, как волк, от одиночества. Но – не сдаемся. ...Против всех вас у меня огромный недостаток: я – украинец, а поэтому испытываю на себе зоологическую ненависть. ...

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

Настоящий раздел составлен по материалам "Информационного бюллетеня" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях – № 2 (10 сентября), № 3 (19 октября) и № 4 (5 ноября).

Казанская СПБ

Женские отделения переведены отсюда в Алма-Атинскую СПБ.

* * *

В мае Николай Григорьевич Плахотнюк (Хр. 46) представлен медицинской комиссией к выписке из СПБ. Его дело послано на решение в Киевский областной суд.

* * *

С июля 1974 г. здесь находится Николай Иванович Баранов (Хр. 18, 27, 39). В августе 1976 г. при свидании с матерью он попросил ее сходить к А.Д. Сахарову за помощью. После этого его в течение трех месяцев кололи препаратами мышьяка. В последний месяц от него перестали поступать письма. Адрес его матери: 196180, Ленинград, пер. Ильича 9, кв. 19.

* * *

В августе 1976 г. сюда переведен из Днепропетровской СПБ Борис Дмитриевич Евдокимов (Хр. 26, 27, 37, 39, 42). В последнее время он жалуется на плохое состояние здоровья. У него хроническая ишемия, астма, диабет и гипертония. В настоящее время он находится в "трудовом" отделении СПБ.

28 октября 1977 г. сын Б.Д. Евдокимова Ростислав Евдокимов (192028, Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина 5, кв. 24) обратился в Комитет по разбору жалоб на применение психиатрии в политических целях при Международной ассоциации психиатров:

Я убежден, что по своему психическому состоянию он не нуждается в принудительном содержании в психиатрической больнице и длительная изоляция в условиях тюремного стационара опасна для его физического здоровья.

Многочисленные жалобы и заявления его родственников в официальные советские инстанции не облегчили его участь.

Прошу Комитет сделать все возможное для освобождения моего отца.

Черняховская СПБ

Михаил Николаевич Жихарев (Хр. 46) был арестован в Сочи 12 сентября 1974 г. Следствие велось по ст. 190-1 УК РСФСР. 7 октября 1974 г. амбулаторная экспертиза, проходившая в Краснодарской тюрьме (врач Бакланов), признала его невменяемым с диагнозом "душевное заболевание в форме психопатии паранойяльного круга с сверхценными идеями и сутяжническими наклонностями". 28 октября народный суд Центрального района г. Сочи (председатель — М.А. Шелихова, обвинитель — В.Г. Чайко, защитник — Н.А. Сорокина) направил Жихарева на принудительное лечение в СПБ.

В Черняховскую СПБ Жихарев прибыл 11 апреля 1975 г. Ему давали нейролептики, что привело к резкому ухудшению его состояния.

Жена Жихарева неоднократно обращалась с жалобами по поводу принудительного лечения ее мужа, но ответа ни разу не получила.

В июле 1977 г. медицинская комиссия представила Жихарева к переводу в больницу общего типа. 17 сентября он был переведен в Краснодарскую центральную краевую психбольницу (ул. Красина 1). Там ему делают инъекции аминазина и сульфозина. Зав. отделением угрожает Жихареву, что если он "не прекратит агитацию", то она снова отправит его в СПБ.

25 сентября мать Жихарева Елена Илларионовна Хумаго (Сочи, ул. Гагарина 27, кв. 35) отправила в Комитет по разбору жалоб на применение психиатрии в политических целях заявление:

...

Я утверждаю, что мой сын здоров, никогда никакими психическими заболеваниями не страдал и ни в каком лечении не нуждается. ...

Я прошу Комитет расследовать дело моего сына и сделать все возможное для освобождения его из психиатрической больницы.

Днепропетровская СПБ

Сюда переведен Иосиф Тереля (Хр. 46). 17 октября С. Каллистратова, Н. Мейман, П. Григоренко и А. Сахаров выступили с заявлением в его защиту (см. раздел "Письма и заявления").

Здесь находится Василий Спиненко (Хр. 33).

Из Ленинградской СПБ сюда переведен Владимир Трифонов (Хр. 26, 34, 39).

Ленинградская СПБ

Сюда после побега из психбольницы общего типа (Хр. 37, 39) помещен Лев Убожко (Хр. 17).

В больницах общего типа

Двоюродная сестра Ю. Белова (Хр. 46) написала заявление, в котором просит выписать его к ней и обязуется создать ему нормальные условия.

Медицинская комиссия Красноярской психбольницы представила Ю. Белова к выписке. Владимирский областной суд вынес определение о снятии с Белова принудительного лечения.

* * *

В июле Владимира Веретенникова (в Хр. 46 он ошибочно назван "Веретниковым") выпустили из Ленинградской психбольницы № 5.

26 октября его вызвали в психиатрический диспансер Октябрьского р-на г. Ленинграда. Там ему сказали, что на время праздников ему для его же пользы необходимо лечь в психбольницу. После этого его принудительно доставили в психбольницу им. Кащенко (под Гатчиной). Веретенникова поместили в палату, в которой больше 30 человек. На прогулки их не выводят "из-за отсутствия медперсонала"

* * *

В июле из подмосковной психбольницы № 5 (на ст. Столбовая) выпустили Владимира Авраменко (Хр. 44) и Сергея Мусатова (Хр. 44).

6 октября был подвергнут насильственной госпитализации в Могилевскую психиатрическую больницу Михаил Кукобака, работавший грузчиком на одном из заводов Бобруйска.

Протестуя против сфабрикованного в прошлом психиатрического диагноза, М. Кукобака отказался стать на учет в психиатрическом диспансере и являться по вызовам психиатра.

Кукобака – автор распространившихся в Самиздате разоблачительных заметок о Сычевской спецпсихбольнице, статьи "Защита прав человека и разрядка – неделимы" (Хр. 45), а также открытого письма к министру здравоохранения СССР Петровскому.

В апреле 1977 г. он подал в Президиум Верховного Совета СССР заявление, в котором просил лишить его советского подданства и дать разрешение на эмиграцию.

Поводом для настоящей госпитализации послужил отказ Кукобаки снять повешенные им над своей кроватью в заводском общежитии небольшую икону, Всеобщую декларацию прав человека и портреты А.Д. Сахарова и П.Г. Григоренко.

Кукобака находился в 3 отделении Могилевской областной психбольницы, в строгой изоляции, без вывода из помещения. Его лечащий врач, она же зав. отделением, Надежда Матвеевна Драбкина заявила ему: "Вывешивание иконки и портретов таких людей, как академик Сахаров и генерал Григоренко, противоречит общепринятым у нас нормам поведения и потому является ненормальностью". Драбкина сочла также психической аномалией желание Кукобаки приобрести портрет Президента США Картера.

Кукобаку заставляли принимать нейролептики.

15 октября Виктор Некипелов послал прокурору Могилевской области заявление:

...

Прошу ... произвести тщательную проверку законности настоящей госпитализации и в случае такой же ее безосновательности, как и в ноябре 1976 г. (что я и предполагаю) принять меры к немедленному освобождению М.И. Кукобаки.

16 октября Александр Подрабинек обратился к главному врачу больницы:

...

Рабочая комиссия считает принудительную госпитализацию Кукобаки случаем использования психиатрии в репрессивных политических целях и ставит Вас в известность, что если в ближайшее время Кукобака не будет освобожден, то Комиссия будет вынуждена обратиться в специальный Комитет при исполкоме Международной ассоциации психиатров...

20 октября В. Некипелов и А. Подрабинек совместно выступили с письмом "В защиту Михаила Кукобаки":

... Кукобака был опасен для властей своим влиянием на других рабочих, которым он давал наглядный урок, как следует бороться за свои права. Живя в общежитии, вращаясь в заводском коллективе, Кукобака был нежелательным бродильным началом, своеобразным центром кристаллизации независимого общественного мнения. Этого режим не мог ни понять, ни простить.

...

Положение усугубляется тем, что Кукобака — один, у него нет родных, а раз так — по советским законам некому даже защитить его права.

...

Мы обращаемся к зарубежному общественному мнению, к ассоциации зарубежных психиатров, к участникам недавнего съезда на Гавайских островах с призывом о заступничестве.

Свободу Михайлу Кукобаке!

5 ноября Александр Подрабинек обратился в Комитет по разбору жалоб на применение психиатрии в политических целях с просьбой расследовать дело о принудительной психиатрической госпитализации Кукобаки.

25 ноября Кукобаку выпустили из больницы.

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Ленинград. В мае 1977 г. старшему лаборанту НИИ математики и механики Ленинградского университета Сергею Левину предстояла внеочередная перееаттестация (Хр. 45).

В апреле профорг его лаборатории младший научный сотрудник Андрей Григорьевич Филиппов отказался подписать характеристику на Левина, подготовленную руководством лаборатории, считая эту характеристику необъективной. (Позднее Комиссия по трудовым спорам ЛГУ признала претензии, предъявленные Левину руководством лаборатории, необоснованными; объявленный ему выговор был отменен.) Заведующий лабораторией В.М. Чебанов сказал Филиппову, что его отказ повлечет неблагоприятные для него последствия.

В июне перееаттестация предстояла уже самому Филиппову. В выданной ему характеристике было сказано, что он совершил ряд поступков, свидетельствующих о политической незрелости. Тем не менее по результатам отчета Филиппова о своей научной работе лаборатория рекомендовала переизбрать его.

Перееаттестация Филиппова была перенесена с июня на сентябрь. Ему было предложено повторить свой отчет. Научный руководитель отказался участвовать в повторном обсуждении его работы. На этот раз лаборатория не рекомендовала его к переизбранию.

28 сентября Филиппов написал в Ученый Совет математико-механического факультета ЛГУ заявление. Описав случившееся, он заключает:

... Необходимо отметить, что за все время работы я не имел никаких претензий со стороны администрации и научного руководства, а напротив систематически (каждый год) за успешную разработку порученной мне тематики получал премии. Кроме того, в заключении лаборатории сознательно умалчивается о том, что мною подготовлены к печати две статьи, одобренные моим научным руководителем, а также сотрудниками лаборатории.

Таким образом, отрицательный характер заключения конкурсной комиссии, представляемого вам, связан не с моей малой научной продуктивностью, а с приписываемой мне "политической незрелостью".

29 сентября Ученый Совет 23 голосами против 7 решил не переизбирать Филиппова на следующий срок. Выступая на обсуждении, зам. декана факультета Волков мотивировал предложение "не переизбирать" необходимостью оберегать студентов от дурного идеологического влияния.

Левин пока со своей должности не уволен.

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Нижний Тагил. В мае этого года здесь был арестован Сергей Корехов (Хр. 41). Ему 21 год. В 1973 г. за изготовление листовок он был осужден по ст. 70 УК РСФСР на 3 года лагерей строгого режима. Наказание отбывал в 36 пермском лагере.

И на этот раз Корехову инкриминировались листовки. Он напечатал их на украденной пишущей машинке и расклеивал по городу. Листовки содержали протест против ареста А.И. Гинзбурга, протест против положения политзаключенных в Советском Союзе, призывы общедемократического характера.

Летом по делу Корехова на Урале допросили бывших заключенных пермских лагерей Давиденко (Хр. 33, 41), Пестова (Хр. 33, 41, 45), Узлова (Хр. 33, 45). По этому же делу в августе в Горьком допросили бывшего политзаключенного С. Пономарева (Хр. 13, 15, 32), его жену Е. Пономареву и С. Павленкову (Хр. 42).

В сентябре в Нижнем Тагиле состоялся суд. Приговор – 6 лет лагерей строгого режима.

Душанбе. Через 4 с половиной месяца после подачи кассационной жалобы по делу Амнера Завурова (Хр. 44) его отцу сообщили, что приговор оставлен в силе.

На надзорную жалобу адвоката ответа нет более 5 месяцев.

Латвия. Художник Юргис Скулме (1928 г. р.) был осужден по ст. 183-1 УК Латв. ССР (= 190-1 УК РСФСР) к 2,5 годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду. Его "заведомо ложные измышления" состояли в том, что в своих личных письмах за границу

он "клеветал на политику партии и руководство Союза художников". Скулме направлен работать на стройку.

Москва. В конце октября в Московскую группу "Хельсинки" вошли Татьяна Семеновна Осипова (123056, Москва, 2-я Брестская ул. 43, кв. 90) и Виктор Александрович Некипелов (г. Камешково Владимирской обл.).

Киев. 2 октября члена Украинской группы "Хельсинки" Петра Винса задержали на улице и доставили в Киевское УКГБ. Там майор Изергин сказал ему, что, если он не прекратит заниматься своей деятельностью, против него возбудят уголовное дело. В конце полуторачасовой беседы Изергин вручил П. Винсу повестку на 10 октября и сказал, что в этот день он должен будет дать ответ: намерен ли он в дальнейшем заниматься антисоветской деятельностью. Изергин пригрозил в случае неявки применить привод и устроить беседу в присутствии прокурора и с вызовом матери. В назначенный день П. Винс в УКГБ не пошел.

Киев. 2 октября Оксану Яковлеву Мешко посетил американский юрист Бэртон Холл. Он сообщил Оксане Яковлевне, что по просьбе проживающей в США Майи Грудко, кузины ее сына Александра Сергиенко, он взял на себя его защиту. Во время беседы Холла с Мешко в дом вошел милиционер, объявивший, что он проверяет выполнение паспортного режима. Посмотрев документы Холла, он сказал, что иностранцам здесь находиться нельзя, и потребовал, чтобы Холл немедленно удалился, что тот и сделал. За два дня до этого Холла 12 часов продержали на Киевской таможне. У него отобрали черновик его заявления в защиту Сергиенко, письмо Леонида Плюща и заявление видного американского юриста Рэмси Кларка (Хр. 46) в защиту Руденко и Тихого.

Киев. Во время "конституционной сессии" Верховного Совета СССР в институтах Академии Наук УССР установили ночные дежурства.

В ночь с 6 на 7 октября на улицах города дежурили 3000 "общественников". Их предупредили, что по имеющимся данным в эту ночь будут расклеивать листовки и писать плакаты.

Одесса. 29 июня Одесский областной суд вместе с приговором по делу Барладяну вынес частное определение в отношении учительницы средней школы № 130 А.В. Голумбиевской (Хр. 46).

Голумбиевская обжаловала в кассационном порядке частное определение, указав, что в нем не приведено ни одного факта ее "незаконных действий" или "неправильного поведения", способствовавших, согласно определению суда, "преступным действиям Барладяну". Не обоснована также ссылка на беседы "вышеуказанного характера", которые якобы вели между собой Голумбиевская и Барладяну, так как никто из близких им людей, кто мог бы такие беседы слышать, не только не давал в суде подобных показаний, но и вообще не был допущен в зал суда.

Верховный Суд УССР 25 августа отменил решение облсуда о направлении частного определения в среднюю школу № 130 и в РОНО "для реагирования" и постановил провести следствие на предмет возбуждения против А.В. Голумбиевской уголовного дела.

30 августа Голумбиевской в КГБ сделали "предупреждение" по Указу от 25 декабря 1972 г. Голумбиевская отказалась подписать его, заявив, что не считает свою деятельность противозаконной и имеет право на собственные взгляды и убеждения и на их высказывание. Она заявила также, что и впредь будет подписывать заявления в защиту тех, кто в такой защите нуждается.

Одесса. В августе рабочих мастерских, где работает Леонид Серый (Хр. 42), вызывали для "беседы" и предлагали им подписать заявления о распространении Серым в устной форме "клеветнических измышлений, порочащих ...". В характеристике Серого, которую администрация мастерских дала для КГБ, написано:

Политические мероприятия, проводимые в нашей стране, всячески игнорирует, выражая недовольство существующему социалистическому строю и порядкам, требуя выезда в США, Францию, Канаду.

9 августа из детской поликлиники были изъяты истории болезней детей Серых, а из районной поликлиники — история болезни Л. Серого.

12 сентября Валентину Серую (Хр. 42, 45) сняли с автобуса, едущего в Киев.

3 ноября майор КГБ Шигановский сделал Серому "предупреждение" по Указу от 25 декабря 1972 г. Он назвал также в качестве "антисоветчиков" Голумбиевскую, Даниелян, Игрунова, Тымчука.

Серый отказался подписать протокол предупреждения.

* * *

Одесса. 13 октября два человека в штатском подошли в вагоне поезда Киев — Одесса к Вячеславу Игрунову (Хр. 40) и попросили его предъявить документы. Основания? Какой-то похожий на него человек похитил чемодан. По просьбе Игрунова один из подошедших предъявил удостоверение капитана милиции В.П. Хвещенко. Другой — категорически отказался, заявив, что удостоверения Хвещенко достаточно. Однако именно этот анонимный "другой" руководил всем последующим. (Хвещенко позднее сказал про него, что он работает в "другой организации".)

Был проведен обыск вещей (без всяких понятий). Обнаружив отпечатанное на машинке письмо, обыскивающие на ст. Фастов сняли Игрунова с поезда. Там, уже в присутствии понятых, его вещи снова обыскали. Собирались перейти к личному обыску, но потом договорились о "компромиссе": личного обыска не было и часть изъятых бумаг Игрунову вернули; он, со своей стороны, не требовал протокола. Игрунов написал "объяснительную записку", в которой указал, что в результате обыска, проведенного без ордера, у него были изъяты такие-то бумаги (адрес П. Винса и письмо Н. Горбаневской). После этого Игрунова отпустили.

28 октября домой к Игрунову приехала карета скорой помощи с милиционером и сестрой из психдиспансера. Сестра предъявила предписание госпитализировать Игрунова ввиду "ухудшившегося состояния здо-

ровья". Родственники Игрунова резко возражали, однако скорая помощь уехала только после того, как мать Игрунова дала расписку, что 31 октября они вместе придут в диспансер.

31 октября врач Тимошкина в диспансере сказала матери Игрунова, что его нужно госпитализировать независимо от состояния его здоровья, так как он "досрочно был выписан из больницы" (с принуждения — Хр. 44). Когда мать не согласилась, Тимошкина сказала, что Игрунов будет госпитализирован без ее согласия, насильно.

Мать Игрунова написала главврачу диспансера, что она как врач-психоневролог может судить о состоянии здоровья своего сына, что никаких медицинских показаний для госпитализации сейчас нет и поэтому насильственная госпитализация противоречила бы юридическим и медицинским нормам. Она заявила, что пришло время пересмотреть вопрос о "болезни" сына.

Главврач, пригласив Игрунова с матерью к себе, принес извинения за случившееся, обещал, что это не повторится и что диспансер будет хлопотать о снятии Игрунова с психиатрического учета. Пока же главврач просил Игрунова раз в два месяца приходить в диспансер. Игрунов, как и при выписке из психбольницы, дал согласие.

Орехово-Зуево (Московская обл.). 14 октября сотрудник местного отдела КГБ В.И. Чеченев, прибыв к проходной одного из предприятий, пытался вручить инженеру Владимиру Тюлькову (Хр. 46) повестку о явке в КГБ. Последний, сославшись на незаконность вызова, в категорической форме отказался принять повестку. 21 октября В. Тюльков был вызван в городскую прокуратуру, где в присутствии зам. прокурора Задорожного тот же Чеченев зачитал ему официальное предупреждение по Указу от 25 декабря 1972 г.

Тюльков подписать протокол предупреждения отказался и объявил эти действия незаконными.

* * *

В середине июля в харьковской газете "Красное знамя" была напечатана статья Н. Соловьева "Жизнь в отказе". В статье упоминается и.о. секретаря советской секции "Международной Амнистии" москвич Владимир Альбрехт. О нем пишется, в частности, что он — шизофреник.

В начале августа Альбрехт послал в редакцию газеты протестующее письмо:

... Я не состою на учете в районном психиатрическом диспансере, я не страдал никогда в прошлом психическими расстройствами, но, даже если бы это было не так, любое распространение слухов в печати о психическом заболевании человека не должно считаться делом нормальным. ...

Он просит редакцию сообщить ему, с какой целью это сделано. Ответа не последовало.

В начале сентября Альбрехт обратился в Харьковскую областную про-

куратуру с просьбой разъяснить сотрудникам редакции их обязанность отвечать на письма.

* * *

Ленинградец Лев Конин (Хр. 45, 46) получил вызов из психиатрического диспансера, в котором он состоит на учете.

* * *

В августе 1977 г. психиатр из Грузии Автандил Папиашвили стал невозвращенцем.

* * *

25 июля судья народного суда Фрунзенского района г. Владимира В.А. Корчагин отказался принять к рассмотрению иск Евгения Пашнина (Хр. 43), отбывающего ссылку в Воркуте, к Владимирской тюрьме по поводу повреждения администрацией тюрьмы книг при досмотре. Причина отказа — "за неподведомственностью судебным органам" (ср. с исками Сусленского и Любарского в Хр. 46).

* * *

В сентябре-октябре 1977 г. сотрудникам СЭВ, Министерства иностранных дел, Министерства связи и Министерства внешней торговли читали закрытое письмо ЦК, в котором говорится о необходимости выявлять тайных диссидентов и сионистов.

* * *

Академик Сахаров и жена А. Щаранского Наталья Штиглиц получили премию Международного комитета по борьбе с клеветой за 1977 год.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

М.А. Морозов

Руководству итальянской компартии

(5 августа 1977 г.)

Автор просит помочь Ю. Орлову, А. Гинзбургу, А. Щаранскому. Он предлагает, в частности, чтобы ИКП послала на процессы в качестве наблюдателя итальянского адвоката.

В. Турчин

Руководству итальянской компартии

(3 октября 1977 г.)

Поддерживая письмо М.А. Морозова (см. выше), автор напоминает, что кроме тех троих, кого назвал Морозов, суда ждут Маринович, Матушевич, Гамсахурдиа, Костава, Пяткус, Серебров. Он выражает надежду, что провозглашение еврокоммунистами принципиальной важности прав

человека — это начало новой политической линии, которая приведет к выработке форм подлинной социалистической демократии.

Б.Л. Альтшулер

Еврокоммунизм и права человека. Заявление прессы

(18 октября 1977 г.)

Автор — кандидат физико-математических наук, москвич.

Основная мысль заявления: разрядка предоставила широкие возможности для защиты прав человека, но эти возможности партиями еврокоммунизма не реализуются; пассивность этих партий является опасным симптомом того, что идеологические догмы и партийные интересы попрежнему важнее для них, чем гуманность и право.

Л. Регельсон

Обращение к участникам Белградской конференции

(16 сентября 1977 г.)

Автор поднимает вопрос о праве на свободу труда. Считая принудительный труд в местах заключения и принуждение свободных граждан к труду в государственном секторе экономики нарушением Заключительного акта Хельсинкского совещания, он предлагает рассмотреть этот вопрос на Белградской конференции.

75 подписей

Главам государств-участников Белградской конференции

(27 сентября 1977 г.)

О притеснениях евреев, еврейского языка, еврейской культуры, иудейской религии в СССР. Об ущемлении права на эмиграцию. О положении отказников.

Подписавшие заявляют, что 16 октября они начнут трехдневную голодовку протеста против продолжающегося ущемления прав еврейского национального меньшинства в СССР.

Под письмом отдельно стоят 52 подписи тех, кто поддерживает письмо, но в голодовке по медицинским соображениям участвовать не будет.

127 подписей

Участникам Белградской конференции

В письме сообщается, что "в области репатриации евреев царит полный административный произвол", и формулируются требования, "направленные к установлению законности в этой области".

Авторы письма считают, что:

... разрешение на репатриацию должно даваться по заявлению желающего без предъявления вызова от родственников...

... при отказах в связи с госбезопасностью репатриант должен иметь право знакомиться с заключением экспертов и представлять свои возражения...

... должны быть объявлены максимальные сроки задержания при разных категориях секретности и условия, определяющие возможность выезда в случаях, не связанных с соображениями госбезопасности...

... при отказе репатриант должен получить письменный ответ с указанием

- конкретной причины отказа, основанной на законе;
- срока задержки или условий, определяющих возможность выезда.

Авторы письма просят участников совещания поддержать их требования,

... чтобы запросы родителей о материальных претензиях к уезжающему осуществлялись самими органами выезда и незамедлительно, чтобы разрешение споров по материальным претензиям производилось в суде по заявлению любой из сторон...

... чтобы решения об отказе можно было обжаловать в судебном порядке...

... чтобы был установлен следующий порядок:

а. репатриант может привлекаться к воинской службе только в условиях, не связанных с секретностью, по окончании срока службы должна обеспечиваться возможность репатриации без всякой задержки;

б. репатриант, подавший заявление о выходе из гражданства СССР, к военной службе привлекаться не должен...

... чтобы был установлен порядок, при котором репатриант и члены его семьи после подачи заявления на выезд не могли быть переведены на работу с условиями труда худшими, чем до подачи.

Письмо напоминает участникам совещания о том, что репатриация евреев из Советского Союза сопровождается репрессиями: в тюрьмах и лагерях особого и строгого режима находятся осужденные на "самолетных процессах" Дымшиц, Кузнецов, В. и И. Залмансоны, Федоров, Хнох, Мурженко, Менделевич, Пэнсон, Бутман, Коренбит; по специально созданным уголовным делам отбывают наказание Глезер, Завуров, Левинзон (осужден за спекуляцию — Хр.), Школьник, Малкин, Сильницкий; в ссылку отправлены Нашпиц, Цитленок, Бегун.

Особое внимание уделяют авторы письма делу Анатолия Щаранского. Они пишут:

... Предметом судебного разбирательства по статье "за измену родине" стали такие законные действия, как обращения и письма евреев к советским властям и Западу, посвященные различным аспектам эмиграции, встречи с иностранными общественными и поли-

тическими деятелями, интересующимися вопросами репатриации евреев, обсуждение наших проблем с иностранными корреспондентами, а также любая информация о произволе и беззаконии, попавшая на Запад.

А. Лернер

Открытое письмо Л.И. Брежневу

Письмо начинается словами:

Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Я писал Вам в 1975 г. о необходимости смягчить эмиграционную политику и о том, что, по моему мнению, это не только в интересах эмигрирующих, но также и в интересах Советского государства. И хотя я лишь дилетант в политике, мои оценки ожидаемых событий оказались правильными, а последствия жесткой линии и произвола в вопросах эмиграции — весьма серьезными.

Далее Лернер пишет, что нарушение Советским Союзом обещаний более гуманного отношения к эмиграции сказалось на разрядке международной напряженности, на престиже СССР, на отношениях КПСС с рядом западных компартий, на авторитете советской пропаганды.

... Такая политика, однако, не только осуждается за ее жестокость, она еще удивляет своей бессмысленностью и близорукостью.

Лернер высказывает сомнение в разумности и дальновидности поступков властей в отношении многих конкретных отказников. Особенно он выделяет дело Анатолия Щаранского. Он пишет:

Все жестокости и несправедливости, творимые злыми и тупыми исполнителями, будут связывать не с их именами. Их не вспомнят. Но все это ляжет черными пятнами на красное знамя и войдет мрачными страницами в Вашу биографию.

Лернер предполагает, что ответом на это письмо могут быть репрессии; после того, что о нем писали в "Известиях" и в "Вечерке", он имеет основание ожидать "любого беззакония, любого произвола по отношению к себе и своей семье".

... Но меня уже невозможно запутать. Мне 64 года, и я прожил интересную и плодотворную жизнь... мне удалось оставить определенный след в науке, воспитать много учеников, среди которых ряд ведущих теоретиков науки об управлении, опубликовать более полутора ста книг и статей, которые переведены на многие языки... У меня есть много друзей здесь, а также миллионы доброжелателей в других странах. И всего этого у меня не может отнять никто, даже всемогущий КГБ. Так что сейчас мне уже не страшен любой исход моего Исхода...

Парламентам всех стран,
подписавших Заключительный Акт Конференции в Хельсинки
Обращение

(27 сентября 1977 г.)

2 года назад подписан Заключительный Акт Конференции в Хельсинки. Его историческое значение – провозглашение неразрывной связи международной безопасности и открытости общества, т.е. свободы передвижения людей через государственные границы, свободы информационного обмена, свободы убеждений.

Готов ли Запад защищать эти высокие и жизненно важные принципы? Или он готов постепенно и поэтапно, втихомолку принять ту трактовку принципов Хельсинки и разрядки в целом, которую стремятся навязать руководители СССР и Восточной Европы?

...Я напоминаю тут о преследованиях за религиозную деятельность, об отказе на эмиграцию пятидесятиникам и баптистам, многим немцам и евреям, людям других национальностей, о репрессированных за их гуманную и законную деятельность Ковалеве, Глузмане, Винсе, Романюке, Солдатове, Огурцове, Семеновой, Сергиенко, Кийренде, Осипове, Суперфине, Гаюскасе, Черноволе, Рубане и сотнях других, я напоминаю о страданиях за попытку покинуть страну. Чрезвычайно тревожный факт – репрессии за сбор и публикацию материалов о нарушениях гуманитарных статей соглашения в Хельсинки, за организацию групп содействия выполнению Соглашения в Хельсинки и членство в них.

Чудовищно жестокие приговоры Руденко и Тихому, вынесенные при нарушении гласности и права на защиту, арест Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Мариновича, Матусевича, Гамсахурдиа, Коставы, Сереброва, Пяткуса, ссылка М. Ланды – не просто очередное нарушение права на свободу убеждений, а вызывающий акт со стороны советских властей, испытание твердости Запада в защите провозглашенных в Хельсинки принципов.

... Я особо обращаюсь к Конгрессу США. Президент США, опираясь на огромную мощь и влияние этой страны, опираясь на ясно выраженную волю и традиции свободолюбивого народа, провозгласил защиту прав человека во всем мире моральной основой политики США. Сейчас необходимо активно поддержать эти принципы.

Сейчас мы переживаем такой момент истории, когда решительная поддержка принципов свободы убеждений, открытости общества, прав человека является абсолютной необходимостью. Альтернатива – капитуляция перед тоталитаризмом, потеря всех ценностей свободы, политическая, экономическая и нравственная дегра-
дация.

Сегодня Запад, его политические и идеологические руководители, его честный и свободный народ могут не допустить этого.

27 сентября А.Д. Сахаров передал "Обращение" западным журналистам, в частности, корреспонденту "Нью Йорк Таймс". 30 сентября и 3 октября он посетил посольства США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Нидерландов, Австрии и Норвегии и передал ответственным сотрудникам этих посольств свое "Обращение" для передачи в парламенты.

* * *

4 октября, в день открытия Белградской конференции, газета "Нью Йорк Таймс" напечатала неполный и искаженный текст "Обращения" как статью Сахарова под придуманным редакцией заголовком. В тот же день статья была изложена в русской передаче "Голоса Америки".

15 октября А.Д. Сахаров написал редактору "Нью Йорк Таймс" письмо (копии – редактору газеты "Геральд Трибюн", перепечатавшей статью, и "Голосу Америки"), в котором сформулировал необходимые исправления и попросил это письмо опубликовать. В частности, Сахаров предложил восстановить заглавие (обращение к парламентам, а не статья в газету) и восстановить текст о преследованиях и о репрессированных людях. Он пишет:

... В газете опущены все фамилии, кроме пяти фамилий членов Хельсинкской группы, и недопустимым образом искажен общий смысл абзаца. Борьба и страдания Ковалева и других, упомянутых мною, заслуживают более уважительного отношения. Мы здесь убеждены, что упоминание в прессе и по радио конкретных людей очень важно, имеет реальный практический смысл. Любой западной редакции доступны материалы об упомянутых мной и о других инакомыслящих (напр., они есть в издательстве "Хроника Пресс", Нью Йорк), при желании прокомментировать мой текст сделать это очень легко.

Письмо заканчивается так:

Я придаю исправлениям допущенных искажений принципиальное значение. Подобные эпизоды с публикациями моими и других диссидентов происходят слишком часто. Мы здесь ведем трудную борьбу за гласность, сопровождающуюся тяжелыми жертвами. Недопустимо, когда искажение наших голосов, так трудно доходящих до Запада, лишает нас, хотя бы частично, плодов этой борьбы.

Е. Боннэр, П. Григоренко, Н. Мейман

**Белградскому совещанию
по проверке выполнения Соглашения в Хельсинки**

(ноябрь 1977 г.)

Члены Московской группы "Хельсинки" пишут:

Мы с напряженным вниманием следим за ходом Совещания в Белграде. Чрезвычайно важна начавшаяся на Совещании дискуссия по гуманитарным статьям Заключительного акта Конференции в Хельсинки.

... Мы особо подчеркиваем, что 7 статья первого раздела Заключительного Акта содержит прямую ссылку на Всеобщую декларацию прав человека и Международные пакты о правах. Тем самым на Белградское совещание возлагается не только право, но и обязанность рассмотреть нарушение прав человека в полном объеме, предусмотренным этими документами, вне зависимости от того, что некоторые положения не повторены в других разделах Акта.

... Мы считаем очень важным, чтобы дискуссия на Белградском совещании по правам человека не ограничилась общими формулировками и более или менее случайно попавшими в поле зрения Западных делегаций нарушениями прав человека, иногда очень важными, а иногда и второстепенными. Необходима принципиальная оценка положения в целом, с использованием всего доступного делегациям массива информации, в частности, 23 документов, составленных Группой содействия выполнению Соглашений Хельсинки в СССР. Необходимо предусмотреть широкие меры для исправления как недостатков общего характера, так и *всех* существенных конкретных нарушений.

Далее авторы перечисляют проблемы прав человека, которые, по их мнению, должны быть рассмотрены в Белграде.

Полное согласие с текстом письма выразили А. Сахаров, Т. Великанова, А. Лавут, В. Борисов, члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР свящ. Г. Якунин, В. Хайбулин, В. Капитанчук и представители Свободных адвентистов Р. Галецкий, В. Шелков.

* * *

Э. Арутюнян, Р. Назарян, С. Осян

**Представителям стран на Белградской конференции.
Соотечественникам — армянам**

(10 июля 1977 г.)

Члены Армянской группы "Хельсинки" (Хр. 46) рассказывают о преследованиях, которым они подвергаются. Описано несколько незаконных задержаний с личными обысками, давление на членов семей, притеснения в учебных заведениях и на работе (также распространяющиеся на род-

ственников), угрозы, клевета в печати (фельетон "Ложный пророк" о дьяконе Роберте Назаряне, опубликованный 5 мая 1977 г. в газете "Советакан Айастан").

Мы обращаемся к армянскому народу в СССР и за рубежом, к его политическим, экономическим, социальным, гуманитарным, культурным организациям, к армянской церкви и призываем встать на защиту Армянской Хельсинкской группы. Мы особо обращаемся к четырем действующим на Западе армянским партиям и анархо-социалистической организации, взявшей на себя обязательство об оказании помощи армянам-патриотам во всех странах, и просим вынести свое порицание советским органам и оказать нам помощь и моральную поддержку.

Мы не желаем конфронтации армянского народа с советским правительством, но заявляем, что продолжим нашу борьбу за гражданские и политические права.

Р. Руденко

Открытое письмо правительствам стран-участниц Белградского совещания – 77

(1 ноября 1977 г.)

Жена Николая Руденко призывает потребовать освобождения ее мужа, А. Тихого и других арестованных членов Украинской группы "Хельсинки".

Л. Копелев

Письмо профессору И.И. Стебуну

(26 ноября 1977 г.)

Автор просит проф. Стебуну, выступившего свидетелем на процессе Руденко-Тихого (Хр. 46), ответить на следующие вопросы:

1. Действительно ли Вы охарактеризовали Руденко и Тихого, как "антисоветчиков", врагов государства и общества?
2. Какие именно ФАКТЫ и какие КОНКРЕТНЫЕ соображения дали Вам основание стать свидетелем обвинения в УГОЛОВНОМ процессе против поэта Руденко и педагога, публициста Тихого?
3. Считаете ли Вы, что они заслуженно осуждены на многолетнее строгое заключение? (Вам, вероятно, известно, что для Руденко это грозит смертью.)
4. Помните ли Вы, как вел себя Руденко в годы травли "космополитов", которая, кажется, затронула и Вас?
5. Давно ли Вы знаете М. Руденко и О. Тихого и как относились к ним раньше?
6. Помните ли Вы, что Вы говорили и писали о Максиме Рыльском в 1937-1938 гг. и насколько это отличается от того, что Вы же писали о нем позднее? Не задумывались ли Вы о том, что Ваши отзывы о Руденко и Тихом тоже придется пересматривать?

7. Как Вы, уже немолодой литератор, представляете себе свою будущую – посмертную репутацию? Может быть, Вас вообще никогда не занимал этот вопрос?

Г. Владимов

В Правление Союза писателей СССР

(10 октября 1977 г.)

Вы не пустили меня на книжную ярмарку во Франкфурт-на-Майне, куда меня пригласило Норвежское издательство "Тильден-даль"... трудно ... объяснить г-ну Гордону Хельмбакку, главному редактору, наивно меня пригласившему, что мой союз, добровольный творческий союз единомышленников, может утаить приглашение и не отвечать на мои запросы, может не пустить автора встретиться со своим издателем, с читателями, с книгой.

... Когда на Западе появилась и стала распространяться моя повесть "Верный Руслан", вы спохватились, многого ли достигли долгим битьем "Трех минут молчания", ... вы сочли ошибкой и саму травлю, и статус "неудобного", каким я всегда для вас был, и вы призвали меня – "вернуться в советскую литературу"... Я мог бы попросить г-на Хельмбакка переписать пригласительное письмо, чтобы никакой "Руслан" не упоминался,... но для меня бы это означало: отказаться от собственной книги; на унижение я не пойду. И так как вам не расстаться с вашей природой, а мне – с моей, то это мое письмо к вам – последнее.

Отдавали вы себе отчет, куда призывали "вернуться"? ... Туда, где по семи лет дожидаясь издания книги, после того как ее напечатал первый журнал в стране ...? Где любой полуграмотный редактор и после одобрения вправе требовать любых купюр...? И где независимый суд в 90 случаях из 100 ... примет сторону государственного издательства... ?

... Десять лет назад, в письме IV-му съезду, я говорил о наступлении эпохи Самиздата – и вот она кончается, другая идет, куда более продолжительная, эпоха Тамиздата ...

... Вы предлагаете мне "определиться", сделать выбор – но, боюсь, он не между Тамиздатом и Тутиздатом, он – между читателем и вами. ...

... Вот предел необратимости: когда судьбами писателей, чьи книги покупаются и читаются, распоряжаются писатели, чьи книги не покупаются и не читаются.

... Оставаясь на этой земле, я в то же время и не желаю быть с вами. Уже не за себя одного, но и за всех, вами исключенных, "оформленных" к уничтожению, к забвению, пусть не уполномочивших меня, но, думаю, не ставших бы возражать, я исключаю вас – из своей жизни.

... Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны и призваны – давите, преследуйте и "не пушайте". Но – без меня.

Билет № 1471 возвращаю.

В. Войнович

Членам клуба "Бригантина"

(2 ноября 1977 г.)

Несколько лет назад Владимир Войнович получил от членов литературного клуба "Бригантина", созданного при школе № 7 г. Артемовска (Ворошиловградская обл.), сообщение об избрании его почетным членом клуба. После этого Войнович регулярно получал от членов "Бригантины" поздравления с праздниками. 1 ноября 1977 г. он получил следующее письмо, подписанное директором школы № 7 и двенадцатью школьниками — членами клуба:

Гр-ну Войновичу В.Н.

Из передач зарубежных радиостанций и из сборника Союза писателей нам стало известно, что Вы исключены из Союза писателей за антисоветскую деятельность.

Мы также возмущены Вашим "творчеством" и считаем, что после этого Вы недостойны быть членом литклуба "Бригантина", о чем уведомляем Вас.

В ответном письме школьникам Войнович, в частности, пишет:

... Около четырех лет тому назад (вы поздно спохватились) я действительно был исключен за деятельность, которую правильнее назвать литературной и общественной, то есть за то, что старался писать по способностям, а жить по совести.

... Мои книги оттого, что я исключен из так называемого Союза писателей, хуже не стали.

... Мои книги сейчас не печатаются в СССР, но виноват в этом вовсе не я.

Приведя слова Ленина о том, что многие русские писатели вынуждены были печататься за границей, Войнович заканчивает свое письмо так:

Надеюсь, что когда-нибудь мечта Ленина все-таки сбудется и в числе многих книг, пока что вам недоступных, дойдут до вас и мои. И некоторым из вас станет стыдно за то, что вы подписали письмо, сочиненное вашим директором.

С. Каллистратова, Н. Мейман, П. Григоренко, А. Сахаров

**Психиатрам мира, Всемирной ассоциации психиатров
Международной Амнистии, всем честным людям.**

В защиту Александра Подрабинек и Иосифа Терели

(17 октября 1977 г.)

... Недавно на Западе были опубликованы воспоминания Иосифа Терели. Он с подкупающей простотой и достоверностью рассказывал в них об ужасах Сычевской специальной психиатрической боль-

ницы. Ответная реакция властей последовала быстро — Тереля вновь заключен в спецпсихбольницу (Хр. 45, 46 и наст. вып. — Хр.). Мы призываем выступить в его защиту.

Сегодня угроза расправы нависла над Александром Подрабинком (Хр. 45 и наст. вып. — Хр.)... Расправу над ним нужно и можно предупредить.

А. Подрабинек, И. Каплун, В. Бахмин, В. Щеглов, Г. Якунин, Н. Мейман, В. Капитанчук, П. Григоренко, В. Слепак

Заявление

(19 октября 1977 г.)

В защиту В. Хавела, И. Ледерера, Ф. Павличека и О. Орнеста, которых 17 октября начали судить в Праге.

Заявление для прессы

(19 октября 1977 г.)

Нижеподписавшиеся считают чрезвычайно своевременным создание Международной ассоциации содействия выполнению Хельсинкских соглашений и доводят до всеобщего сведения о своем вступлении в нее.

... Мы убеждены в законности и полезности легальной деятельности общественных Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений и в этом убеждении продолжаем свою работу.

Члены Московской группы "Хельсинки" *П. Григоренко, С. Каллистратова, Н. Мейман, В. Слепак.*

Члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях *В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек.*

Члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР *свящ. Г. Якунин, В. Капитанчук, Н. Горетой, Н. Куница, В. Щеглов.*

О вступлении в Международную ассоциацию содействия выполнению Хельсинкских соглашений заявили члены Армянской группы "Хельсинки" (Хр. 46) *Э. Арутюнян, Ш. Арутюнян, Р. Назарян, А. Хлгатын.*

Мальва Ланда

(Вершино-Шахтама, 4 октября 1977 г.)

Приближается День политзаключенного СССР, день узника советского в СССР. В этом году политзаключенные в тюрьме, в малых зонах разных режимов будут отмечать этот день уже в четвертый раз. ...

В этот день я, находясь в большой зоне, но в далекой ссылке, формально за нечаянный пожар, а по существу — за идеологический

нонконформизм, заявляю о своей солидарности с политзаключенными, узниками совести в СССР.

Так же, как и они, в этот день я буду соблюдать пост.

Свободу узникам совести в СССР!

Открыть малые зоны и тюрьмы для независимого международного контроля, для "Международной Амнистии", для независимой прессы!

46 подписей

Обращение в Верховный Совет СССР об амнистии политических заключенных

(30 октября 1977 г.)

... 7-го ноября наступит 60-я годовщина Октябрьской революции. ... Нет сомнения, что по этому поводу будет объявлена амнистия. Мы обращаемся к Верховному Совету с призывом не исключать из амнистии политических заключенных.

...

Напомним, что в Испании, пережившей предельно ожесточенную гражданскую войну, амнистированы все политические заключенные. Напоминаем, что наступивший 1978 год официально объявлен ООН Годом политических заключенных.

46 подписей

Заявление в Верховный Совет СССР

(30 октября 1977 г.)

Авторы, ссылаясь на свое Обращение об амнистии политзаключенных (см. выше), пишут:

... Одновременно мы считаем необходимым привлечь внимание к совершенно недопустимому положению всех категорий заключенных в СССР, несовместимому с человеческим достоинством, гуманностью и принятыми международными нормами.

...

Мы призываем вас, в связи с принятием новой Конституции и 60-летием Октября, принять необходимые решения по этим жизненно важным для благополучия советских граждан и престижа нашего государства вопросам.

А. Сахаров

**Академику В.Н. Пономареву.
Академику А.П. Александрову**

(15 ноября 1977 г.)

Я и многие мои друзья убеждены, что амнистия всех политзаключенных СССР, облегчение режима и уменьшение сроков заключения для всех заключенных, отмена принудительного труда, от-

мена смертной казни, принятие мер для полного осуществления всех прав человека в нашей стране, в прошлом пережившей чудовищный террор и страдания народа, имели бы огромное внутреннее и международное значение. Какова официальная точка зрения, точка зрения ЦК КПСС? Какова Ваша личная точка зрения? Чрезвычайно ограниченный характер последней амнистии разочаровал многих в СССР и за рубежом. Узники совести, среди них Ковалев, Джемилев, Романюк, Винс, Орлов, Гинзбург, Щаранский, Глузман, Гамсахурдиа, Костава, Руденко, Тихий, Пяткус, Огурцов, Сергиенко, Гаяускас, Шумук, Черновол и сотни других, не названных мною лишь за недостатком места, должны быть освобождены.

Я обращаюсь к вам, как к членам ЦК КПСС. Я надеюсь, что это мое письмо станет известно ЦК КПСС, его Политбюро, в том числе Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу.

В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек, Ф. Серебров

Психиатрам — участникам конгресса в Гонолулу

(август 1977 г.)

...

... Мы надеемся, вы не останетесь равнодушными к тому, что в СССР психиатрия используется не только для лечения душевнобольных, но и в качестве инструмента подавления гражданских свобод.

...

В связи с этим мы обращаем ваше внимание на то, что установление единых международных норм обращения с психически больными людьми в какой-то мере препятствовало бы известным злоупотреблениям психиатрией.

Отсутствие международно признанных критериев социальной опасности душевнобольных приводит к тому, что мысль и слово признаются иногда социальной болезнью, опасной для общества.

Мы призываем вас, участников Международного конгресса психиатров, во имя гуманности и человеколюбия осудить практику использования психиатрии в политических целях.

Это обращение Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях поддержали 39 человек.

В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек

Обращение к Международной ассоциации психиатров

Через два месяца после Гонолулу

(4 ноября 1977 г.)

Два месяца прошло с тех дней, когда на конгрессе психиатров в Гонолулу была принята резолюция, осуждающая Советский Союз за использование психиатрии в политических целях. Однако ника-

ких видимых изменений в карательной медицине Комиссия, к сожалению, констатировать не может.

...

Мы призываем Ассоциацию психиатров не останавливаться на вынесении резолюций и предпринять все усилия для обеспечения их выполнения.

И. Дядькин

Редактору "Калининской правды" П.А. Иванову

(17 ноября 1977 г.)

15 ноября в газете "Калининская правда" была напечатана статья под заголовком – "Прикрываясь лозунгом "защиты прав человека". Статья была подписана "В. Большаков". В связи с этой статьей житель Калинина И.Г. Дядькин (Хр. 45) задает ряд вопросов. Например:

3. Каким образом я, читатель, могу получить цитируемые В. Большаковым журнал "Ауссенполитик", газету "Нью Йорк Таймс", книгу "Год 2000-й", произведение Солженицына "Архипелаг ГУЛлаг", чтобы, прочитав их полный текст, убедиться в добросовестности передачи мысли их авторов?

Он предлагает редакции попросить А.Д. Сахарова, ошельмованного в статье, изложить свои взгляды на страницах "Калининской правды",

чтобы мы могли убедиться в справедливости тезиса: Сахаров – враг социализма, а Большаков – друг. Без этого поручиться за чистоплотность Большакова не могу: он ведет диалог с собеседником, которому предварительно вставил кляп в рот.

Зам. редактора "Калининской правды" С.В. Беляков 18 ноября ответил Дядькину:

Тов. Дядькин!

В своем письме вы ставите довольно много вопросов, на которые трудно дать однозначный ответ. Просим зайти в редакцию, чтобы побеседовать о затронутых вами темах.

Беседа эта состоялась. В ходе беседы Беляков сказал Дядькину, что Большакова видеть нельзя, т.к. он у них не работает: данный материал прислан из АПН.

В. Борисов, А. Марченко, А. Подрабинек, А. Сахаров

Председателю АФТ-КПП г-ну Мини

(15 ноября 1977 г.)

Авторам этого письма (а также Н.Я. Мандельштам и Вал. Иванову) были посланы приглашения приехать в Лос-Анджелес на съезд АФТ-КПП в качестве гостей. В. Борисов получил по почте 7 экземпляров приглашения. А. Сахаров получил конверт от приглашения, в который была вло-

жена вырезка издевательского характера из какого-то журнала. Остальные не получили ничего. Борису в ОВИРе сказали, что приглашения зарубежных организаций частным лицам не рассматриваются.

Авторы письма, поблагодарив за приглашение, пишут:

Мы бы с удовольствием поехали в Лос-Анджелес, если бы советские власти предоставили нам выездные визы и дали достаточные гарантии, что нам будет разрешено вернуться в СССР.

А. Марченко

Участникам съезда АФТ-КПП

(1 декабря 1977 г.)

...

Я не смог приехать к вам не по вашей и не по своей вине. Хотелось бы, чтобы мое короткое выступление все же прозвучало на вашем съезде.

Дальше в письме рассказывается об условиях труда и о быте рабочих в сибирском поселке Чуна, где Анатолий Марченко отбывает ссылку (Хр. 35), а также о "принципе иерархического распределения благ".

Письмо кончается так:

Такое положение трудящегося населения нашей огромной страны возможно лишь потому, что мы совершенно неправы в своем доме. В СССР администрация, профсоюз, органы власти и репрессивные органы — все это звенья одной цепи, прочно сковывающей наш народ. Все организации, включая церковь, подконтрольны небольшой группе правителей и подчинены ей. Пусть опыт наших 60 лет послужит предостережением другим народам.

Я могу понять тех американцев, которые не удовлетворены политическим, социальным или даже экономическим положением в своей стране. Я сочувствую их стремлению к лучшей жизни. Но когда я читаю восторженные корреспонденции ваших соотечественников о моей стране — мне хочется обратиться к ним со словами из нашей современной песни: "Если это вам завидно, можете прийти и рядом сесть"...

Я приглашаю к себе в гости в Чуну господ Майка Дэвидова, Гэса Хола и кого угодно еще вместе с их семьями. Если они согласятся, я буду оформлять для них официальное приглашение. Я приглашаю также любого делегата вашего съезда, кто согласен посетить меня, и прошу вас сообщить мне его имя для оформления официального приглашения.

Г. Роде

**Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Л.И. Брежневу**
от Диссидента Советского Союза Роде Гунара Оскаровича,
1934 г. рождения, проживающего по адресу: 226029, Латвийская ССР,
Рига-29, ул. Грамзас 9, кв. 1

(31 июля 1977 г.)

Бывший политзаключенный (1962-1977 гг.), освободившийся 15 мая 1977 г. (Хр. 18, 45), пишет:

Прошу меня лишить гражданства Союза Советских Социалистических Республик как необоснованно и насильно мне навязанного.

Я не родился в СССР, так как Латвия в 1934 году являлась независимым государством, а мои родители – ее подданными. Таким образом, я от рождения не имел гражданства СССР.

Факт оккупации Латвии Советским Союзом в 1940 году не мог являться причиной автоматической смены гражданства. Не зря в 1950 году, когда я в 16-летнем возрасте получал первый паспорт, с меня требовали написать прошение дать мне советское гражданство. За попытку отказать писать такое прошение мне угрожали в 7-м Рижском отделении милиции арестом и репрессированием родительской семьи. Под такой угрозой я вынужден был отступить и написать прошение. Так я стал формально гражданином СССР. ...
... Будучи осужденным, я десять раз обращался к советским органам и Правительству с просьбой лишить меня советского гражданства. Я не требовал и не просил ничего другого – ни отмены срока наказания за недоказанное правонарушение, ни разрешения покинуть пределы СССР. Я только не желал – и не желаю и сейчас – иметь что-либо общее с теми, кто одобряет политику КПСС и следует ей, с теми, кто вершит внешнюю и внутреннюю политику СССР, не имеющую ничего общего с международно признанными понятиями о правах человека. Я не желал и не желаю иметь что-либо общее с предателями латышского народа, уже сейчас превратившими полнокровную латышскую нацию в вымирающее нацменьшинство на ее собственной земле, уничтожающими ее исторические и культурные ценности, искажающими новейшую историю Латвии и латышского народа.

... Я в январе 1975 г. с ИТК 17/А Дубровного ИТУ Мордовской АССР отправил в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР заявление о том, что я односторонне снимаю с себя обязанности гражданина СССР и впредь открыто не считаю себя таковым. ... На повторный запрос я получил лишь ответ с Владимирского Управления ИТУ о том, что мое заявление учтено.

...

Прошу Вас считать аннулированным мое заявление о прошении

дать мне советское гражданство, написанное мною под угрозой в начале октября 1950 г. в 7-м отделении милиции г. Риги, и там же повторное заявление в подобных условиях 11 лет спустя, и считать меня проживающим на территории СССР без подданства, предоставив возможность оформить все мои документы личности, как бесподданному.

В.Г. Баранов, Г.Е. Баранова

Председателю Конституционной комиссии СССР

Вадим Баранов (рабочий с 25-летним стажем) и его жена, с января 1977 г. добивающиеся разрешения выехать из СССР (Хр. 45, 46), пишут:

Мы считаем своим долгом довести до вашего сведения, что, в силу своих убеждений, не можем принять новой Конституции...

Мы не считаем себя более гражданами СССР. Мы не верим в построение светлого будущего...

Мы не верим правящей партии... Мы вас, конечно, можем поздравить с великими достижениями к 60-летию, такими как: лимитирование продуктов либо их полное отсутствие, замена продуктов водкой, ... полный развал сельского хозяйства, полное моральное падение населения, наличие психушек, лагерей и тюрем для политзаключенных. ...

Опираясь на Пакт о гражданских и политических правах, ... мы подали заявление в Президиум Верховного Совета СССР о желании покинуть СССР.

... По сегодняшний день мы не имеем ответа.

В. Абрамкин

Прокурору РСФСР. Заявление

(9 ноября 1977 г.)

Не получив из органов прокуратуры ответа на два своих прежних заявления (прокурорам Москвы и Туапсе – Хр. 42-44), В. Абрамкин настаивает на рассмотрении сообщенных им нарушений законности (совершенных теперь уже не только КГБ, но и прокуратурой, не отвечавшей несколько месяцев). Он доказывает, что действия КГБ, которые он обжаловал, нарушили его конституционные права (ст. ст. 118, 125, 127 старой Конституции).

В заключение Абрамкин рассуждает о двустороннем характере официально провозглашенного принципа единства прав и обязанностей и приходит к выводу:

Исчерпав почти все возможности для защиты прав, предоставленных мне Конституцией и законодательством, как гражданину СССР, я заявляю, что в случае неполучения от Вас ответа п о

с у щ е с т в у поставленных вопросов в установленный законом срок, т.е. в случае официального подтверждения того, что государственный орган, в обязанности которого входит надзор за соблюдением законности, по существу санкционирует нарушение и ограничение моих гражданских прав, я буду вынужден снять с себя ответственность за выполнение обязанностей, налагаемых на меня Конституцией, как на гражданина СССР.

Из прокуратуры РСФСР заявление Абрамкина было переслано "для проверки" в прокуратуры Москвы и Краснодарского края.

28 ноября пом. прокурора Москвы С.Н. Чистяков ответил Абрамкину: "Нарушений закона со стороны сотрудников УКГБ при СМ СССР по городу Москве и Московской области не установлено".

А. Болонкин

В Верховный Суд Бурятской АССР Заявление

(14 августа 1977 г.)

Дважды, 7.4.77 (з/п 163) и 19.7.77 (з/п 181), я обращался к председателю Совета Министров БурАССР с просьбой в соответствии со ст. 122 Конституции РСФСР предоставить мне работу в соответствии с моей квалификацией доктора технических наук и достойное человека жилье.

Ответа я не получил.

Требую привлечь председателя СМ Бур. АССР к суду по ст. 150 УК РСФСР за злоупотребление служебным положением и пограние Конституции РСФСР.

Прилагаю фото избушки (дворца для трудящихся страны развитого "социализма"), в которой живу я и еще две семьи.

23 августа из Верховного Суда Бурятской АССР был послан ответ:

На Ваше заявление от 14 августа 1977 года разъясняем, что Верховный Суд не компетентен решать вопросы, затронутые в Вашем письме.

Председатель Верховного Суда Бурятской АССР —
А.А. Сидорин

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ

(Окончание)

В третьем и четвертом номерах бюллетеня "Вокруг проекта Конституции СССР" (№№ 1, 2 см. Хр. 46) помещены упомянутое в Хр. 46 письмо Марка Поповского, еще одно письмо Леонарда Терновского, письма Ориона Квачевского, Ларисы Богораз, Юрия Гримма, Юрия Сергеева,

Евгения Шаповала, Михаила Зотова, Бориса Альтшулера, Георгия Винса, а также письма Совета Церквей ЕХБ (в выдержках), семнадцать баптистов из г. Тимашевска (Краснодарский край) и обзор писем верующих.

В критике проекта многие авторы исходят из опыта осуществления Конституции 1936 года (массовые репрессии, подавление инакомыслия и другие проявления "культы личности" и "волюнтаризма"). Они считают, что проект не содержит реальных гарантий против повторения подобного опыта. По мнению некоторых авторов (Л. Терновский, В. Сокирко, Л. Богораз, О. Квачевский, Ю. Сергеев) проект отходит от Конституции 1936 года в сторону ужесточения диктата государства за счет ущемления прав человека. Этой тенденции проекта соответствует и обстановка, в которой принимается новая Конституция: "Усиление политических репрессий; антидемократический способ смены главы государства, сопровождающийся небывалым раздуванием культа личности; полное отсутствие возможности критиковать предложенный проект Конституции" (Инициативная группа объединения жертв сталинских репрессий).

Во многих письмах повторяются критические замечания и предложения, изложенные в Хр. 46.

Авторы предлагают расширить и уточнить понимание свободы совести, включив в это понятие не только вопросы веры-неверия, но и политические взгляды.

Они настаивают на том, чтобы в Конституции были реализованы обязательства по правам человека, перечисленные во Всеобщей декларации прав человека и в Пактах о правах человека.

В письмах отмечают абсурдность и опасность ст. 62 проекта, вменяющей каждому гражданину в обязанность укрепление авторитета государства, и неопределенность формулировки понятия "измена родине", которая может стать основой произвола карательных органов.

В одном из писем предлагается, чтобы Конституция предоставила каждому должностному лицу право не выполнять явно антиконституционные распоряжения.

* * *

В пятом (последнем) номере бюллетеня помещены письма Э. Орловского, А. Малхазяна, В. Янкова, В. Некипелова и Н. Строкатовой, письмо Киевской общины ЕХБ, письмо Виктора Сокирко составителям "Бюллетеня" и ответ редакции, а также сатирический "Конспект Конституции СССР", составленный Александром, Кириллом и Пинхосом Подрабинеками.

Орловский предлагает много конкретных поправок к проекту, хотя и пишет: "Осознаю, что они не имеют никаких шансов быть принятыми".

Янков указывает на противоречия между многими статьями проекта и Заключительным Актом Хельсинкского совещания.

Малхазян, Некипелов и Строкатова считают проект безнадежно плохим и попытки его улучшения бессмысленными.

Сокирко высказывает составителям "Бюллетеня" претензии за то,

что его письмо в бюллетене № 2 помещено в неполном и измененном виде. В своем ответе редакция "Бюллетеня" пишет:

... В большинстве случаев была проведена обыкновенная литературная редакторская работа, которая проводится и в любой подцензурной и неподцензурной печати. Разница, увы, в том, что в наших условиях редактор не мог встретиться с автором.

...

Единственное – и главное в Ваших претензиях! – сокращение, произведенное не по литературным соображениям, – это, действительно, Ваше предложение узаконить верховную власть КПСС (точнее – руководства КПСС) в стране путем всенародных выборов ЦК КПСС и Генерального Секретаря ЦК КПСС. Да, мы это предложение действительно исключили. По той простой причине, что оно перечеркивает и обесценивает всю Вашу критику и все Ваши прочие предложения. ...

* * *

В трех заявлениях, подписанных 272 священниками (почти полный состав трех епархий), предлагается так изменить ст. 52, чтобы в ней говорилось о свободе "как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды". Авторы заявлений считают также необходимым, чтобы было гарантировано "право родителей воспитывать своих детей согласно своей совести и своим убеждениям".

* * *

Советские газеты, рассказывая об обсуждении проекта, не дают, как правило, социологического и статистического анализа полученных ими писем.

Любопытные, хотя и очень скудные данные на этот счет приводятся в № 9 (435) от 15 октября газетой "Правдист" (орган партийного и местного комитетов редакции газеты "Правда"). Зам. руководителя конституционной группы редакции Н. Петров в статье "Сокровище комнаты № 573" рассказывает, что он прочитал около 3 тысяч писем (примерно одну десятую), поступивших в "Правду".

До сих пор нахожусь под впечатлением выраженного в них горячего патриотизма. Но скажу откровенно, кое-что в этой почте меня и озаботило. Почему все-таки авторами преобладающего большинства писем были люди преклонного возраста? Традиционное объяснение – мол, у пенсионеров больше времени – кажется слишком простым для такого случая. Почему почти месяц с начала обсуждения мы не получали писем от колхозников и рабочих совхозов? ... Почему мало было писем от молодежи, а в этих малочисленных письмах такой высокий процент – о пластинках и о джинсах? Слишком много, на мой взгляд, было писем, в которых шла речь о мерах по охране общественного порядка. Не много ли надежд возлагаем, образно говоря, "на милиционера" и не слишком ли мало – на самих себя?

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

7 августа 1975 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ "О внесении изменений в статью 209 Уголовного кодекса РСФСР" ("Ведомости Верховного Совета РСФСР", 1975, № 33, ст. 698). Одновременно ПВС РСФСР принял постановление "О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР" (Хр. 37), п. 2 которого устанавливал двухмесячный срок от первого предупреждения до привлечения к уголовной ответственности. 30 мая 1977 г. ПВС РСФСР сократил этот срок вдвое:

Не подлежит опубликованию

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета РСФСР

О внесении изменений в Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 года "О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР".

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Внести изменения в пункт 2 Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 года "О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР", изложив его в следующей редакции:

"2. Лица, ведущие паразитический образ жизни (при отсутствии в их действиях признаков бродяжничества или попрошайничества), приглашаются в органы внутренних дел для официального предупреждения о недопустимости паразитического существования. Этим лицам разъясняется, что в месячный срок они должны по своему усмотрению избрать место работы и трудоустроиться и что необходимая помощь в трудоустройстве им может быть оказана исполкомом местного Совета депутатов трудящихся.

Если лицо по истечении месячного срока после сделанного ему официального предупреждения продолжает вести паразитический образ жизни, органы внутренних дел решают вопрос о привлечении его к уголовной ответственности в соответствии со статьей 209 Уголовного кодекса РСФСР".

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР –
М. Яснов

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР –
Х. Нешков

* * *

ПРИКАЗ

Главного управления по охране государственных тайн
в печати при СМ СССР

№ 31 ДСП

13 августа 1976 г.

Изъять из библиотек общего и специального пользования и книготорговой сети СССР книги Бердника Александра Павловича (Олеся Бердника).

* * *

ПРИКАЗ

по централизованной системе библиотек
ялтинской зоны

№ 45

24 июня 1977 г.

Несмотря на неоднократные предупреждения работников библиотек ЦС о необходимости своевременной очистки фонда и каталога от идеологически вредной литературы, об ответственности за несерьезную работу со списками ЛИТО, в филиале № 3 ЯЦСБ обнаружена книга А. Гладилина "Евангелие от Робеспьера".

В связи с вышеизложенным приказываю:

1. Степыкиной Ванде Викторовне, библиотекарю филиала № 3, за безответственное отношение к работе по очистке фонда от идеологически вредной литературы объявить строгий выговор.

Директор ЦС библиотек

Замлинская С.И.

* * *

ПРИКАЗ

№ 20

25 апреля 1977 г.

За распространение литературы упаднического характера среди учащихся 9-а класса, отпечатанной на роталпринте, что отрицательно влияет на формирование личности подростков, тов. Сендерову В.А. объявить выговор и строго предупредить.

Основание: признание факта тов. Сендеровым В.А. и добровольная сдача оттисков Гумилева.

Директор школы № 2 г. Москвы

А.Н. Родионов

* * *

Выписка из решения местного комитета от 6 мая 1977 г.

...

2. Предложить администрации школы отменить приказ № 20, как имеющий ряд неточных формулировок, и объявить тов. Сендерову В.А. выговор за допущение педагогических просчетов, которые отрицательно влияют на формирование личности подростка, и строго предупредить.

* * *

Тов. Сендеров В.А. занимается распространением литературы, отпечатанной на роталпринте. Так, тов. Сендеров В.А. передал секретарю партийной организации Головановой Л.П. оттиски сборника Гумилева "Шатер". Акмеисты, как и символисты, декаденты и прочие представители разлагающейся дворянско-буржуазной идеологии, были проповедниками упадничества, пессимизма, веры в потусторонний мир.

Реакционность акмеистов, их ненависть к народу, крайний индивидуализм, бегство от жизни в область "чистого искусства" приняли после революции еще более резкое выражение. Видная участница этого движения Анна Ахматова пропагандировала в своих аристократических салонах-стихах пессимизм и уныние. Глава акмеистов Н. Гумилев стал участником и вдохновителем контрреволюционного заговора в Петрограде, имевшего целью свержение советского правительства, за что понес суровую кару.

В Постановлении ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. сурово охарактеризовано творчество Ахматовой и Гумилева и осуждено как "приносящее вред делу воспитания нашей молодежи и нетерпимое в советской литературе".

...

Тов. Сендеров В.А. не является на заседания педагогического совета, не посещает политсеминары, разглашает среди учащихся 9-а класса материалы местного комитета.

Учитывая изложенное, приказываю:

1. Сендерову В.А. объявить строгий выговор.
2. Ходатайствовать перед РОНО об освобождении тов. Сендерова В.А. от занимаемой должности учителя без права дальнейшего преподавания в детской и юношеской аудитории.

Основание: просьба месткома от 6 мая 1977 г.

Директор школы № 2 г. Москвы

А.Н. Родионов

(В Постановлении ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. Гумилев даже не упоминается.)

НОВОСТИ САМИЗДАТА

Н. Мейман. **Монумент у Бабьего Яра** (15 сентября 1977 г., 4 стр.)

О стремлении властей скрыть, что Бабий Яр — это прежде всего уничтожение евреев.

Т. Ходорович, В. Некипелов. **Не уступить носорогу. Джимми Картер — полигика, нравственность** (8 августа 1977 г., 8 стр.)

Обращение к президенту Картеру, "как христианину и гуманисту".

Горячая поддержка его действий в защиту прав человека, его тезиса "Без уважения к правам человека не может быть прогресса, разрядки, мира на земле".

Иван Белов. Что такое социализм (открытое письмо Сантьяго Каррильо и другим еврокоммунистам) (1977 г., 20 стр.)

Автор считает, что "хорошего" социализма быть не может. Он доказывает, что "социализм, в основе которого лежит общественная собственность на средства производства в эпоху разделения труда, обладает всеми признаками феодального способа производства". В конце своего письма автор прогнозирует:

Социализм как общественная формация собственности на базе машинного специализированного производства неизбежно будет разрушен последующим собственным развитием. Он будет сменен капиталистическим способом производства.

М.Макаренко. Мы не прощаем! (5 сентября 1977 г., 4 стр.)

Автор, только что вышедший после восьми лет заключения (Хр. 46), пишет о Дне памяти жертв красного террора (5 сентября 1918 г. Совнарком принял декрет "О красном терроре", учредивший концентрационные лагеря). В 1977 г. политзаключенные отмечают этот день шестой раз. Автор описывает, как этот день отмечают в лагерях. Статья кончается так:

5 сентября все мы, духовные сыновья и дочери казненных, говорим: "Будьте прокляты, палачи!" И, быть может, дети наши, повторяя эти слова, – сами уже не станут палачами.

К. Подрабинек. Несчастные (1977 г., 26 стр.)

Автор, служивший в армии в 1974-76 гг., дает очерк прочно укоренившейся в советской казарме системы "отцовщины". "Отцы" – солдаты второго года службы – держат "сынков" на положении своих рабов, подвывая их побоям, издевательствам, грабежу и эксплуатации.

В. Альбрехт. 140 вопросов по делу Твердохлебова (1977 г., 25 стр.)

Автор рассказывает о своих допросах в 1975 году по делу Андрея Твердохлебова (Хр. 36-40).

И. Шафаревич. Телеинтервью радиокампании Би-Би-Си 26 сентября 1977 г. (9 стр.)

И. Шафаревич ответил на 7 заданных ему вопросов.

– Существуют ли в СССР ограничения свободы совести?

Ссылаясь на законы, регулирующие положение религии в СССР, автор дает утвердительный ответ.

– Каково содержание антирелигиозной пропаганды?

– Сталкивались ли Вы лично с теми трудностями, которые встречаются верующие?

– Почему государство боится разрешить христианам свободно исповедовать их веру?

– Почему Церковь пользуется такой поддержкой?

Отвечая на этот вопрос, Шафаревич сказал:

Мне кажется, у нас религия играет не совсем ту же роль, что на Западе. Одни люди устали от материалистического духа жизни, они ищут в религии духовных ценностей. Другие стремятся через православие соприкоснуться с русской национальной традицией, которая так долго подавлялась. Третьи видят в православии основу русской культуры. Религия исполняет в духовной жизни страны много функций кроме основной – связи человека с Богом. Религия является сейчас самой мощной духовной силой.

... Россия возникла как православная страна и такой была почти 1000 лет. Невозможно себе представить, чтобы она могла остаться духовно здоровой, потеряв связь с православием.

– Расскажите о конкретных случаях преследований людей за веру.

Шафаревич рассказал о составленном группой православных списке мучеников православной церкви – в него входит 8000 священнослужителей. Он отметил, что на Западе известно лишь о нескольких из них.

– Мы видели церкви – и православные, и баптистские – переполненные народом, торжественное богослужение, никем не прерываемое. Как это согласуется с тем, что Вы нам рассказывали?

... Чем больше верующих и чем меньше церквей, тем больше народа будет в каждой церкви...

Богослужение, как правило, не нарушается. ... Этому соответствует весь дух законодательства о религии и всей политики властей: стремление превратить религию в "отправление культа", ограничить ее действие стенами храма. Посетитель церкви, как правило, не столкнется ни с каким видом преследований, если вне храма его вера ни в чем не будет проявляться: если он будет посещать атеистические лекции и даст своим детям атеистическое воспитание; если он не будет возражать, когда уволят священника, на службы которого собиралось очень много народа; если он не будет возражать, когда решат закрыть церковь, в которую он привык ходить, и если он не будет добиваться открытия новой вместо закрытой – и т.д. и т.д. Такой тип верующего согласуется с духом и буквой законодательства о религии.

В. Гусаров. Однозначных ответов нет, но вопросы ставить нужно ("XX век". Общественно-политический и литературный альманах. № 1) (5 сентября 1977 г., 6 стр.)

Приветствуя появление нового самиздатского альманаха, издаваемого Роем Медведевым, автор возражает против полемических переხлестов в отношении А. Солженицына, сборника "Из-под глыб", В. Максимова, журнала "Континент".

Гусаров пишет, что от перечисленных авторов и изданий нельзя просто отмахнуться. Их точка зрения (далеко не бесспорная) заслуживает серьезного разговора.

В номере:

"У горы Крестов". Очерк об известной горе под Шауляем, которую "вот уж несколько столетий украшают кресты". Гора, на которую кресты привозят даже из Сибири, видится автору символом веры и надежды, залогом национального возрождения.

"Культурное наследие". Статья о Литературном музее Литвы, расположенном в Каунасе, в доме "певца национального возрождения" поэта Майрониса (1862-1932). Статья написана в форме путеводителя по музею, отвечающего на вопросы типа "Чего мы не видим в такой-то комнате?". Нет фигурки Христа, закрашено панно, выполненное Даугирдасом в цветах литовского флага, нет портрета вел. кн. Витаутаса, картины "Тайная вечеря", исчез известный портрет Майрониса.

Продолжает печататься статья "Положение литовцев в Белоруссии" (начало в №№ 5, 6).

Опубликован еще один отклик на статью писателя Балтушиса в "Тесе" от 2.2.77. Автор, обвиняя Балтушиса во лжи, напоминает истинные события 1940 года и рисует нынешнее положение в Литве.

Опубликована жалоба Генеральному Прокурору СССР Алгирдаса Жипре, который с 1973 г. добивается освобождения, т.к. считает, что был приговорен в 1958 г. к 15, а не к 25 годам. За жалобы находится в лагерном психизоляторе в Мордовии (Хр. 32, 34). Письмо XXV съезду от жителей села Пялеса Гродненской обл. БССР сообщает, что их литовский колхоз был влит в отстающий белорусский, чтобы ликвидировать "литовский островок" и заставить их забыть родной язык. Публикуются материалы об обысках у И. Петкявичюса и у Б. Пашилене (Хр. 45 и наст. вып.).

В разделе "Известия" сообщается о Литовской группе "Хельсинки".

"Дело Александра Гинзбурга и Юрия Орлова" (информационный бюллетень № 2).

Публикуются письменные свидетельства друзей Гинзбурга (ленинградский литератор Кирилл Успенский, Валерий Ронкин, Светлана Павленкова), направленные ими американскому адвокату Э.Б. Уильямсу, и заявление Уильямса в защиту Гинзбурга, сделанное 3 июля перед постоянной комиссией Сената США по безопасности и сотрудничеству в Европе.

"Борьба Всесоюзной Церкви Верных и Свободных АСД за свободу совести в СССР" (20 стр.)

Краткий очерк истории ВЦ ВСАСД. Список адвентистов, находящихся сейчас в заключении. О преследовании адвентистов. О новой Конституции.

"Рецидив челоноконенавистничества" (41 стр.)

Автор — по-видимому, адвентист. Брошюра является ответом на серию статей А.А. Сулацкова "Рецидив непротивленчества" (джамбульская областная газета "Знамя труда" за 7-22 октября 1977 г.). Обсуждение проблемы призыва на действительную военную службу адвентистов и других "непротивленцев". Брошюра написана в острой полемической форме.

"Братский листок" (1977 г., № 4)

"Братский листок", издающийся Советом церквей ЕХБ, публикует подборку материалов о попытках КГБ вербовать осведомителей из среды баптистов-инициативников.

Сборник по материалам Воскресений. (Москва, 1977 г., 185 стр.)

Сборник, посвященный памяти Веры Матвеевой, умершей в августе 1976 г., открывается четырьмя ее песнями. В статье-монологе "Судьба и песня" Петр Старчик размышляет о том, как песня становится "реальностью бытия". Песням Веры Матвеевой посвящены "Заметки на другой стороне листа" и "Домик на сваях (цикл историй)" В. Абрамкина.

В поэтическом разделе сборника стихи и песни авторов-участников Воскресений (А. Мирзаян, В. Вильцштейн и др.), а также – Ильи Габая, С. Генкина. О творчестве Даниила Хармса пишет В. Абрамкин в статье "Посему сказано ... (предварительные заметки)". Проза представлена повестью М. Лятова "Девочки на мосту" и главами из романа С. Багрова "Конквистадоры" о Сибири конца 20-х годов. Напечатана часть "Воспоминаний и дум о пережитом" М. Новинского (1889-1969).

Публикуется перевод доклада Оскара Стернбаха "Поиски счастья и эпидемия депрессии", посвященного анализу депрессивного синдрома среди молодежи, бурное распространение которого автор связывает со "снятием ограничений на пути к поискам счастья." Статья А.Б. разбирает и критикует положения статьи Стернбаха.

В конце сборника в "Информации" рассказывается об истории становления и развития Клуба Самодетельной Песни в Москве, о Воскресеньях (Хр. 41).

Даниил Хармс. Избранное (239 стр. + 11 илл.)

Сборник является наиболее полной подборкой произведений "взрослого" Д. Хармса. В предисловии составители пишут:

Мы старались восстановить авторскую редакцию текстов, включить в него произведения, представляющие основные направления творчества Хармса. В эту книгу не включены так называемые "детские" (т.е. написанные для детей) произведения писателя.

Лишь небольшая часть вошедшего в сборник была ранее напечатана в СССР.

ПРОЦЕССЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В августе 1973 г. Донецкий областной суд приговорил Бориса Борисовича Монастырского (1935 г.р.) по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) к трем годам лишения свободы.

Наказание он отбывал в ИТК-87 Донецкого УИТУ. Еще до окончания срока против него возбудили новое, "лагерное" дело – на этот раз по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР).

6 мая 1976 г. Донецкий областной суд рассмотрел в закрытом заседании его дело. Председательствовал в суде Э.К. Зинченко, обвинителем был прокурор Ю.Я. Носков, защитником – назначенный судом адвокат Ф.Н. Алексевни.

В приговоре сказано:

...

Монастырский, отбывая наказание ..., на путь исправления не стал, а, преследуя антисоветскую цель, начал проводить подрывную деятельность против Советского общества и Советской власти. Подсудимый на протяжении 1974-75 гг. систематически писал письма в различные государственные органы и общественные организации, в которых дискредитировал в глазах граждан советский государственный и общественный строй, возводил клевету на КПСС и советскую действительность, сочинял стихи антисоветского содержания.

Монастырскому инкриминировались также письмо к матери и четыре письма к Ахто Леви "клеветнического содержания" (Ахто Леви – автор "Записок Серого Волка").

Монастырский, отбывая наказание, с целью подрыва Советской власти систематически среди з/к в устной форме высказывал свои враждебные измышления, клеветал на советскую действительность, на советский государственный строй, на Конституцию СССР и советское правосудие.

Как сказано в приговоре, подсудимый заявил на суде, что инкриминируемыми ему действиями он не преследовал цели подрыва или ослабления Советской власти.

Однако данное объяснение Монастырского в части направленности его умысла опровергается следующими доказательствами: показаниями самого подсудимого Монастырского на предварительном следствии и в судебном заседании, из которых видно, что он действительно в 1974-75 годах написал стихотворения и письма антисоветского содержания... вышеперечисленные стихотворения и письма по содержанию являются антисоветскими, с грубой клеветой на социалистический строй, политику КПСС, на советский народ, на советское правосудие, чем подтверждается антисоветский умысел в действиях Монастырского.

Суд приговорил Монастырского, с учетом неотбытого наказания по первому приговору, к 6 годам 4 месяцам в лагере строгого режима. Конец срока – 8 апреля 1982 г. Сейчас Монастырский находится в 36 пермском лагере.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

Свидетель по делу Мустафы Джемилева Владимир Дворянский (Хр. 40) в сентябре 1976 г. был дополнительно осужден на 1 год лишения свободы по ст. 190-1 УК РСФСР, а не по ст. 181 ("Заведомо ложное показание"), как написано в Хр. 43. В обвинительном заключении ему действительно инкриминировались обе статьи, но в приговор вошла одна.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А.Б.	168	Баранова Г.	158	Борисов Вл.	148,154, 155,156
Абанькин В.	95	Барладяну Валентина	30,107,125	Боровой	107
Абдуллаева Г.	63	Барладяну Василий	107-108,125,139	Боровский В.	87
Абрамкин В.	158-159, 168	Барнаускас	50	Борода	101
Абрамович П.	92	Басальга	36	Бородин Л.	14,16
Абрамович С.	90	Басараб Д.	104,105, 123	Браиловский В.	26
Авраменко В.	135	Батаева Т.	17,18	Брежнев Л.	30,65,68, 69,74-77,82,85, 86, 94, 95, 106, 109,114,117,120, 121,145,154,157
Айрикян П.	99,101, 102	Батулин Н.	58	Брусиловский Л.	30
Акимов Д.	69	Бахмин В.	6,22,124, 152,154	Бубулас С.	52,76
Аксельрод Э.	92	Бегун И.	6,144	Будаев	96
Александров А.	153	Бедрин	29	Будулак-Шарыгин Н.	99,101,102
Алексевнин Ф.	169	Бейлин И.	28	Букнис К.	52
Альбрехт В.	21,26, 141,165	Бейлина Д.	28,94	Буковская Н.	104
Альтшулер Б.	143,160	Бекиров Ш.	63	Буковский В.	90
Амаров	9	Белобородов	113	Булатов	122
Аметов С.	62	Белов	88,129	Бурбулис А.	128
Аметов Э.	66-67,70	Белов И.	165	Буржуадемов	20
Андропов Ю.	45,109, 121,133	Белов Ю.	135	Бурлаченко	79
Антонов И.	58-59	Белопятровичене В.	51	Бутенко	82
Арро В.	88	Беляков С.	155	Бутман Г.	144
Арутюнян Ш.	38,152	Бердник А.	163	Бяртулис Р.	47
Арутюнян Э.	38,148, 152	Берикашвили Т.	34	Вайль Б.	87,88
Асс И.	28	Бешевин Н.	64	Вайтекунас В.	52
Афанасов	119	Бибиков А.	36,82	Валитова И.	19,124
Афанасьев В.	128	Билялов С.	70	Вальдхайм К.	86
о.Ахилла, монах	53	Бирбилис	45	Варфоломеева Н.	35
Ахматова А.	164	Боборыкин Н.	81-83	Васильев	96
Бабаева Н.	65	Богораз Л.	159,160	Васильев	104
Багров С.	168	Богун	107	Васильев В.	51
Баканов	84	Богущес В.	50	Васильев Л.	78
Бакланов	134	Бойко Ф.	61	Васнягин В.	58
Балахонов В.	96	Бойцова Л.	127	Вдабенко	113
Балтушис Ю.	51,167	Болонкин А.	159	Великанова Т.	20,24, 124,148
Барабанов А.	21	Большаков В.	155	Венцлова Т.	47,51
Баранов В.	158	Бондарь Н.	128		
Баранов Н.	134	Боннэр Е.	40,87,148		
		Боннэр Р.	40		

Веретенников В.	135	Галушкина	82	Горетой Н.	36,81-83, 84,87,152
Вивчар З.	125	Гамсахурдиа З.	34, 142,146,154,167	Горская А.	131
Вигдаров Г.	28	Гандзюк В.	15	Градобоев А.	14
Виконский А.	54	Ганиев А.	62	Григалюнайте О.	52
Виленская Л.	27,94	Гаруцкас, о.К.	47,50,51	Григоренко З.	24,90, 91
Вильдштейн В.	168	Гастев Ю.	20,21	Григоренко П.	5,24, 44,53,66,69,90-91, 94,108,124,125,126, 135,136,148,151,152
Вильямс Н.	14	Гасюк Я.	15	Гридасов В.	110
Винничук П.	132	Гасюнас А.	52	Гримм Ю.	76-77,159
Винс Г.	59,146,154, 160	Гаяускас Б.	38,43-45, 47,52,146,154	Гринберг	92
Винс П.	139,140	Гвинтер А.	25	Гринчук	131
Вирко И.	20	Гедра Р.	76-77	Гринькив Д.	104-106
Витаутас, вел. кн.	167	Гель И.	98	Грудко М.	139
Владимиров В.	25	Гендин Л.	27-28	Гудзь И.	91
Владимов Г.	88,150	Генкин С.	168	Гудзь Я.	91,94
Власов А.	35-37	Герасимов В.	39	Гумилев Н.	22,163, 164
Власова В.	35	Герцберг	29,93	Гурненко	104
Власова Ж.	112	Герчак Г.	104	Гурьев М.	110
Войнович В.	151	Гессе Г.	20	Гусаров В.	166
Войханская М.	71-72	Гильденгорн И.	94	Гутовский	10
Войханский Е.	71-72	Гинзбург А.	14-19,21, 37,38,46,47,82,87-90, 129,138,142,146,154	Давиденко Г.	138
Войханский М.	71-72	Гинзбург Л.	124	Давидович Е.	29
Вознесенская Ю.	110, 111,112	Гладилин А.	163	Давыдов Г.	96
Волков	138	Глезер И.	144	Даниелян Е.	140
Волков О.	6	Глузман С.	104,106, 125,146,154	Данилов	91
Волобуев	96,97	Глуховский	84	Данилюк И.	40
Володин	31	Голев	59	Даниэль Ю.	16
Волошко	129	Голованова Л.	164	Даугалас	47
Волунгявичюс И.	46, 47	Голубкова Е.	6	Даугирдас	167
Вольф Я.	59	Голумбиевская А.В.	139-140	Дворянский В.	170
Воронин	9-13	Гольшева Е.	14	Легтярь В.	93
Воронина Л.	26,27, 81,86	Гольфинд Ю.	20	Демидив Д.	104
Высоцкий В.	58	Гоман Г.	29	Джексон Г.	27,30
Габай И.	90,168	Гончарук В.	39	Джемилев М.	21,63, 70,108-109,154,170
Гаврышев Я.	35	Горбаль Н.	130	Джемилев Редван	64
Гайдельцов В.	16-18, 87	Горбаневская Н.	52, 140	Джемилев Решат	24, 70,108
Гайдис А.	52	Горбунов	26,27	Лиденко К.	102
Гайдукова Н.	9,10	Гордин Я.	29,90	Дмитриева	9
Галансков Ю.	15-17, 90	Горелкин В.	85,87	Добровольский	57
Галецкий Р.	148	Горетой И.	82		
Галперин	55				

Добрынин	109	Задорожный	141	Каминская Д.	17,88,
Долишний В.	118	Закиев Р.	81-83		90
Долматов	104,107	Закс Ю.	124	Каминский В.	29,90
Дорогин Г.	35,36	Залмансон В.	104,	Кампов П.	129
Драбкина Н.	136		116,144	Кандель (Камов) Ф.	90
Драга П.	40	Залмансон И.	116,144	Кандыба И.	129-130
Дроздова Л.	75-76	Замлинская С.	163	Капаев В.	7,19-22
Дубинин Т.	35	Захаров С.	31	Капитанчук В.	24,148,
Дубянская Е.	94	Захаровы	56-57		152
Дуров И.	78	Захарченко	115	Каплан М.	20
Дымщиц М.	104,116,	Заяц М.	66	Каплун И.	6,22,24,
	144	Зеаматов	96		124,152,154
Дэвидов М.	156	Зернов	58	Караванский С.	97,98,
Дядькин И.	155	Зиемелис Ю.	44		114
Дякснис А.	52	Зименко С.	93	Караев А.	63
		Зинченко Э.	169	Каралюс И.	52
Евграфов Н.	114,117,	Золотухин	91	Каратаев Б.	89
	118	Зотов	23	Карпезнижков	129
Евдокимов	58	Зотов М.	160	Карпенюк М.	99,102
Евдокимов Б.	134	Зубарев	29	Каррильо С.	165
Евдокимов Р.	134			Картавцев	113
Евсеева И.	112	Иванов В.Д.	7	Картер Дж.	38,76,86,
Елинсон Х.	94	Иванов Вал.	87,155		90,118,136,164
Елистратов	93	Иванов И.	14	Касумов	28
Елистратова Б.	94	Иванов П.А.	155	Каталиков В.	19-21
Еропа	19	Иванов Ю.	15	Качулина Н.	111
Ершкович	26	Иванова Л.	22	Квачевский О.	159,
Ефимов В.	65	Иванчук М.	84		160
		Игрунов В.	9,140-141	Керштейн	114
Жеребятьев М.	39	Изергин	139	Кийренд М.	146
Жигулис	85	Илюхин	72	Кинаш Ф.	57
Жильцов В.	18	Индицкий С.	94	Киракозов	6
Жильцова А.	83	Индрикас Р.	52	Кириллов	114
Жипре А.	52,167	Исмагилов	106	Киричек	104-105
Житов	67			Кириченко	82
Жихарев М.	134-135	Каволюнас В.	104,123	Кирияк	87
Жолковская И.	14-16,	Кадьев Р.	69	Кислик В.	29,92,93
	18,90,124	Кажис	45	Кларк Р.	139
Журавков	106,119,	Казакевич Л.	29	Климчук А.	39
	120-122,127,128	Казачков М.	106	Кнох В.	29
Жураковский М.	128	Калафатов Э.	69	Кньш С.	92
		Калинец И.	104-106	Князь	84
Завальнюк В.	53-54	Калинина	85	Ковалев И.	127-128
Завуров Амнер	138,	Каллистратова С.	69,	Ковалев С.	21,45,103,
	144		135,151,152		105,119,127-128,
Завуров Амнон	30	Калниньш В.	14,38,		146,147,154
			39,44		

Коваль	26,28,29	Кярнер Я.	36	Макаренко В.	66
Ковальчук П.	55	Лябеда Л.	52	Макаренко М.	17,165
Коган Ф.	94	Лавут А.	21,24,69, 124,148	Максимов В.	166
Козорезов П.	58	Ладыженский Л.	17	Малкин А.	144
Кольцов	113	Лазарис В.	25,90,92	Малхазян А.	160
Конин Л.	142	Лазаревичус	39,40,46	Мальчевский С.	15
Конквест Р.	22	Ланге	76	Малюта	5
Копелев Л.	149	Ланда М.	6,7,20,69,89, 90,124,146,152	Мамут А.	64
Корнилов В.	19	Ландер	30	Мандельштам Н.	155
Коренблит М.	144	Ланиенко	6	Мандельштам О.	22
Корехов С.	106,138	Лапенене Е.	41	Мандрик Г.	93
Коровин	17	Лапенис В.	41-43,102	Маринович М.	31,130, 131,142,146
Корчагин В.	142	Лебедь	29,93	Маркосян Р.	99-102
Корчак А.	21	Леви А.	169	Марченко А.	45,90, 155,156
Коршунов	58	Левин С.	137-138	Марченко В.	103-106, 122
Костава М.	34,142,154	Левинзон	144	Марчук А.	61
Котвицкий	31	Ледерер И.	152	Масюлионис А.	43,44, 50
Котюк	84	Ленин В.	12,151	Матвеева В.	168
Кочетков	29	Лепехин Н.	17,18	Матвиюк К.	39,40,129
Кравец	64	Лернер А.	28,145	Матулионис И.	41-43
Кравец	83-84	Лернер Ю.	28	Матусевич Н.	31,130, 131,142,146
Кравец А.	132-133	Либерман Е.	28	Матяш И.	82-83
Кравченко Н.	60	Линовицкий	131	Маховицкий	36
Кравчук	58	Липавский С.	25	Машкова В.	97
Кражанскас П.	49	Лисовой В.	105,106	Медведев	29
Красун О.	84	Литвин	87	Медведев Р.	166
Кремень М.	93	Литвин Ю.	109,129	Медведева И.	112
Криворотов	10	Литвиненко А.	129	Медведева С.	111
Крижановский С.	104, 105	Литвиновский	26	Мейман Н.	24,28,69, 94,124,135,148, 151,152,164
Кропотов	97	Лихтерова Л.	94	Мельничук	83-84
Крючек	59	Лиятов М.	168	Меметов С.	63
Крючков	59	Лукаускайте-Пошкене О.	44,47,51	Менделевич И.	144
Кудрявцев Ю.	27	Лукьяненко Л.	131	Мендель Б.	92
Кузнецов	9	Лунц А.	27	Мешко О.	20,125,139
Кузнецов	63	Любарский К.	18, 87-90,97,142	Мизрухина	93
Кузнецов Э.	46,97, 98,114,116,144	Любарский Л.	30	Микайленис Ю.	52
Кукобака М.	136-137	Лякшас К.	52	Миков Г.	121
Кукушкина	5	Май А.	24	Миллер А.	55
Кулик	82	Майронис	167	Мильгром И.	26,31
Кулиш	83				
Куница Н.	84,87,152				
Купченко Г.	65				
Куртсеитовы Н. и К.	61-62				

Мини Дж.	155	Нимиринаская Н.	9	Павличек Ф.	152
Миняков Д.	58,59	Новиков	99	Павлович	85
Мирзаян А.	168	Новиков М.	28	Пайлодзе В.	34
Мироненко Н.	78	Новинский М.	168	Палецкис	53
Мнюх Ю.	37	Новосельцев В.	16	Палтарокас П.	52
Монастырский Б.	104, 106,168-169	Ноздрачев	58	Панкратов М.	18
Мороз В.	98	Носков Ю.	169	Папиашвили А.	142
Морозов М.	142	Нудель И.	28,94,95	Паргаманик	29,93
Мостейка А.	52	Овакимян Б.	38	Парицкий А.	93
Муравьев М.	42	Овсиенко В.	31,130	Патрушев В.	78,79
Мурадян	104	Овсицер Л.	29	Пархоменко	37
Мурашов Е.	16	Овчинников И.	76-77	Пархоменко	107
Мурженко А.	97,114, 116,144	Огурцов И.	146,154	Пашилене Б.	47-48,52, 76,167
Мусатов С.	135	Одинцов	15	Пашилис А.	76-77
Муслиядинова Ф.	64	Озерчук А.	36	Пашнин Е.	142
Мустафаев А.	63	Оқунь Л.	21	Певзнер В.	30
Мустафаев Д.	62	Олейник В.	54	Переверзев	133
Мустафаев Н.	62	Олицкая Е.	40	Перчаткин Б.	78-80
Мустафаева Г.	65	Ольхов Г.	39	Пестов В.	138
Мустафаева З.	62	Орехов	103,104	Петерайтис А.	76
Мустафаева М.	63	Орлов А.	19	Петерс П.	56,57
Мустафаева Аджиме- лек и Афифе	65-66	Орлов Д.	19	Петкявичене Я.	45
Мухаметшин Б.	104, 106	Орлов Ю.	7,19-22,44, 46,47,82,142, 146,154,167	Петкявичюс И.	45,167
Мятик К.	104	Орловский Э.	160	Петренко (Подъяполь- ская) М.	24
Надышев	10	Орнест О.	152	Петров	105,106,125
Надюшкин	96	Осадчий В.	117	Петров Н.	161
Назарян Р.	38,148, 149,152	Осадчий М.	98,114, 117,118	Петров-Агатов А.	115
Назин И.	110	Оселков М.	16	Петровский	136
Налойченко	25,30	Осипов В.	99,101, 102,146	Пехарев	96-97
Науменко	10	Осипова Т.	24,69, 124,139	Печюлайтис П.	52,76
Нашипиц М.	144	Османов Б.	67	Пикулин	100
Некипелов В.	5,7,9, 40,72-73,136, 139,160,164	Османов М.	67	Пилялис	43,45
Некрасов	10	Осян С.	148	Пименов М.	78
Нелипович	106	Отс	39	Платонов В.	15
Непомнящая Е.	94	Оттен Н.	14	Плахотнюк Н.	133
Нешков Х.	162	Офкантс У.	44	Плумпа П.	103,104, 106,122
Никлус М.	39,41,44, 47,51	Павленков В.	16,18, 131	Плющ Л.	40,139
		Павленкова С.	18, 138,167	Погребная В.	54
				Подгорный Н.	45,75
				Подлесский	75
				Подрабинек А.	6,9,13, 22-24,124,136,137, 151,152,154,155,160

Подрабинек К.	22-24, 160,165	Рейнгардт	10	Саушкин	14,15
Подрабинек П.	24, 124,160	Репников В.	76-77	Сафронов	96
Поладян А.	76	Рецкер Г.	94	Сафронов А.	95
Поли Ж.-Ж.	39	Роде Г.	44,157	Сахаров А.	21,36,40, 44,46,66,69-71,82, 87,91,94,97,108, 127,134,135,136, 142,146-148,151, 153,155
Поликанов С.	73-75	Родионов А.	163,164	Сваринскас А.	49
Полудень	129	Рождествов В.	8-13	Светличная Н.	130, 131
Поляков	113	Рождествова О.	9	Светличный И.	103, 104-106,120-121,131
Помаз	104	Розен	90	Свиньин	105,106
Помозов В.	17,38	Розенштейн Н.	94	Сеитвелиева Д.	63
Пономарев В.	153	Ройтбурд Лев	30	Сеитвелиев Р.	63
Пономарев С.	16-17, 138	Ройтбурд Лилия	30	Сеитмуратова А.	70, 77-78
Пономарева	84	Романюк В.	98,114, 116-118,146,154	Сейдель Е.	94,95
Пономарева Е.	138	Романюк Н.	35	Семенов В.	76-77
Попадиченко И.	104, 106,107	Ронкин В.	167	Семенова М.	146
Попович О.	102,118	Ротенко	107	Семенова Т.	87
Поповский М.	88,90, 159	Рубан П.	7,146	Семенюк Р.	101
Поташов В.	14	Рудавин В.	38	Семченко А.	35
Пранскунайте О.	41-43	Руденко	129	Сендеров В.	163-164
Пресман	93	Руденко Н.	96,126, 127,130,131,139, 146,149,154	Сеник И.	102,118
Процень	104	Руденко Раиса	126, 127,149	Сенюшенков	58
Прудников В.	60	Руденко Р.	28,108, 119,121,123	Серая В.	140
Прудникова А.	35	Рузгене	41	Сергеев Ю.	159,160
Пуртов С.	40	Русак И.	112	Сергиенко А.	102-104, 106,125,139,146,154
Путалова К.	113,114	Рыбаков Ю.	6	Серебров Ф.	5-8,142, 146,154
Пшоник	30	Рыльский М.	149	Сереброва В.	5,8
Пэнсон Б.	116,144	Рябуха Л.	31,130	Серпиков В.	58
Пяткус В.	38,39,40, 43-48,51,142,146,154	Савенков И.Д.	35,37	Серый Л.	20,140
Пятрушайтис В.	52	Садо М.	17,129	Сиденко Ф.	82,83
Равиньш М.	99,101, 102	Садунайте Н.	101,102	Сидорин А.	159
Радионова	82-83	Салова Г.	18,87,88	Сильницкий А.	144
Разумовский П.	35	Самединов	70	Симес К.	88
Рак	105,106,122	Сапеляк С.	104,106, 107,119,121,132-133	Синявский А.	16,45
Ратнер	29	Сапронов	88	Сиротенко Е.	26
Рашитинис А.	52	Саранчук П.	102,114	Скалов	24,26,28,29
Ребрик Б.	98,114,118	Сарелд Б.-Г.	35-37	Скульский Д.	30
Регельсон Л.	143	Саркисян Э.	104	Скулме Ю.	138-139
Редькина	5	Сартаков П.	102		
Резникова Е.	5-8,18	Саснаускас Ю.	45,46, 50		

Слапшинскас В.	52	Сучков Ю.	18	Уланов В.	38
Слепак А.	87	Счастливая Л.	76	Уласовский Б.	110
Слепак В.	24,28,69, 87,91,93,152	Счастливый С.	76	Уляшов	113
Слепак Л.	91	Сялекас В.	52	Утыро	104
Слепак М.	28	Талянкер Л.	28	Усеинов К.	68
Слидинский	36	Тамкявичюс С.	49	Усинов Н.	63
Слободян Н.	132-133	Тапеня Т.	111,112	Усоева Н.	102
Смиринский Н.	64	Тарасов Е.	19-20	Успенский К.	167
Смоленцев	78	Тарахович	107	Ушаков Г.	99-102
Смоленцев	79	Тарто Э.	44,52,76	Фазылов Э.	68
Смушко	87	Твердохлебов А.	165	Фактор	30
Снегирев Г.	32-34,130	Тереля И.	135,151,152	Федоров	104-107, 121,123
Сокирко В.	160	Терехова	56	Федоров Ю.И.	16
Солдатов С.	99-102, 146	Терляцкас А.	45	Федоров Ю.П.	97,114, 115,116,144
Солженицын А.	22,38, 40,87,155,166	Терновский Л.	21, 159,160	Федотова В.	35
Соловьев Н.	141	Тескер Э.	25,27	Федюк В.	106
Сорин В.	92	Тимошкина	141	Фесуненко	59
Сорокина Н.	134	Тимченко	61	Филипов А.	137,138
Спиненко В.	135	Титов	106,120,122,123	Филиппский	107
Спирин	79,80	Тихий А.	96,126,127, 131,139,146,149,154	Финкельштейн Э.	29, 46,50,51
Ставскис Л.	52	Тихоновская У.	64	Фогельзанг М.	14
Сталин И.	5,43,117	Тихоновский А.	64	Фомиченко	58
Станиене И.-А.	76	Ткаченко	87	Фролова	109
Старостин	81	Толстая А.Л.	86	Фрумкин Л.	90
Старчик П.	21,168	Тот Р.	25,26	Хавел В.	152
Стасив-Калинец И.	101-102,118	Тохтаров Д.	68	Хайбулин В.	148
Стебун И.	149	Тракимас	44,46	Халилов Р.	61-62
Степанов	29	Тракимас Б.	52	Хариб	93
Степанов В.	79,80	Трачук	87	Хармс Д.	168
Степьякина В.	163	Трифонов В.	135	Харченко	66
Стернбах О.	168	Тронина Л.	9,13	Хасина Н.	94,95
Стрельников В.	35	Туменас	49	Хаустов В.	9
Строкатова Н.	88,97, 129,160	Тупиков А.	60	Хахаев С.	16
Струсов	125	Турчин В.	18,20,87, 88,142	Хвещенко В.	140
Стус В.	133	Тучкус А.	50	Хейфец М.	99-102
Сулацков А.	167	Тымчук Л.	30,140	Хельмбакк Г.	150
Сумборский	87	Тюльков В.	141	Хесс	29
Суперфин Г.	96,146	Убожко Л.	135	Хлгатян А.	152
Суровцева Н.	40	Удам Э.	40,44,47,51	Хмара	56
Сусленский Я.	142	Узлов В.	16,138	Хнох А.-Л.	144
Суслов М.	42,73	Уильямс Э.Б.	17,18, 167	Хове,ван	73,75

ПРОДОЛЖЕНИЕ УКАЗАТЕЛЯ ИМЕН

Ходжиаметов С.	63	Чистяков С.	159	Шубин	113
Ходорович С.	90	Членов М.	28	Шумило	20
Ходорович Т.	88-90, 99,164	Чудновские	87	Шумук Д.	98,114, 118,154
Хожухор	54	Чуйко Б.	132	Шупортяк В.	35
Хол Г.	156	Чупин В.	79		
Холл Б.	139	Чуприна	78,80		
Хохлов	58	Чуркин	9	Щаранский А.	21, 24-31,93,142, 144-146,154
Храмцов Ю.	99	Шабалдин	59	Щаранский Б.	27
Хромова Т.	124	Шабанов Э.	67	Щаранский Л.	27
Хрущев Н.С.	37	Шабанова Э.	64	Щеглов В.	35,152
Хумаго Е.	135	Шабашов Л.	24	Щеглова З.	35
		Шакиров Б.	99,102	Щелоков Н.	19,108
Цалитис И.	38,39,44	Шаповал Е.	160	Щербаков Ю.	14
Цапук	59	Шарканас Й.	52	Щиглик Д.	94
Цветков	96	Шафаревич И.	53, 165-166	Энгстрем Н.-Э.	35-37
Цинверблит	93	Шахновский	92	Эльберт	93
Цинобер А.	29	Шеварднадзе Э.	34		
Цинцадзе Г.	34	Шеваров	37	Юргутене М.	51
Цитленок Б.	144	Шевченко	85	Юскевич А.	99,102
Цитовская Г.	94,95	Шелихова М.	134		
Цыпин Л.	27	Шелков В.	36,55,148	Яблонский	115
		Шерудило	28	Яковлев	66
Чайко В.	134	Шехтман Ю.	90	Яковлев Ю.	21,22
Чайковский	31	Шешкявичюс	44	Якубовская Т.	22
Чаковский А.	45	Шигановский	140	Якунин Г.	24,148,152
Чебанов В.	137	Шилюк	87	Янкаускас А.	52
Чепкасов	105,106	Шиповский В.	38	Янкевич Е.	87
Чернобыльский Б.	93, 94	Шишук	31	Янков В.	160
Черновол В.	99-102, 146,154	Школьник И.	144	Янцен Я.	55
		Шлехт И.	55	Яснов М.	162
Черномаз Б.	40	Шовковский В.	123-124	Ягуялис В.	50
Черняк	104,105	Штеффен И.	59	Яцюк	59
Чеченев В.	141	Штерн М.	6	Яшкунас Г.	51
Чететкин Б.	27	Штиглиц Н.	26,142		